

**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ****ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ****НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 1, 2025**

Издается с 2017 г. Периодичность: с 2018 года 4 номера в год. Индексируется в РИНЦ.

Настоящий научный журнал представляет материалы, освещающие актуальные вопросы общего языкознания, переводоведения, социо- и психолингвистики, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, русской литературы, литературы народов РФ, зарубежной литературы, лингводидактики, педагогики. Материалы предназначены для широкого круга специалистов в области филологии и педагогики. Статьи рецензируются. Перепечатка без разрешения редакции запрещена, ссылки на журнал при цитировании обязательны.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шустова Светлана Викторовна – главный редактор, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Аверина Анна Викторовна – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный областной университет)

Андросова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Арустамова Анна Альбертовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Балакин Сергей Владимирович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский государственный университет путей сообщения)

Белобородова Ниля Сабитовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Бирск, Башкирский государственный университет (Бирский филиал))

Братухин Александр Юрьевич – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Бурдина Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Горбунова Наталья Владимировна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Ялта, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского)

Гордиенко Татьяна Петровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Симферополь, Крымский индустриально-педагогический университет им. Ф. Якубова)

Дворцова Наталья Петровна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Тюмень, Тюменский государственный университет)

Евсеева Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет)

Елшанский Сергей Петрович – доктор психологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский экономический институт)

Зеленина Тамара Ивановна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Игна Ольга Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Томск, Томский государственный педагогический университет)

Иоселиани Аза Давидовна – доктор философских наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Кашливик Кира Юрьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Российский университет дружбы народов)

Комарова Юлия Александровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Кондаков Борис Вадимович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Коптева Наталия Васильевна – доктор психологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

Костева Виктория Михайловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Российский государственный гуманитарный университет)

Кошкарлова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный (национальный исследовательский) университет)

Маркова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный педагогический университет)

Меньшакова Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Онина Софья Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ханты-Мансийск, Югорский государственный университет)

Ореховская Наталья Анатольевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Поздеев Вячеслав Алексеевич – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Сыктывкар, Федеральный исследовательский центр Коми, научного центра Уральского отделения РАН)

Потанина Наталия Леонидовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина)

Прокофьева Лариса Петровна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Саратов, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского)

Проскурнин Борис Михайлович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Пузанкова Елена Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московская международная академия)

Резанович Ирина Викторовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет)

Роготнев Илья Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Семенов Наталия Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Белгород, Старый Оскол, Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Сидорова Ольга Григорьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Сыромятников Олег Иванович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Сюткина Надежда Павловна – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Трофимова Нелли Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

Файзиева Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет)

Фельде Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет)

Фетисов Александр Сергеевич – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет)

Хабибуллина Лилия Фуатовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Чернобров Алексей Александрович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный медицинский университет)

Чугунов Дмитрий Александрович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный университет)

Шараков Сергей Леонидович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Старая Русса, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Дом-музей Ф. М. Достоевского)

Шачкова Эльвира Вадимовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Ялта, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

Шипова Ирина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)

Шумилова Елена Аркадьевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Краснодар, Кубанский государственный университет)

Юсупова Ляля Гайнулловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский государственный горный университет)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гао Чуньюй – профессор (Китай, округ Цицикар, Цицикарский университет)

Ивашкевич Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Ли Ифан – кандидат филологических наук (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Ниженева Наталья Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Рузиева Лола Талибовна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Ходжиматова Гулчехра Масаидовна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Чжан Цзяньвэнь – кандидат филологических наук (Китай, г. Хэйхэ, Хэйхэйский университет)

Чэнь Шуан – кандидат педагогических наук, профессор (Китай, г. Цзинань, Шаньдунский Женский университет)

Ши Хуншэн (Shi Hongsheng) – профессор (Китай, г. Хэфэй, Научно-исследовательский институт зарубежного страноведения и регионоведения Аньхойского университета, директор Центра по изучению России Аньхойского университета)

Ши Шаньшань – кандидат филологических наук, доцент (Китай, г. Шихэцзы, Институт иностранных языков Университета в Шихэцзы)

Ширнинова Римма Хакимовна – доктор филологических наук, профессор (Узбекистан, г. Ташкент, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека)

Яхьяпур Марзие – кандидат филологических наук, профессор (Иран, г. Тегеран, Тегеранский университет)

PERM STATE UNIVERSITY

EURASIAN HUMANITARIAN JOURNAL**SCIENTIFIC JOURNAL
No. 1, 2025**

Published since 2017 Frequency: since 2018, 4 issues per year. Indexed in the RSCI.

The journal contains materials covering current issues of general linguistics, translation studies, sociolinguistics, psycholinguistics, functional grammar, cognitive linguistics, discourse, Russian literature, the literature of the peoples of the Russian Federation, foreign literature, linguodidactics, and pedagogics. The materials are intended for a wide range of specialists in the field of philology and pedagogics. Articles are reviewed. Reprinting without permission of the editorial board is prohibited, links to the journal are mandatory when quoting.

EDITORIAL BOARD**Svetlana V. Shustova** – Editor-in-chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Anna V. Averina** – Deputy Editor-in-Chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Regional University)**Svetlana V. Androsova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)**Anna A. Arustamova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Sergey V. Balakin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural State University of Railway Transport)**Nylya S. Beloborodova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Birsik, Bashkir State University (Birsik Branch))**Alexander Yu. Bratukhin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Svetlana V. Burdina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Perm, Perm State University)**Natalia V. Gorbunova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Yalta, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky)**Tatyana P. Gordienko** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Simferopol, Crimean Industrial and Pedagogical University named after F. Yakubov)**Natalia P. Dvortsova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Tyumen, Tyumen State University)**Irina V. Evseva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Krasnoyarsk, Siberian Federal University)**Sergey P. Elshanski** – Grand Ph. D. (Psychology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Institute of Economics)**Olga N. Igna** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Tomsk, Tomsk State Pedagogical University)**Aza D. Joselin** – Grand Ph. D. (Philosophy), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)**Kira Yu. Kashlyavik** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Peoples' Friendship University of Russia)**Boris V. Kondakov** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Julia A. Komarova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia)**Natalia V. Kopteva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)**Victoria M. Kosteva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Russian State University for the Humanities)**Natalia N. Koshkarova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Chelyabinsk, South Ural State (National Research) University)**Tatiana N. Markova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Chelyabinsk, South Ural State Pedagogical University)**Nadezda N. Menshakova** – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Sofia V. Onina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Khanty-Mansiysk, Yugra State University)**Natalia A. Orekhovskaya** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)**Vyacheslav A. Pozdeev** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Syktyvkar, Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)**Natalia L. Potanina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Tambov, Derzhavin State University of Tambov)**Larisa P. Prokofieva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Saratov, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky)**Boris M. Proskurnin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Elena N. Puzankova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Moscow, Moscow International Academy)**Irina V. Rezanovich** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University)**Ilya Yu. Rogotnev** – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Natalia N. Semenenko – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Belgorod, Stary Oskol, Belgorod State National Research University)

Olga G. Sidorova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)

Oleg I. Syromyatnikov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Nelly A. Trofimova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Saint Petersburg, National Research University Higher School of Economics)

Galina V. Faizieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Astrakhan, Astrakhan State University)

Olga V. Felde – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Krasnoyarsk, Siberian Federal University)

Alexander S. Fetisov – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University)

Liliya F. Khabibullina – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University)

Alexey A. Chernobrov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Medical University)

Dmitry A. Chugunov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State University)

Sergey L. Sharakov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Staraya Russa, Novgorod State United Museum-Reserve, F. M. Dostoyevsky House-Museum)

Elvira V. Shachkova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Yalta, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) Crimean Federal University named after Vernadsky)

Irina A. Shipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Pedagogical State University)

Lyalya G. Yusupova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural State Mining University)

Nadezda P. Syutkina – Executive Secretary, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Irina N. Ivashkevich – Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)

Mekhrinisso B. Nagzibekova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Natalya N. Nizhneva – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarus State University)

Gulchehra M. Hodzhimatova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Gao Chunyu – Professor (China, Qiqihar, Qiqihar University)

Li Yifan – Ph. D. (Philology), (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Lola Ruzieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Zhang Jianwen – Ph. D. (Philology), (China, Heihe University)

Chen Shuang – Ph. D. in Pedagogy, Professor (China, Jinan, Shandong Women's University)

Rimma Shirinova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Uzbekistan, Tashkent, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan)

Shi Hongsheng – Professor (China, Hefei, Anhui University Institute of Foreign and Regional Studies, Director of Russian Studies Center, Anhui University)

Shi Shanshan – Ph. D. (Philology), Associate Professor (China, Shehezi, Institute of Foreign Languages of Shehezi University)

Yahyapour Marzieh – Ph. D. (Philology), Professor (Iran, Tehran University)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ	6
<i>Тисленкова И. А.</i> ДЕМОНСТРАТИВНАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	6
<i>Осадчий А. А., Андросова С. В.</i> МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ СЛОЖНОСТИ ЯЗЫКОВ: КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	21
<i>Бедненко Ю. И.</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» В НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	30
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА.....	42
<i>Архипова И. В.</i> ПРЕДЛОЖНЫЕ ДЕВЕРБАТИВЫ В РУССКОМ, ИТАЛЬЯНСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	42
<i>Сюткина Н. П., Яркова В. В.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛА <i>UNTERHALTEN</i>	52
МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА.....	60
<i>Зубарева Е. О., Гавшина А. Г.</i> ПОНЯТИЙНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА <i>FEAR</i> КАК КАТЕГОРИИ МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА.....	60
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	74
<i>Бондарева Л. М.</i> ПОЭТИКА И ПРАГМАТИКА ТЕКСТОВ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ЖАНРА	74
<i>Хорохорина С. Е.</i> ПЕРСониФИЦИРУЮЩИЕ МЕТАФОРЫ ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ Э. ДИКИНСОН (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «DEAR MARCH – COME IN»)	82
ДИСКУРСОЛОГИЯ.....	91
<i>Тудакова Е. А.</i> МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ	91
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ	99

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 6–20.

Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 1. P. 6-20.

Научная статья

УДК 808.5

ДЕМОНСТРАТИВНАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ирина Александровна Тисленкова

Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия,

tislenkova@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме функционирования демонстративной тональности в речи дипломатов. Целью настоящей работы является выявление и описание ведущих типов демонстративной тональности в дипломатическом дискурсе, их функций и средств выражения. В работе используются междисциплинарный подход и метод психолингвистического анализа речевой продукции коммуникантов, на основе которых строятся теоретические и практические выводы. Материалом для анализа служат высказывания президента, дипломатов, официальных представителей и глав министерства иностранных дел, произнесенные во время пленарных сессий, заседаний, конференций, брифингов и интервью. В результате проведенного исследования делается вывод о том, что в дипломатическом дискурсе существует несколько видов демонстративной тональности, выполняющие специфические функции. Положительная нарративная демонстративность выражается я- и мы- модальностью, положительными декларативами, комиссивами и констативами, эпифорой, лексическим повтором, синтаксическим параллелизмом, гиперболическими эпитетами и эмоциональными фразеологизмами и выполняет констатирующую и имиджевую функции. Отрицательная нарративная демонстративность реализуется негативными декларативами, отрицательными гиперболическими эпитетами и актуализирует констатирующую функцию. Подчеркивается, что положительная манипулятивная демонстративность конструируется эмфазой, вводными гиперболическими конструкциями, положительными ассертивами, фразеологизмами, гиперболическими тропами с персуазивной, имиджевой и контактоустанавливающей функциями. Уточняется, что отрицательная манипулятивная демонстративная тональность основывается на метафоре и демонстративных действиях с регулятивной и экспрессивной функциями, в то время, как скрытая отрицательная манипулятивная демонстративность выражается вводными предложениями, эвфемизмами, гиперболой, игрой слов и клише, реализуя оценочную и экспрессивную функции.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, коммуникативная демонстративность, самопрезентация, коммуникативный демонстратив, языковая личность.

Для цитирования: Тисленкова И. А. Демонстративная тональность в дипломатическом дискурсе // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 6–20.

Original article

DEMONSTRATIVE TONALITY IN DIPLOMATIC DISCOURSE

Irina A. Tislenkova

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia, tislenkova@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of demonstrative tonality functioning in the speech of diplomats. The purpose of this work is to identify and describe the leading types of demonstrative tonality in diplomatic discourse, their functions and means of expression. The work uses an interdisciplinary approach and a method of psycholinguistic analysis of the communicants' speech output, on the basis of which theoretical and practical conclusions are made. The material for the analysis is the statements of the President, diplomats, officials and heads of the Ministry of Foreign Affairs, delivered during plenary sessions, meetings, conferences, briefings and interviews. As a result of the conducted research, it is concluded that in diplomatic discourse there are several types of demonstrative tonality that perform specific functions. The positive narrative demonstrativeness is expressed by I- and we- modality, positive declaratives, commissives and constatives, epiphora, lexical repetition, syntactic parallelism, hyperbolic epithets and emotional phraseological units and performs ascertaining and image functions. The negative narrative demonstrativeness is realized by negative declaratives, negative hyperbolic epithets and actualizes the ascertaining function. It is emphasized that the positive manipulative demonstrativeness is constructed by emphasis, introductory hyperbolic constructions, positive assertives, phraseological units, hyperbolic tropes with persuasive, image and contact-establishing functions. It is clarified that the negative manipulative demonstrative tonality is based on metaphor and demonstrative actions with regulatory and expressive functions, while the hidden negative manipulative demonstrativeness is expressed by introductory sentences, euphemisms, hyperbole, pun and cliches, realizing evaluative and expressive functions. The results obtained can be used in the course of semiotics and psycholinguistics.

Keywords: diplomatic discourse, communicative demonstrativeness, self-presentation, communicative demonstrative, linguistic personality.

For citation: Tislenkova I. A. Demonstrative tonality in diplomatic discourse. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;1:6-20. (In Russ.).

Введение

Для дипломатического дискурса характерно постоянное изменение, являющееся следствием не только происходящих трансформаций в системе политического сообщества, событий на международной арене, возникающих внутривнутриполитических и экономических

проблем государств [Oosthuizen 2022]. Цифровизация и появление новых средств коммуникации способствуют открытости и доступности данного дискурса, делая его публичным, подверженным влиянию СМИ [Коньков 2020].

В рамках современной дипломатии официальные представители осуществляют свою деятельность как в сфере международных отношений, так и в сфере реализации региональных и глобальных инициатив с привлечением информационных технологий для взаимодействия, анализа и принятия решений. Дипломатия все больше ориентируется на многосторонние формы сотрудничества, такие как международные организации и форумы [Vjola, Manor 2022]. Учитывая растущее значение цифрового пространства, дипломаты также занимаются вопросами кибербезопасности и кибердипломатии. Дипломаты ведут диалог с общественностью через социальные сети и другие каналы. Для достижения политических целей ими используются культурные, образовательные и других немилитаристические методы [Adler-Nissen, Eggeling 2022]. Учитывая данные процессы, в настоящее время стали наблюдаться изменения и в характере самой интеракции представителей дипломатического сообщества, выражающиеся в стилевом и жанровом смешении, высокой эмоциональности речи и тропов, ранее не типичных для подобного контекста выступлений [Беляков 2022].

Демонстративная тональность является одним из ведущих механизмов дипломатического дискурса, реализующих его функции: осуществление внешней политики государства, представление и защита его прав, интересов, урегулирование конфликтов между государствами и установление дружеских связей между странами. Исследование специфики демонстративной тональности дипломатического дискурса позволяет определить способ использования вербальных и невербальных коммуникативных демонстративов для достижения специфических целей в области внешних сношений государств. Цель статьи – выявить и описать основные типы демонстративной тональности в дипломатическом дискурсе, их функции и способы выражения. В работе используются междисциплинарный подход и метод психолингвистического анализа речевой продукции коммуникантов. Материалом анализа послужили высказывания участников дипломатического дискурса 2016, 2021–2024 гг., содержащие коммуникативную демонстративность.

Основная часть

Коммуникативная демонстративность определяется как структурно-образующая коммуникативная категория спектрального типа – тональность, определяющая процесс речевой интеракции и реализующая функции самопрезентации и воздействия на эмоции и чувства адресата [Тисленкова 2024]. Субъект проявляет свои личностные качества посредством демонстративов – декларативно-репрезентативных единиц коммуникативного акта демонстративной тональности, выражаемых средствами семиотической полимодальности, отражающих индивидуальность продуцента и использующихся для управления впечатлением о себе.

Коммуникативными демонстративами служат изображения, звуки, цвета, действия, явления, предметы, понятия, слова, тексты, обладающие символическим значением и используемые человеком для активного самопродвижения в отношениях с другими людьми, подчеркивания своего социального положения, акцентирования приверженности определенному мировоззрению или идеологии [Бабенко 2021].

Характерные особенности дипломатического дискурса

Дипломатический дискурс – это институциональный, статусно-ориентированный дискурс, представляющий собой речевую интеракцию дипломатических представителей, направленную на урегулирование отношений между государствами и защиту интересов своих стран на международной арене. Адресантами данного дискурса выступают должностные лица внешнеполитического ведомства, президенты, главы правительств, правительство, МИД, дипломатические представительства, постоянные представительства, консульства, формирующие отношения суверенного государства с другими государствами и международными организациями, осуществляющие защиту его прав и интересов за рубежом. Адресатами являются дипломаты и представители социальных институтов (промышленники, бизнес-персоны, журналисты, ученые, интеллигенция). Прототипическим местом реализации дипломатического дискурса служит формальная и неформальная обстановка мест проведения дипломатических встреч и переговоров, сеть Интернет, телекоммуникационные средства связи.

Цель взаимодействия заключается в обеспечении безопасности государства, поддержании и укреплении его суверенитета и территориальной целостности, воздействии на общемировые процессы формирования демократического миропорядка, сотрудничества, достижения согласия и совпадающих интересов с зарубежными странами и межгосударственными объединениями, следовании национальным приоритетам государства, защите прав и интересов граждан за рубежом и создании позитивного имиджа государства в мире [Кожетева 2012]. Указанные цели достигаются посредством набора стратегий, включающего информационную, протективную, интерпретационную, оценочную, аргументативную, стратегии доминирования, сдерживания, нападения и аттрактивную стратегию [Климович 2024]. Ценности дипломатического дискурса предполагают корректность, преданность, честность, гибкость, вежливость, самообладание.

Корпус прецедентных текстов состоит из указов Президента, статей Конституции, федеральных законов, постановлений Правительства страны, приказов и распоряжений Министра иностранных дел, нормативных актов международного права (Венская Конвенция о дипломатических сношениях 1961 г., Венская Конвенция о консульских сношениях 1963 г.), кодекса дипломатической вежливости Дж. Вуда и Ж. Серре «Дипломатический церемониал и протокол». основополагающими концептами дипломатического дискурса принято считать антиномии «консенсус – разногласие», «мир – война», концепты «договоренность», «политика» и «власть». Дипломатический дискурс имеет письменную и устную формы.

Устное общение происходит в жанрах выступлений дипломатических представителей на заседаниях международных организаций, нот, переговоров, заявлений, пресс-конференций [Балашова 2023]. Письменная коммуникация осуществляется в жанрах резолюции, отчета, заявления, грамоты, коммюнике, экзекватуры, отчета, акта, международного соглашения, конвенции, конституционного акта, декларации, меморандума, дипломатического письма, международного соглашения [Ganzhelyuk, Pyasova 2022; Кулагин, Каримова 2024].

Для дипломатического дискурса свойственны специфические лексико-грамматические особенности, призванные обеспечить эмоциональное влияние на реципиента, а также быстрое и однозначное понимание содержания высказывания. На лексическом уровне рассматриваемый дискурс характеризуется обилием терминов из разных сфер жизни общества (СМИ, безопасности, финансов, политики, юриспруденции), сокращений, культурно-исторических реалий, дипломатических этикетных клише, эвфемизмов, книжной лексики, тропов [Абдулсалам 2023; Пибаетова 2023].

Среди грамматических особенностей языка дипломатов преобладают безличные и эмфатические конструкции, сложный синтаксис, единицы эмоционального синтаксиса, однородные члены предложения и инверсия [Попкова, Палагина 2023: 262–263].

Исследователи отмечают, что письменная речь дипломатов, регламентирована, формализована, основывается по большей части на штампах и формулах и регламентируется нормами дипломатического протокола [Zerkani 2023]. Устное общение носит обиходно-деловой характер, требует владения приемами ораторского искусства, в котором коммуникативная демонстративность играет ключевую роль [Kosovych, Kotovska, Kulyk 2022].

Функционирование демонстративной тональности в дипломатическом дискурсе

Внешнеполитическое взаимодействие, коммуникация системы с системой невозможны без использования демонстративной тональности. Дипломатический дискурс – это не только вербальное, но и символическое выражение доктрин, концепций и идеологических принципов при осуществлении интеракции в области внешней политики государств, которое формулируется исходя из национально-культурных, социально-исторических, а также ситуативных характеристик контекста с учетом намерений коммуникантов [Евстафьев 2024].

Интенциональным основанием конструктивной демонстративности является сплочение политических структур в рамках мира, принятие решения на основе общего согласия, осуществление политических заявлений, информирование о политических действиях, создание языковой картины политического поля и ее интерпретация, оценка действий политиков; деструктивной – дифференциация групповых агентов внешней политики, развитие конфликта, манипуляция сознанием. Таким образом, в дипломатическом дискурсе функционируют положительная и отрицательная коммуникативная демонстративность в её нарративной и манипулятивной разновидностях.

Дипломатический коммуникативный этикет включает в себя набор правил и норм поведения, которые соблюдаются при общении и взаимодействии в дипломатической сфере [Шевчук 2024]. Помимо уважения и вежливости, тактичности, учета культурных особенностей и традиций собеседников, эмпатии и толерантности к различным точкам зрения, дипломаты придерживаются установленных протокольных правил при проведении встреч, церемоний и других мероприятий, оформляемые единицами демонстративной тональности, которые придают значимость произносимому, помогая достигнуть взаимопонимания между странами и организациями. Например,

(1) В. Небензя: *Я уверяю вас, что у меня есть полномочия выступать от имени Российского государства.* Уполномочил меня на это президент страны Путин. Свои креденшлз я в свое время вручил генеральному секретарю. Поэтому вы можете быть абсолютно убеждены, что *все, что говорю я с этой трибуны – это официальное заявление от имени Российской Федерации* (0.07 мин – 0.28 мин) [У вас нет прав!: эл. ресурс].

В примере (1) содержится положительная манипулятивная демонстративная тональность, реализуемая частотным употреблением местоимения «я», гиперболой, эмфатической интонацией с эмфатическим выделением (*у меня есть полномочия*), повышающая убедительный потенциал подачи информации, её эмоциональное наполнение для заверения другой стороны в своей правоте.

Борьба за власть на международной арене и защита национальных приоритетов осуществляется разными средствами демонстративной тональности, применяемыми во внешнеполитической коммуникации.

Жанры дипломатической коммуникации доклад, выступление, ответы на вопросы СМИ, пресс-конференция, интервью, заявление, нота, комментарий осуществляют перформативную функцию. Их объединяет общая цель – демонстрация официальной позиции государства во внешнеполитических вопросах и представление страны как равноправного участника межнациональных отношений, оказывающего влияние на расстановку сил и ход событий в мире.

(2) М. Захарова: *Мы всегда уважаем национальное законодательство суверенных государств* (1.46.37 мин) [Брифинг М. В. Захаровой: эл. ресурс].

(3) В. Небензя: *Я верю в международный порядок, основанный на хартии ООН* (9.11 мин) [Василий Небензя: Мы находимся в конфликте с Западом: эл. ресурс].

В примерах (2) и (3) говорящие используют положительную нарративную демонстративную тональность, выраженную я- и мы-модальностью, положительными декларативами, которые акцентируют основополагающие принципы взаимодействия для построения продуктивного диалога.

(4) М. Захарова: *Мы отмечали, что антироссийская риторика официального Кишинева приобретает все более извращенную, гротескную форму. Это уже просто неприлично* (1.47.01 мин) [Брифинг М. В. Захаровой: эл. ресурс].

В высказывании (4) представлена отрицательная нарративная демонстративность, актуализируемая негативными декларативами и отрицательными гиперболическими эпитетами (извращенная, гротескная форма), употребляемая с целью протеста против попытки компрометации репутации страны.

В основе коммуникативной демонстративности в этой сфере лежат задачи продвижения интересов государства на международном уровне, укрепления своего положения в мировом сообществе и распространения своей политической идеологии, ценностей и предпочтений.

(5) Такер Карлсон: Вы бы присоединились к НАТО?

В. Путин: Если бы он сказал да, начался бы процесс сближения и в конечном итоге это могло бы состояться. <...> Ну, нет, так нет. <...>

Такер Карлсон: Я чувствую, что вы испытываете горечь по этому поводу. Но почему Запад вас тогда так оттолкнул? Почему не удалось улучшить отношения?

В. Путин: <...> Нет, это не горечь. Это просто констатация факта. *Мы же не жених и невеста.* <...> *Просто мы поняли, что нас там не ждут* (30.28 мин – 31.37 мин) [Интервью Такеру Карлсону: эл. ресурс].

В отрывке интервью (5) отрицательная манипулятивная демонстративная тональность выполняет уточняющую и регулирующую функции и передается с помощью метафоры.

Дипломаты, взаимодействующие с представителями других стран, дискурсивно создают картину межнациональных отношений, соответствующую их целям в данной политической реальности.

(6) А. Бербок: *Если я пообещала людям Украины, что мы будем с ними столько, сколько им будет нужно, я хочу сдержать это обещание.* Неважно, что думают мои немецкие избиратели, я хочу сдержать обещание людям Украины [Бербок: «Неважно, что думают мои немецкие избиратели»: эл. ресурс].

Глава МИД Германии прибегает к положительной нарративной демонстративности, выраженной положительными декларативами, комиссивами (*мы будем с ними столько, сколько им будет нужно*), констативами и эпифорой (*я хочу сдержать обещание*) с целью подчеркнуть непреклонность решения Германии продолжать военную помощь Украине.

В дипломатическом дискурсе проблема демонстративности связана с концептами «сила» и «власть», которые получают необходимые оттенки смысла в зависимости от политической обстановки и выражаются лексическими демонстративами.

(7) А. Бербок: *Десять месяцев мы с партнерами прилагали усилия.* Были поставки системы ПВО, IRIS-T и Гепардов. Сейчас последним решением – Мардеры. *И я могу сказать, что мы будем продолжать это партнерство. И я сегодня с вами здесь, чтобы увидеть своими глазами, насколько важна наша помощь, и чтобы можно было продолжать ее самым эффективным образом* (0.00 мин – 0.21 мин) [Немецкие танки для Украины: эл. ресурс].

В заявлении А. Бербок (7) положительная нарративная демонстративность конструируется комиссивом (*мы будем продолжать это партнерство*), лексическим повтором (*партнеры, партнерство*), синтаксическим параллелизмом, гиперболическим эпитетом (*самым эффективным образом*) и эмоциональным фразеологизмом (*увидеть своими глазами*). Данная тональная разновидность актуализирует смысловые составляющие влияния, военной мощи, активности и сотрудничества.

Демонстративная тональность в дипломатическом дискурсе направлена на установление контактов, расширение сети связей и укрепление дипломатических отношений.

(8) В. Путин: *На самом деле, я вас уверяю, мне очень близки, я без преувеличения говорю, у нас сложились дружеские отношения с лидером Китая, с господином Си Цзиньпином. И я вижу, какого уровня ... это мирового уровня политик* (1.12 мин – 1.31 мин) [Так кто президент Франции: я или Макрон?: эл. ресурс].

На Пленарной сессии XVI ежегодного заседания клуба «Валдай» президент говорит о своих дружеских отношениях с лидером Китая (8) посредством положительной манипулятивной коммуникативной демонстративности, которая реализуется эмфатическими вводными словами (*на самом деле*) и предложениями (*я вас уверяю, я без преувеличения говорю*), гиперболой (*мне очень близки дружеские отношения с лидером Китая*) и гиперболическим эпитетом (*это мирового уровня политик*) с целью выражения уважения и признания его достоинств.

Дипломатия помогает предотвращать конфликты и разрешать споры мирным путем. Демонстративная тональность, используемая во время переговоров, способствует урегулированию разногласий и утверждению мирных отношений участвующих сторон.

(9) А. Бербок: Африканские коллеги предложили вернуть депортированных детей в качестве первой меры укрепления доверия. И мне хотелось бы от всего сердца поддержать их предложение. Мне хотелось бы призвать всех нас объединить силы с международными организациями и управлениями власти (3.25 мин – 3.53 мин) [Анналена Бербок рассказала о похищенных украинских детях: эл. ресурс].

Для того, чтобы склонить на свою сторону реципиентов, говорящая (9) употребляет положительную манипулятивную демонстративность, актуализируемую гиперболой (*от всего сердца поддержать их предложение, призвать всех нас*) и экспрессивным фразеологизмом (*от всего сердца*).

Дипломат может использовать демонстративную тональность для выражения своей позиции по определенному вопросу или проблеме или оценки событий и действий международных партнеров.

(10) С. Лавров: *Я вам даже больше скажу. Госпожа Мелони, премьер-министр Италии, тут на днях, когда обсуждалась Газа, сказала: «Если бы Россия не вторглась на Украину, то Хамас 7 октября прошлого года не напал бы на Израиль». Я много слышал интересных высказываний от прекрасной половины тружениц на внешнеполитическом фронте, но такое слышу впервые* (8.02 мин – 8.31 мин) [Россия открывает карты: эл. ресурс].

В данном высказывании (10) министр иностранных дел РФ подчеркивает абсурдность заявления Дж. Мелони с помощью скрытой отрицательной манипулятивной демонстративной тональности, которая выражается вводными предложениями, включающими эвфемизм-эпитет (*интересные высказывания*), эвфемизм-метонимию (*прекрасная половина тружениц*) и гиперболу (*но такое слышу впервые*).

(11) Журналистка CNN К. Аманпур: У России была своя «пусси райот ситуация». Что вы думаете о «пусси райот ситуации» Дональда Трампа?

С. Лавров: *Даже не знаю Английский не мой родной язык. Но, используя вашу же терминологию: в вашей предвыборной компании столько «пусей» со всех сторон, что я даже не хочу комментировать все это* [Лавров смутил американскую телеведущую: эл. ресурс].

Утверждения С. Лаврова (11) построены на скрытой отрицательной манипулятивной демонстративности, выраженной отрицательными вводными предложениями (*Даже не знаю Английский не мой родной язык*), игрой слов (*пусси райот ситуация – столько «пусей»*), гиперболой (*столько «пусей» со всех сторон*) и клише (*я даже не хочу комментировать все это*), с помощью которой министр косвенно говорит о том, что в американских президентских структурах много тех, кто занимается саботажем.

(12) Во время трансляции выступления главы МИД России Сергея Лаврова на конференции ООН ряд западных делегаций устроили бойкот и покинули зал. Об этом сообщает агентство «Франс Пресс». «Дипломаты демонстративно покинули зал в начале речи Лаврова, которая была записана заранее», – говорится в сообщении. Как отмечает агентство, когда началась трансляция, дипломаты «большого количества» стран поспешили выйти из зала. При этом за пределами зала демарш приветствовали аплодисментами [России устроили бойкот на конференции ООН: эл. ресурс].

В примере (12) дипломаты разных стран использовали акцентированную отрицательную манипулятивную демонстративность, реализуемую демонстративными действиями (*покинули зал, приветствовали аплодисментами*), чтобы выразить своё неодобрение военной операции России на Украине.

Целью применения демонстративной тональности в дипломатическом дискурсе является также поддержание положительного имиджа и репутации страны, которую дипломат представляет.

(13) В. Путин: *Откровенно говоря, я не знал, как мы это сделаем, но я был готов исполнять* (Минские договоренности – примеч. наше Т. И.) <...>. *Но я был уверен абсолютно, и я сейчас вам скажу: я искренне считал, что если все-таки удастся уговорить тех людей, которые на Донбассе живут <...> возвратиться в рамки украинской государственности, то постепенно, постепенно раны заживут* (51.13 мин – 51.46 мин) [Интервью Такеру Карлсону: эл. ресурс].

Данное высказывание президента (13) оформлено средствами положительной манипулятивной демонстративности: вводными конструкциями, содержащими гиперболу (*я был уверен абсолютно*) и эпитеты (*я искренне считал*), и положительными ассертивами (*я был готов исполнять*), показывающими реципиенту стремление реализовать положения Минского протокола.

Заключение

Таким образом, в дипломатическом дискурсе выделяются несколько видов демонстративной тональности, выполняющие специфические функции:

1) положительная нарративная демонстративность, выраженная я- и мы-модальностью, положительными декларативами, комиссивами и констативами, эпифорой, лексическим повтором, синтаксическим параллелизмом, гиперболическими эпитетами и эмоциональными фразеологизмами, которая выполняет констатирующую и имиджевую функции;

2) отрицательная нарративная демонстративность, реализуемая негативными декларативами и отрицательными гиперболическими эпитетами, которая актуализирует констатирующую функцию;

3) положительная манипулятивная демонстративность, конструируемая эмфазой, вводными гиперболическими конструкциями, положительными ассертивами, фразеологизмами, гиперболическими тропами с персуазивной, имиджевой, контактоустанавливающей функциями;

4) отрицательная манипулятивная демонстративная тональность, основанная на метафоре и демонстративных действиях с регулятивной и экспрессивной функциями;

5) скрытая отрицательная манипулятивная демонстративность, выраженная вводными предложениями, эвфемизмами, гиперболой, игрой слов и клише, реализующая оценочную и экспрессивную функции.

Список литературы

1. Абдулсалам А. Л. Ф. Анализ лексики и фразеологии дипломатического дискурса (на примере арабского и русского языков) // Политическая лингвистика. 2023. №. 2 (98). С. 188–193.
2. Анналена Бербок рассказала о похищенных украинских детях. 24.07.2023 URL: <https://skeptimist.livejournal.com/5489223.html> (дата обращения: 17.12.2024).
3. Бабенко Л. Г. и др. Словарь-тезаурус синонимов русского языка : 600 ключевых понятий, около 7300 синонимических рядов, 40 000 слов-синонимов. М. : АСТ-Пресс Школа, 2021. 446 с.
4. Балашова Л. В. Эмотивная метафорика в жанрах дипломатического дискурса : динамический аспект (на материале текстов пресс-конференций и интервью министра иностранных дел С. В. Лаврова 2023 года) // Жанры речи. 2023. №. 4 (40). С. 337–348. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-337-348 EDN: VDURBA

5. Беляков М. В. Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса (на материале открытой профессиональной дипломатии) : дисс.... докт. филол. наук. М., 2022. 437 с.
6. Бербок: «Неважно, что думают мои немецкие избиратели». 02.09.2022. URL: <https://business-swiss.ch/2022/09/berbok-nevazhno-что-dumajut-moi-nemeckie-izbirateli/> (дата обращения: 17.12.2024).
7. Брифинг М. В. Захаровой, 28 февраля 2024 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OYVHRYgvPPE> (дата обращения: 17.12.2024).
8. Василий Небензя: Мы находимся в конфликте с Западом / Интервью BBC 10.02.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6YvSBXcahZM> (дата обращения: 17.12.2024).
9. Евстафьев Д. Г. Дискурс посткапитализма как отражение кризиса глобализации // Вестник МГИМО-Университета. 2024. Т. 16, №. 6. С. 207–222. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-6-93-207-222 EDN: OTLDJK
10. Интервью Такеру Карлсону. 09.02.2024. URL: https://www.youtube.com/watch?v=s9RklNHU5_M (дата обращения: 17.12.2024).
11. Климович Н. И. Политический протест сквозь призму британской прессы : стратегии управления восприятием публицистического текста // Право и управление. XXI век. 2024. Т. 19, №. 4. С. 129–137. DOI: 10.24833/2073-8420-2023-4-69-129-137 EDN: CYQCZK
12. Кожетева А. С. Дипломатический дискурс как особый вид институционального дискурса // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2012. №. 17. С. 54–63. EDN: OXMNPR
13. Коньков А. Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 13, №. 1. С. 47–68. DOI: 10.21638/spbu06.2020.104 EDN: DOKOFB
14. Кулагин В. А., Каримова Л. Н. Специфика дипломатической переписки между странами // Вестник науки. 2024. Т. 1, №. 2 (71). С. 299–304. EDN: ZAYSYK
15. Лавров смутил американскую телеведущую. 13.10.2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IbC0zHr-XbQ> (дата обращения: 17.12.2024).
16. Немецкие танки для Украины. Перспективы сотрудничества Киев – Берлин. Брифинг Бербок – Кулеба. 10.01.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8WQY9EsCT9o> (дата обращения: 17.12.2024).
17. Пибаетова А. И. Лексико-стилистические особенности дипломатического дискурса (на материале официальных заявлений МИД России) // Молодой исследователь: от идеи к проекту. Материалы VII студенческой научно-практической конференции. Йошкар-Ола : Изд-во «Марийский государственный университет», 2023. С. 750–752.
18. Попкова Е. М., Палагина О. М. Дипломатический дискурс в современной парадигме подходов к преподаванию иностранных языков // Казанский лингвистический журнал. 2023. № 6 (2). С. 257–270. DOI: 10.26907/2658-3321.2023.6.2.257-270 EDN: ZUSPDF

19. России устроили бойкот на конференции ООН. 01.03.2022. URL: <https://news.rambler.ru/world/48226010-rossii-ustroili-boykot-na-konferentsii-oon/> (дата обращения: 17.12.2024).
20. Россия открывает карты: она знает об участии военнослужащих НАТО в конфликте на Украине. 1.03.2024. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=B87dcQIaPnw> (дата обращения: 17.12.2024).
21. Так кто президент Франции: я или Макрон? 18.06. 2022 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oPPv0hw9Gf8> (дата обращения: 17.12.2024).
22. Тисленкова И. А. Феномен коммуникативной демонстративности в современном дискурсе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024. № 2-2. С. 14–21. DOI: 10.20339/PhS.2.2-24.014 EDN: RFSEOI
23. У вас нет прав! 28.11.2021 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MNxvN2UJFt8> (дата обращения: 17.12.2024).
24. Шевчук Н. В. Переосмысливая подходы к обучению переговорам в России и мире // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 17, №. 4. С. 163–176. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-163-176 EDN: QSZULV
25. Adler-Nissen R., Eggeling K. A. Blended diplomacy: the entanglement and contestation of digital technologies in everyday diplomatic practice // *European Journal of International Relations*. 2022. Vol. 28. No 3. P. 640–666. DOI: 10.1177/13540661221107837 EDN: SSZEWA
26. Bjola C., Manor I. The rise of hybrid diplomacy: from digital adaptation to digital adoption // *International Affairs*. 2022. Vol. 98. No 2. P. 471–491. DOI: 10.1093/ia/iia005 EDN: IDHWRB
27. Ganzhelyuk P. I., Ilyasova A. R. Genres of the institutional discourse of American digital diplomacy // *Resmilitaris*. 2022. Vol. 12. No 2. P. 2607–2612.
28. Kosovych O. V., Kotovska T. I., Kulyk S. A. Diplomatic communication. Discourse analysis // *Вчені записки ТНУ імені ВІ Вернадського. Серія: Філологія. Журналістика*. 2022. Т. 33, №. 72. С. 156–160. DOI: 10.32838/2710-4656/2022.1-1/27 EDN: WLHETL
29. Oosthuizen M. E. The changing nature of diplomacy in the 21st Century: from diplomatic generalists to four types of specialists: Doctoral thesis. Johannesburg : University of Johannesburg. 2022. 381 p.
30. Zerkani A. J. K. A. L. Critical discourse analysis in the perceptions of diplomatic speech: a theoretical approach // *Identities in the spotlight. Dialogue in a global world*. 2023. P. 162.

References

1. Abdulsalam A. L. F. Analiz leksiki i frazeologii diplomatskogo diskursa (na primere arabskogo i russkogo yazykov) [Analysis of the vocabulary and phraseology of diplomatic discourse (using the Arabic and Russian languages as examples)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2023, no. 2 (98), pp. 188-193. (In Russ.).
2. Annalena Berbok rasskazala o pokhishchennykh ukrainskikh detyakh [Annalena Baerbock spoke about the kidnapped Ukrainian children]. 24.07.2023. (In Russ.). Available at: <https://skeptimist.livejournal.com/5489223.html> (accessed: 17.12.2024).

3. Babenko L. G. i dr. Slovar'-tezaurus sinonimov russkogo yazyka : 600 klyuchevykh ponyatiy, okolo 7300 sinonimicheskikh ryadov, 40 000 slov-sinonimov [Dictionary-thesaurus of synonyms of the Russian language: 600 key concepts, about 7300 synonymous series, 40,000 synonymous words]. Moscow, AST-Press Shkola, 2021, 446 p. (In Russ.).
4. Balashova L. V. Emotivnaya metaforika v zhanrakh diplomaticheskogo diskursa : dinamicheskiy aspekt (na materiale tekstov press-konferentsiy i interv'yu ministra inostrannykh del S. V. Lavrova 2023 goda) [Emotive Metaphorics in the Genres of Diplomatic Discourse: Dynamic Aspect (Based on the Texts of Press Conferences and Interviews of Foreign Minister S. V. Lavrov in 2023)]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. 2023, no. 4 (40), pp. 337-348. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-337-348 EDN: VDURBA (In Russ.).
5. Belyakov M. V. Lingvoaksiologiya i lingvosemiotika diplomaticheskogo diskursa (na materiale otkrytoy professional'noy diplomatii) [Lingvoaxiology and linguosemiotics of diplomatic discourse (based on open professional diplomacy)]. Doctoral dissertation. Moscow, 2022, 437 p. (In Russ.).
6. Berbok: "Nevazhno, chto dumayut moi nemetskie izbirateli" ["It doesn't matter what my German voters think"]. 02.09.2022. (In Russ.). Available at: <https://business-swiss.ch/2022/09/berbok-nevazhno-chno-dumajut-moi-nemeckie-izbirateli/> (accessed: 17.12.2024).
7. Brifing M. V. Zakharovoy [Briefing by M. V. Zakharova]. February 28, 2024. (In Russ.). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=OYVHRYgvPPE> (accessed: 17.12.2024).
8. Vasiliy Nebenzya: My nakhodimsya v konflikte s Zapadom [Vasily Nebenzya: We are in conflict with the West]. *Interv'yu BBC 10.02.2021* [BBC Interview 02/10/2021]. (In Russ.). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=6YvSBXcahZM> (accessed: 17.12.2024).
9. Evstaf'ev D. G. Diskurs postkapitalizma kak otrazhenie krizisa globalizatsii [The discourse of postcapitalism as a reflection of the crisis of globalization]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO-University Bulletin]. 2024, vol. 16, no. 6, pp. 207-222. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-6-93-207-222 EDN: OTLDJK (In Russ.).
10. Interv'yu Takeru Karlsonu [Interview with Tucker Carlson]. 09.02.2024. (In Russ.). Available at: https://www.youtube.com/watch?v=s9RklNHU5_M (accessed: 17.12.2024).
11. Klimovich N. I. Politicheskii protest skvoz' prizmu britanskoy pressy: strategii upravleniya vospriyatiem publitsisticheskogo teksta [Political Protest Through the Prism of the British Press: Strategies for Managing the Perception of Journalistic Texts]. *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Law and management. KSHI century]. 2024, vol. 19, no. 4, pp. 129-137. DOI: 10.24833/2073-8420-2023-4-69-129-137 EDN: CYQCZK (In Russ.).
12. Kozheteva A. S. Diplomaticheskii diskurs kak osobyi vid institutsional'nogo diskursa [Diplomatic discourse as a special type of institutional discourse]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya* [Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Construction. Series: Modern Linguistic and Methodological-Didactic Research]. 2012, no. 17, pp. 54-63. EDN: OXMNPR (In Russ.).

13. Kon'kov A. E. Tsifrovizatsiya politiki vs politika tsifrovizatsii [Digitalization of politics vs. the politics of digitalization]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Saint Petersburg University. Political Science. International Relations]. 2020, vol. 13, no. 1, pp. 47-68. DOI: 10.21638/spbu06.2020.104 EDN: DOKOFB (In Russ.).
14. Kulagin V. A., Karimova L. N. Spetsifika diplomaticheskoy perezpiski mezhdu stranami [Specifics of diplomatic correspondence between countries]. *Vestnik nauki* [Herald of Science]. 2024, vol. 1, no. 2 (71), pp. 299-304. EDN: ZAYSYK (In Russ.).
15. Lavrov smutil amerikanskuyu televedushchuyu [Lavrov Embarrassed American TV Presenter]. 13.10.2016. (In Russ.). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=IbC0zHr-XbQ> (accessed: 17.12.2024).
16. Nemetskie tanki dlya Ukrainy. Perspektivy sotrudnichestva Kiev – Berlin. Brifing Berbok – Kuleba [German tanks for Ukraine. Prospects for cooperation Kyiv - Berlin. Briefing Baerbock - Kuleba]. 10.01.2023. (In Russ.). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=8WQY9EsCT9o> (accessed: 17.12.2024).
17. Pibaeva A. I. Leksiko-stilisticheskie osobennosti diplomaticheskogo diskursa (na materiale ofitsial'nykh zayavleniy MID Rossii) [Lexical and stylistic features of diplomatic discourse (based on official statements of the Russian Foreign Ministry)]. *Molodoy issledovatel': ot idei k proektu* [Young Researcher: From Idea to Project]. Yoshkar-Ola, Mariyskiy gosudarstvennyy universitet, 2023, pp. 750-752. (In Russ.).
18. Popkova E. M., Palagina O. M. Diplomatičeskij diskurs v sovremennoy paradigme podkhodov k prepodavaniju inostrannykh yazykov [Diplomatic discourse in the modern paradigm of approaches to teaching foreign languages]. *Kazanskiy lingvisticheskiy zhurnal* [Kazan Linguistic Journal]. 2023, no. 6 (2), pp. 257-270. DOI: 10.26907/2658-3321.2023.6.2.257-270 EDN: ZUSPDF (In Russ.).
19. Rossii ustroili boykot na konferentsii OON [Russia boycotted at UN conference]. 01.03.2022. (In Russ.). Available at: <https://news.rambler.ru/world/48226010-rossii-ustroili-boykot-na-konferentsii-oon/> (accessed: 17.12.2024).
20. Rossiya otkryvaet karty: ona znaet ob uchastii voennosluzhashchikh NATO v konflikte na Ukraine [Russia reveals its cards: it knows about NATO troops' participation in the conflict in Ukraine]. 1.03.2024. (In Russ.). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=B87dcQIaPnw> (accessed: 17.12.2024).
21. Tak kto prezident Frantsii: ya ili Makron? [So who is the president of France: me or Macron?]. 18.06.2022 (In Russ.). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=oPPv0hw9Gf8> (accessed: 17.12.2024).
22. Tislenkova I. A. Fenomen kommunikativnoy demonstrativnosti v sovremennom diskurse [The Phenomenon of Communicative Demonstrativeness in Modern Discourse]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshyey shkoly* [Philological sciences. Scientific reports of higher education]. 2024, no. 2-2, pp. 14-21. DOI: 10.20339/PhS.2.2-24.014 EDN: RFSEOI (In Russ.).

23. U vas net prav! [You have no rights!]. 28.11.2021 (In Russ.). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=MNxvN2UJFt8> (accessed: 17.12.2024).
24. Shevchuk N. V. Pereosmyslivaya podkhody k obucheniyu peregovoram v Rossii i mire [Rethinking Approaches to Teaching Negotiations in Russia and the World]. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika* [Eurasian integration: economics, law, politics]. 2024, vol. 17, no. 4, pp. 163-176. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-163-176 EDN: QSZULV (In Russ.).
25. Adler-Nissen R., Eggeling K. A. Blended diplomacy: the entanglement and contestation of digital technologies in everyday diplomatic practice // *European Journal of International Relations*. 2022. Vol. 28. No 3. P. 640–666. DOI: 10.1177/13540661221107837 EDN: SSZEWA
26. Bjola C., Manor I. The rise of hybrid diplomacy: from digital adaptation to digital adoption // *International Affairs*. 2022. Vol. 98. No 2. P. 471–491. DOI: 10.1093/ia/iia005 EDN: IDHWRB
27. Ganzhelyuk P. I., Ilyasova A. R. Genres of the institutional discourse of American digital diplomacy // *Resmilitaris*. 2022. Vol. 12. No 2. P. 2607–2612.
28. Kosovych O. V., Kotovska T. I., Kulyk S. A. Diplomatic communication. Discourse analysis // *Вчені записки ТНУ імені ВІ Вернадського. Серія: Філологія. Журналістика*. 2022. Т. 33, №. 72. С. 156–160. DOI: 10.32838/2710-4656/2022.1-1/27 EDN: WLHETL
29. Oosthuizen M. E. The changing nature of diplomacy in the 21st Century: from diplomatic generalists to four types of specialists: Doctoral thesis. Johannesburg : University of Johannesburg. 2022. 381 p.
30. Zerkani A. J. K. A. L. Critical discourse analysis in the perceptions of diplomatic speech: a theoretical approach // *Identities in the spotlight. Dialogue in a global world*. 2023. P. 162.

Информация об авторе

И. А. Тисленкова – кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет.

Information about the author

I. A. Tislenkova – Ph. D. (Philology), Assistant Professor, Foreign Language Department, Volgograd State Technical University

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 20.02.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 20.02.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 21–29.

Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 1. P. 21-29.

Научная статья

УДК 811.581(07)

МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ СЛОЖНОСТИ ЯЗЫКОВ: КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Андрей Андреевич Осадчий¹, Светлана Викторовна Андросова²

^{1,2}Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия,

osadchiiandrei2001@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена попытке формализации существующей модели оценки сложности английского языка. Модель основана на типологическом подходе классификации языков, выработанном на опыте Отраслевой лаборатории машинного перевода Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Цель настоящей статьи – предложить авторское расширение и формализацию модели оценки сложности языков по системе, разработанной Foreign Language Institute (FSI), для оценки сложности любого иностранного языка с точки зрения английского языка, и апробировать ее на известных данных по характеристикам китайского языка (фонетика, лексика, грамматика, система письма и др.). Основным методом исследования является моделирование. Автором статьи разбирается устройство данной модели, её критерии (переменные), изменение её результатов, и предлагается математическая формализация данной модели с последующими вычислительными экспериментами. В результате для китайского языка были рассчитаны два параметра: значение структурной сложности, которое составило 69 %, и индекс FSI, который оказался приблизительно равным 4,573. Эти значения позволили присвоить китайскому языку категорию V. Данная категория означает, что среднестатистическому человеку, изучающему китайский язык, для которого родным является английский, потребуется 85 недель для достижения уровня B2/C1.

Ключевые слова: английский язык, сложности изучения языка, математическая модель, формализация, уровень языка, языковое родство, письменность.

Для цитирования: Осадчий А. А., Андросова С. В. Модель оценки сложности языков: китайский язык с точки зрения английского языка // Евразийский гуманитарный журнал 2025. № 1. С. 21–29.

Original article

THE MODEL TO ASSESS THE DIFFICULTY OF A LANGUAGE: CHINESE FROM THE VIEW POINT OF ENGLISH

Andrei A. Osadchi¹, Svetlana V. Androsova²

^{1,2}Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, osadchiiandrei2001@gmail.com

Abstract. This article is devoted to an attempt to formalize the existing model for assessing the complexity of the English language. The model is based on a typological approach to language classification, developed from the experience of the Industrial Laboratory of Machine Translation of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen. This paper aims to offer modification and formalization of the model assessing the difficulty of a language based on the system designed by Foreign Language Institute (FSI) to apply to any language from the viewpoint of English and to test it on well-known features of Chinese including phonetics, lexis, grammar, writing systems, etc. Therefore, modeling is the major method used in this study. The paper presents the structure of the model, its criteria (variables), changes of its output and offers mathematical formalization with further calculations. As a result, two parameters were calculated for Chinese: structure complicatedness value that turned out 69 % and FSI index that was approximately 4,573. These values enable to attribute Chinese to category V. This means that, being an average native English speaker, an average learner of Chinese as L2, will need 85 weeks to achieve level B2/C1.

Keywords: English language, difficulty in learning a language, mathematical model, formalization principle, layer of language, language similarity.

For citation: Osadchi A. A., Androsova S. V. The model to assess the difficulty of a language: Chinese from the view point of English. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;1:21-29. (In Russ.).

Введение и актуальность

Данная статья посвящена попытке формализации существующей модели оценки сложности английского языка. Модель основана на типологическом подходе классификации языков, выработанном на опыте Отраслевой лаборатории машинного перевода Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Коваль, Пиотровский и др., 1993; Koval, Van Nunen 1999; Коваль, Ван Нюнэн 1999; Koval et al. 2000) [Цит. по: Коваль 2005: 6–7]], и ориентирована на педагогов и лингвистов с целью разработки курсов для студентов, изучающих второй язык как иностранный [Jackson, Kaplan 1999: 72], а также на полевых лингвистов и миссионеров. Методология может быть применена и для создания более разветвлённой модели оценки сложности языков с точки зрения русского и других языков [Климцев, Каллаур 2022; Cruttenden 2001; Dan 2021].

Математическая модель является приближенной, и не отражает индивидуальных особенностей, но всё же она основана на 70-летнем опыте преподавания широкого спектра языков, накопленном Институтом дипломатической службы (Foreign Service Institute). FSI создал классификацию языков в зависимости от среднего времени, которое требуется студентам для достижения «профессионального рабочего уровня» B2/C1. Эта система является наиболее популярной, что обуславливает её выбор в данной научной статье.

Входными параметрами модели являются лингвистические факторы того или иного языка (фонетические, грамматические и лексические особенности, графика и орфография и т. п.), а также экстралингвистические факторы (наличие ресурсов для изучения), выходным

же параметром является примерное время, которое нужно на изучение языка. Система FSI состоит из 5 категорий сложности языков, требующих для достижения уровня B2/C1 как минимум 24, 30, 36, 44 и 88 недель соответственно.

Основная часть

Постановка задачи

Разработчики системы FSI выделяют следующие факторы, которые позволяют присвоить языку определенную категорию: грамматика, сходство вокабуляра, фонетика, письменность, языковое родство, диалекты, ресурсы для изучения [FSI Language Courses 2024].

Для формализации модели оттолкнемся от того, 1) какие критерии (переменные) представляют наибольшую значимость, 2) как ведет себя функция выходных данных – сколько недель нужно для изучения языка той или иной категории.

Прогрессия времени изучения языка в зависимости от категории увеличивается неравномерно. Кроме того, более сложные элементы языка сильнее влияют на сложность языка в целом. При составлении функций переменных предлагается использовать функцию, имеющую следующий вид:

$$y = \sqrt[z]{x}, \tag{1}$$

где x – некоторая переменная, а значение z зависит от важности параметра. График данной функции будет образовывать горизонтальную параболу, ограниченную $[x, y] \geq 0$ при условии, если z – четное число. То есть, мы не будем брать $z \geq 3$. Ось x означает уровень сложности языка, а ось y – время изучения языка.

Параметры вычисляются в порядке возрастания важности для создания порядка арифметических действий. Поскольку мы имеем дело с усредненной оценкой, сложим эти параметры и вычислим среднее арифметическое для каждой скобки.

Итоговая формула имеет следующий вид:

$$LD = \frac{\frac{\sqrt{G} + \frac{\sqrt[3]{V_0} + \sqrt[3]{V_1} + \sqrt[3]{D}}{3} + \sqrt{P_1} + \sqrt[3]{P_0}}{4} + \sqrt[3]{W}}{2} \tag{2}$$

где LD (Language Difficulty) – уровень структурной сложности языка. Для близкородственных языков формула имеет следующий вид:

$$LD = \frac{\frac{\sqrt{G} + \frac{\sqrt[3]{V_0} + \sqrt[3]{V_1} + \sqrt[3]{D}}{3} + \sqrt{P_1} + \sqrt[3]{P_0}}{4} + \sqrt[3]{\frac{W \cdot D}{2}}}{2} \tag{3}$$

Отдельным случаем являются бесписьменные языки ($W = 0$). Для бесписьменных языков формула имеет следующий вид:

$$LD = \frac{\sqrt{G} + \frac{\sqrt[3]{\sqrt{G_0} + \sqrt[3]{\sqrt{G_1} + \sqrt[3]{D}}}}{3} + \sqrt{Ph} + \sqrt[3]{P_0}}{4} + \sqrt[3]{D} ; \quad (4)$$

Необходимо конвертировать получившиеся значения в шкалу FSI:

$$FSI = LD * 2,639; \quad (5)$$

Для языков с $D < 2,636$ значение LD конвертируется по следующей формуле:

$$FSI = LD^2; \quad (6)$$

Наконец, осталось вычислить время, требуемое на изучение языка для овладения уровнем B2/C1. Если $FSI > 2,636$; то количество недель вычисляется следующим образом:

$$T = \frac{100}{5,75 - FSI}; \quad (7)$$

Для $FSI \leq 2,636$:

$$x = 7y + 17,314. \quad (8)$$

Хорда (8) достигает категории I в точке (24,441; 1); категории II в (30,194; 1,816); категории III в (35,975; 2,636). Хорда и парабола функции (7) пересекаются в точке (40,537; 3,283).

Реализация модели оценки сложности языков

Для создания программы было решено воспользоваться возможностями пакета программных продуктов (ППП) Microsoft Office, а именно табличным процессором Microsoft Excel, который предоставляет пользователю широкие возможности в области анализа данных, моделирования, прогнозирования, выполнения различных расчетов и даже написания программ для автоматизации этих расчетов с помощью языка программирования Visual Basic (VBA).

Несмотря на наличие других ППП, позволяющих создавать прикладные программы с более удобным интерфейсом, широкую популярность Excel обрел не только за свои возможности, но и за простоту использования. Более того, Microsoft унифицировала интерфейс офисных приложений (Word, Excel, PowerPoint), поэтому, освоив одну из программ, некоторые инструменты в остальных программах пакета будут знакомыми [MSoffice-Prowork.com 2024].

Итак, параметры модели в порядке убывания важности расположим следующим образом: письменность – W (Writing); родство языка – D (Distance); сходство вокабуляра – Vo (Vocabulary); грамматика – G (Grammar); фонетика – Ph (Phonetics); разновидности языка – Va (Varieties); ресурсы для изучения – R (Resources). Все параметры в модели являются вещественными числами (числами с плавающей запятой), и принимают значения от 1 до 5 (кроме сложности письма W, который может принимать значение 0, об этом ниже).

Формальные критерии оценки языка приведены в комментариях к ячейкам (рис. 1). Прикладная программа представляет собой таблицу, к которой можно добавлять новые колонки для каждого нового языка (рис. 1). Для описания каждого параметра представлены комментарии, где даются формальные критерии для оценивания параметров языка. Общий вид блок-схемы алгоритма выполнения программы представлен на рисунке 2.

Calculated results for natlangs and well-known conlangs						
Your Language	Dutch	Spanish	Italian	French	Norwegian	
Grammar (G)			2	2	1	1
Vocabulary (Vo)			2	2	2	1
Varieties (Va)			3	4,5	3	4
Distance (D)			1	2	1	1,5
Phonetics (Ph)			2	1	3	2
Popularity (Po)			1	2	2	3
Writing (W)			2	1	3	2
CALC RESULT (LD)			26094047	1,153393636	1,217002896	1,216076462
STRUCT DIFFICULTY			13%	15%	22%	22%
FSI INDEX			1,268	1,33	1,481	1,479
RATING			I	I	I	I
WEEKS TO LEARN (T)			26	27	28	28

Рисунок 1. Интерфейс прикладной программы

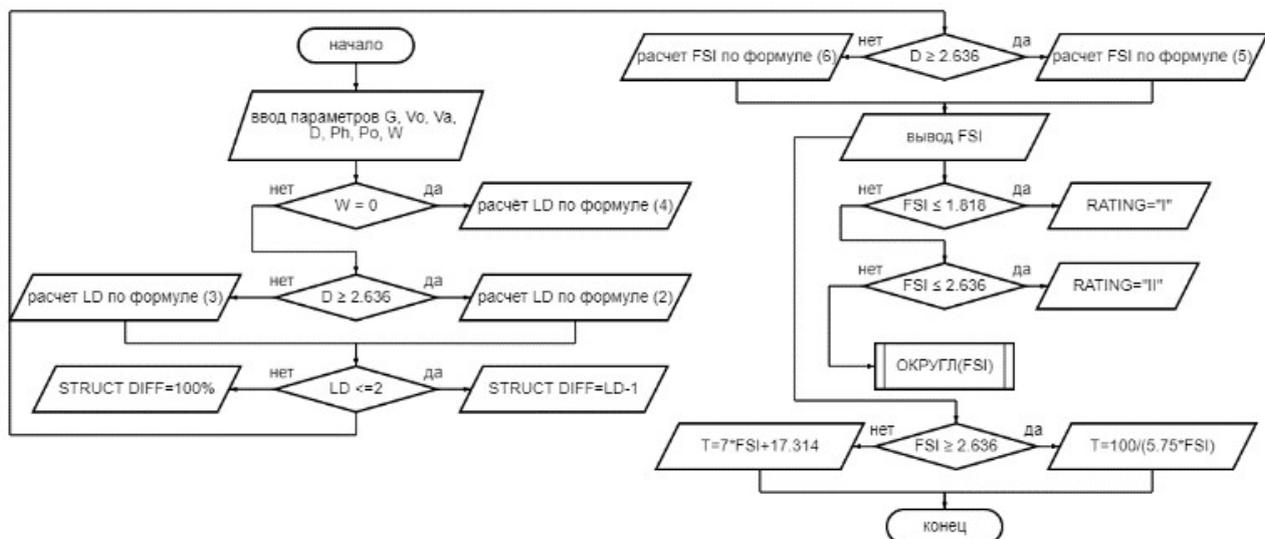

Рисунок 2. Блок-схема выполнения программы

Вычислительный эксперимент

Проведем оценку сложности китайского языка с точки зрения английского. FSI относит язык к категории V [FSI Language Courses 2024]. Установим параметры, исходя из следующих формальных критериев:

Грамматика (G): китайский относится к сино-тибетской языковой семье, является изолирующим языком со строгим порядком слов SVO. **3 балла.**

Сходство вокабуляра (Vo): В китайском языке от 100 до 350 тыс. слов, 3426 из них (1–3 %) заимствованы из английского, что дает оценку в 4 балла. Однако, в силу слоговой природы китайского языка, иностранные слова сильно искажаются при передаче на китайский [Zhou 2015: 60], что повышает оценку параметра до **5 баллов.**

Диалекты и социолекты (Va): большая диалектная раздробленность, носители китайского с севера не способны понимать носителей с юга. **5 баллов.**

Степень языкового родства (D): китайский относится к сино-тибетским языкам, контакты с индоевропейскими не повлияли на структуру языка. **5 баллов.**

Фонетика (Ph): некоторые ряды согласных звуков похожи друг на друга, например, *zh* и *ch*, *c* и *z*, *s* и *x*, и т. д. Четыре тона гласных способны менять смысл слова [Задоевко 2010]. **4 балла.**

Популярность (Po): китайский является одним из самых распространенных языков мира, уступая разве что английскому. **1 балл.**

Письменность: существует более 50 тыс. иероглифов, из которых для теста HSK 3-го уровня требуется освоить 600 иероглифов, а для HSK 6-го уровня – 2600. **5 баллов.**

Итого: значение структурной сложности составляет 69 %; индекс FSI $\approx 4,573$; категория V; 85 недель для достижения уровня B2/C1.

Заключение

В статье рассмотрена методика обучения курсов FSI, по которой были даны эти оценки, что безусловно пригодится в дальнейших исследованиях для создания модели оценки сложности языков с точки зрения не только русского, но и других языков. В ходе исследования была создана математическая модель, способная отражать влияние данных параметров на сложность языка, и создана программа на базе табличного процессора Microsoft Excel, позволяющая просто, удобно и адекватно рассчитывать сложность языков.

Расчеты, произведённые для китайского языка с точки зрения английского языка, показали, что значение структурной сложности составляет 69 %; индекс FSI $\approx 4,573$. Это позволяет присвоить китайскому языку категорию V. Данная категория означает, что среднестатистическому человеку, изучающему китайский язык, для которого родным является английский, потребуется 85 недель для достижения уровня B2/C1.

Хотя разработанная модель адекватно сработала относительно оригинальной системы FSI для китайского языка, она нуждается в апробации на других языках для проверки её универсальности.

Список литературы

1. Задоевко Т. П., Хуан Ш. Начальный курс китайского языка. Ч. I. 5-е изд., испр. и доп. М. : Восточная книга, 2010. 304 с.
2. Занятие 1. Представление Excel – MSoffice-Prowork.com. URL: <https://msoffice-prowork.com/courses/excel/excelpro/excelpro-lesson1> (дата обращения: 12.01.2024).
3. Климцев К. Е., Каллаур В. С. Сложности изучения азиатских языков (на примере китайского, корейского, японского языков) // Постулат. 2022. № 4-1 (78). URL: <https://www.e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/view/4179/4236> (дата обращения: 10.01.2024). EDN: SKXAEF
4. Коваль С. А. Лингвистические проблемы компьютерной морфологии. СПб. : СПбГУ, 2005. 151 с. ISBN: 5-288-03731-0 EDN: QSBVCL
5. Cruttenden A. Gimson's Pronunciation of English. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2001. 394 p.
6. Dan D., Wei Ch. A Study of Modern Chinese Typological Characteristics from the Perspectives of Linguistic Typology // Theory and Practice in Language Studies. Vol. 11, No. 7. 2021 P. 853–857. DOI: 10.17507/tpls.1107.12 EDN: LMKWBB
7. FSI language difficulty. URL: <https://www.fsi-language-courses.org/blog/fsi-language-difficulty/> (дата обращения: 08.01.2024).
8. Jackson F. H., Kaplan M. A. Lessons learned from fifty years of theory and practice in government language teaching // Georgetown University round table on languages and linguistics, 1999. Washington, DC: Georetown University Press, 1999. P. 71–87. URL: http://sealang.net/archives/sla/gurt_1999_07.pdf (дата обращения: 10.01.2024).
9. Zhou A. R. Hybridity of Hanyu: Classification and Characteristics of Loanwords in Mandarin Chinese // 常葉大学経営学部紀要 第3巻第1号, 2015年9月, 57-67頁 [Вестник факультета экономики и менеджмента Университета Цунейба. 2015. Т. 3, № 1. С. 57-67.]. URL: <https://tokoha-u.repo.nii.ac.jp/record/647/files/3-1%E3%83%81%E3%83%A7%E3%82%A6.pdf> (дата обращения: 12.01.2024).
10. 杨琼, 基于类比语料库的汉文训读词汇特征研究。-北京:外语教学与研究出版社, 2023年, 第55卷第4期。 [Ян Ц. Исследование лексических особенностей обучения чтению на китайском языке на основе корпуса. Пекин : Изд-во преподавания и исследования иностранных языков. 2023. Vol. 55, No. 4. P. 532-543].

References

1. Zadoenko T. P., Khuan Sh. Nachal'nyy kurs kitayskogo yazyka [Beginner's Course of Chinese Language]. Part I. 5th ed., Moscow, Vostochnaya kniga, 2010, 304 p. (In Russ.).
2. Zanyatie 1. Predstavlenie Excel - MSoffice-Prowork.com [Lesson 1. Excel Presentation - MSoffice-Prowork.com]. (In Russ.). Available at: <https://msoffice-prowork.com/courses/excel/excelpro/excelpro-lesson1> (accessed: 12.01.2024).
3. Klimtsev K. E., Kallaur V. S. Slozhnosti izucheniya aziatskikh yazykov (na primere kitayskogo, koreyskogo, yaponskogo yazykov) [Difficulties in learning Asian languages (using Chinese, Korean, Japanese as an example)]. *Postulat* [Postulate]. 2022, no. 4-1 (78). (In Russ.). Available at: <https://www.e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/view/4179/4236> (accessed: 10.01.2024). EDN: SKXAEF (In Russ.).
4. Koval' S. A. Lingvisticheskie problemy kompyuternoy morfologii [Linguistic problems of computer morphology]. Saint Petersburg, SPbGU, 2005, 151 p. ISBN: 5-288-03731-0 EDN: QSBVCL (In Russ.).
5. Cruttenden A. Gimson's Pronunciation of English. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2001. 394 p.
6. Dan D., Wei Ch. A Study of Modern Chinese Typological Characteristics from the Perspectives of Linguistic Typology // *Theory and Practice in Language Studies*. Vol. 11, No. 7. 2021 P. 853–857. DOI: 10.17507/tpls.1107.12 EDN: LMKWBB
7. FSI language difficulty. URL: <https://www.fsi-language-courses.org/blog/fsi-language-difficulty/> (дата обращения: 08.01.2024).
8. Jackson F. H., Kaplan M. A. Lessons learned from fifty years of theory and practice in government language teaching // *Georgetown University round table on languages and linguistics, 1999*. Washington, DC: Georetown University Press, 1999. P. 71–87. URL: http://sealang.net/archives/sla/gurt_1999_07.pdf (дата обращения: 10.01.2024).
9. Chzhou A. R. Gibridnost' han'juj: klassifikacija i harakteristiki zaimstvovaniy v kitajskom jazyke [Hybridity of Hanyu: Classification and Characteristics of Loanwords in Mandarin Chinese]. 常葉大学経営学部紀要 第3巻第1号, 2015年9月, 57-67頁. *Vestnik fakul'teta ekonomiki i menedzhmenta Universiteta Tsuneyba* [Bulletin of the Faculty of Economics and Management, Tsuneova University]. 2015, vol. 3, no. 1, pp. 57-67.]. (In Chinese). Available at: <https://tokoha-u.repo.nii.ac.jp/record/647/files/3-1%E3%83%81%E3%83%A7%E3%82%A6.pdf> (accessed: 12.01.2024).
10. Jan C. Issledovanie leksicheskikh osobennostej obuchenija chteniju na kitajskom jazyke na osnove korpusa [A Corpus-Based Study on Lexical Features of Chinese Reading Teaching]. 杨琼, 基于类比语料库的汉文训读词汇特征研究. -北京:外语教学与研究出版社, 2023年, 第55卷第4期. Pekin, Izdatel'stvo prepodavaniya i issledovaniya inostrannyh jazykov, 2023, Vol. 55, no. 4, pp. 532-543. (In Chinese).

Информация об авторах

А. А. Осадчий – магистрант, кафедра иностранных языков,
Амурский государственный университет;

С. В. Андросова – доктор филологических наук, профессор,
кафедра иностранных языков, Амурский государственный университет.

Information about the authors

A. A. Osadchiy – Master Student, Amur State University;

S. V. Androsova – Grand Ph. D. (Philology), Professor,
Foreign Languages Department, Amur State University.

Статья поступила в редакцию 12.01.2025; одобрена после рецензирования 10.02.2025;
принята к публикации 20.02.2025.

The article was submitted 12.01.2025; approved after reviewing 10.02.2025; accepted for
publication 20.02.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 30–41.

Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 1. P. 30-41.

Научная статья

УДК 811.161.1'38

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» В НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Юлия Игоревна Бедненко

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,

bednenko.yuliya@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию концепта «искусственный интеллект» в русскоязычном дискурсе на основе анализа данных Национального корпуса русского языка. Когнитивная лингвистика, как одно из ключевых направлений современного языкознания, рассматривает концепт как сложное лингвоментальное образование, отражающее индивидуальные, коллективные и культурные представления. Искусственный интеллект является динамично развивающейся областью, оказывающей значительное влияние на различные сферы жизни, что делает его актуальным объектом лингвистического анализа. Основное внимание уделяется семантическому анализу употребления термина «искусственный интеллект» за период с 2003 по 2020 гг. Исследование выявило рост интереса к теме, начиная с конца 1990-х гг., что связано с развитием интернета и технологий. Наиболее часто термин встречается в учебно-научной литературе и публицистике, что свидетельствует о его активном использовании в академической и общественной дискуссиях. В художественной литературе тема искусственного интеллекта, по данным Национального корпуса русского языка, пока не получила широкого распространения. Выделено шесть семантических модулей, связанных с употреблением термина: этика, определение, искусство, технологии, наука и медицина. Наибольшее внимание уделяется этическим аспектам, что отражает озабоченность общества вопросами безопасности, морали и социальных последствий внедрения технологий. Также подчеркивается важность искусственного интеллекта в научных исследованиях и медицинских приложениях. Статья демонстрирует, что корпусная лингвистика является эффективным инструментом для изучения языковой репрезентации концептов, позволяя выявить тенденции в восприятии и обсуждении актуальных тем, таких как искусственный интеллект.

Ключевые слова: искусственный интеллект, концепт, национальный корпус русского языка, когнитивная лингвистика.

Для цитирования: Бедненко Ю. И. Репрезентация концепта «Искусственный интеллект» в национальном корпусе русского языка // Евразийский гуманитарный журнал 2025. № 1. С. 30–41.

Original article

REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF "ARTIFICIAL INTELLIGENCE" IN THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS

Yulia I. Bednenko

Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia, bednenko.yuliya@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the concept of "artificial intelligence" in Russian-language discourse based on the analysis of data from the Russian National Corpus. Cognitive linguistics, as one of the key directions in modern linguistics, views the concept as a complex linguo-mental formation reflecting individual, collective, and cultural representations. Artificial intelligence is a dynamically developing field with a significant impact on various spheres of life, making it a relevant object of linguistic analysis. The main focus is on the semantic analysis of the use of the term "artificial intelligence" for the period from 2003 to 2020. The study revealed a growing interest in the topic, starting in the late 1990s, which is associated with the development of the internet and technology. The term is most frequently found in educational and scientific literature and journalistic writing, indicating its active use in academic and public discussions. In fiction, according to the Russian National Corpus, the topic of artificial intelligence has not yet become widespread. Six semantic modules related to the use of the term are identified: ethics, definition, art, technology, science, and medicine. The greatest attention is paid to ethical aspects, reflecting public concern about the issues of security, morality, and the social consequences of the implementation of technologies. The importance of artificial intelligence in scientific research and medical applications is also emphasized. The article demonstrates that corpus linguistics is an effective tool for studying the linguistic representation of concepts, allowing to identify trends in the perception and discussion of current topics such as artificial intelligence.

Keywords: Artificial intelligence, concept, National corpus of the Russian language, cognitive linguistics.

For citation: Bednenko Yu. I. Representation of the concept of "Artificial intelligence" in the Russian National Corpus. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;1:30-41. (In Russ.).

Введение

Когнитивная лингвистика получила собственную роль в парадигме концепций мирового языкознания; её появление и непрекращающееся развитие считается отличительной особенностью языкознания границы XX–XXI столетий [Зубарева, Колегова 2024: 8]. Одним из центральных понятий в когнитивной лингвистике является *концепт*, который в силу своей сложности и многогранности имеет множество трактовок и классификаций. Концепт является фундаментальной идеей в лингвокультурологии и единицей концептосферы, которая представляет собой структурированную область мыслеобразов, или универсальных знаний и информационную основу мышления людей, а также проявление индивидуальных, коллективных, классовых, национальных и

общечеловеческих понятий [Коркина, Шустова 2023: 58]. Кроме того, концепт – синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в «снятом», редуцированном виде – своего рода «гипероним» последних [Зубарева, Шустова 2022].

В настоящее время наиболее актуальными в лингвистике являются методы и подходы, связанные с изучением ментальных понятий и процессов, вербализуемых в языке. На передний план здесь выходят понятия когниции и коммуникации как основные функции языка, а также понятие категории, признаваемое многими учеными основным форматом знания, так как все знания о мире хранятся в сознании человека упорядоченно в виде категорий [Буженинов, Палийчук и другие 2022: 4]. Е. О. Зубарева и М. И. Хамадиев в своей работе описывают существующие подходы к определению термина *концепт*: когнитивный и лингвокультурологический [Зубарева, Хамадиев 2023: 60].

Искусственный интеллект на сегодняшний день является одной из наиболее динамично развивающихся областей науки и техники, оказывающей все большее влияние на различные аспекты жизни человека. Изучение того, как этот концепт представлен и обсуждается в языке, позволяет получить ценную информацию о восприятии искусственного интеллекта обществом, приоритетах исследований и разработок, а также о возможных социальных и этических последствиях его внедрения. Одним из основных средств вербализации концепта являются словари, а также толкования концептов самими носителями языка, являющиеся продуктом метафорического переосмысления действительности и отражающие оценку и эмоциональное отношение носителей языка [Безрукова 2018: 4].

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется активным внедрением и использованием компьютерных технологий [Палийчук 2022: 72]. Большие возможности даёт корпусное исследование. Исследованиями данного вопроса занимались такие учёные, как В. П. Захаров [Захаров 2005], Е. В. Рахилина [Рахилина 2016], В. А. Плунгян [2024].

На сегодняшний день корпусную лингвистику можно назвать одним из основных ресурсов изучения языка и языковой дескрипции [Чилингарян 2021: 199]. О. О. Борискина отмечает, что “корпус является средой для получения новых научных данных, осмысление которых представляется приоритетным для современного лингвистического описания и абсолютно необходимым в научной деятельности современного исследователя” [Борискина 2015: 27]. Более того, В. А. Плунгян считает, что “в современной теоретической лингвистике корпус – это не только мощный инструмент исследования языка, но и новая идеология, ориентирующая исследователя на текст как главный объект теоретической рефлексии” [Плунгян 2008: 14]. К. М. Шилихина определяет важное достоинство работы с корпусами – “возможность контролировать различные «переменные» коммуникации: тексты в корпусах снабжены метаразметкой – дополнительной информацией об авторах, времени и месте создания, жанровой принадлежности и т. д.” [Шилихина 2014: 21].

Основная часть

Для анализа употребления термина *искусственный интеллект* нами был взят Национальный корпус русского языка, который предоставляет широкую возможность получить данные в большом количестве текстов, от научных публикаций до художественной литературы и журналистики. Запрос на поиск сочетания «искусственный интеллект» был осуществлён 07.02.2025 г. URL: <https://ruscorpora.ru/s/eZ3pw>. Проанализирован основной корпус Национального корпуса русского языка. Число найденных документов составило 83, в который содержится 163 примеров. Выбран поиск точных форм. Больше всего текстов корпуса с сочетанием «искусственный интеллект» в НКРЯ зафиксировано в 2003 (9), 2017 гг. (8); 2019 (7); 2007 (6); 2016 (6); 2004, 2012, 2020 (5). Рисунок 1 показывает количество текстов, в которых упоминается «искусственный интеллект» за период с 2003 по 2020 гг. В 1970–1998 гг. количество найденных текстов с упоминанием искусственного интеллекта было низким (в основном 1 текст в год). Начиная с 1999 г. наблюдается рост интереса к теме Искусственного интеллекта, что может быть связано с развитием интернета и увеличением доступности информации. Пики могут обусловлены ключевыми событиями в области искусственного интеллекта, такими как развитие алгоритмов глубокого обучения, рост инвестиций в развитие искусственного интеллекта со стороны крупных компаний и государств.

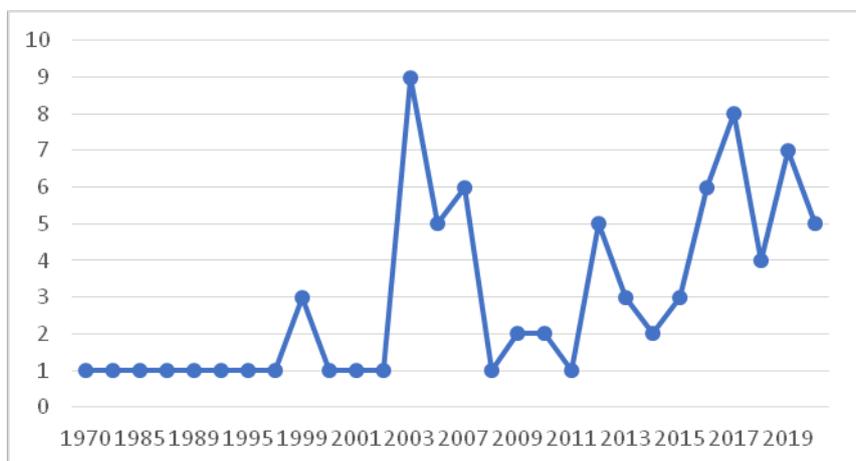

Рисунок 1. Количество текстов по годам

На основе предоставленных данных Национального корпуса русского можно выделить следующие сферы функционирования (рис. 2), в которых встречается сочетание «искусственный интеллект» (в скобках указано количество примеров): учебно-научная литература (80); публицистика – (73); художественная – (10).

Наиболее часто сочетание «искусственный интеллект» встречается в учебно-научной литературе, что указывает на активное использование термина в академической и образовательной среде. На втором месте находится публицистика, что говорит о популярности темы в СМИ, аналитических материалах и общественных дискуссиях. В

художественной литературе сочетание встречается значительно реже, что говорит о том, что тема искусственного интеллекта пока не стала распространённым элементом художественных произведений.

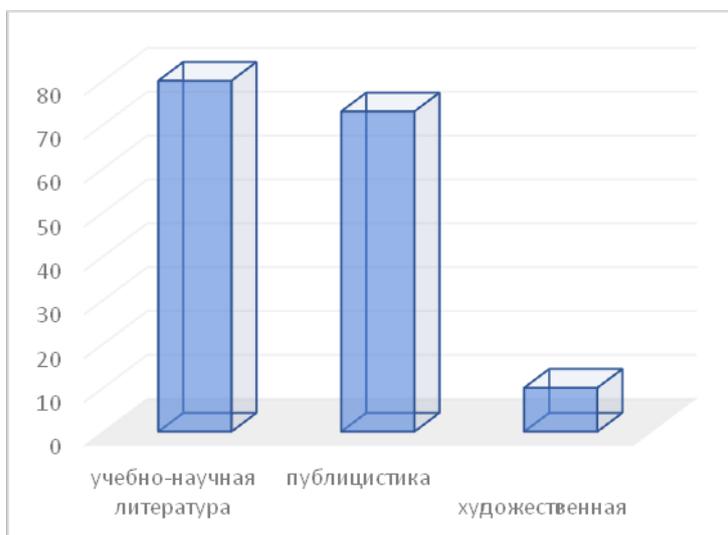

Рисунок 2. Сфера функционирования

В Таблице 1 продемонстрированы типы текстов.

Таблица 1. Типы текстов

Учебно-научная литература	статья (62)
	монография (18)
Публицистика	статья (38)
	биография (8)
	интервью (8)
	обзор (11)
	заметка (4)
	репортаж (2)
	новость (1)
	рецензия (1)
Художественная литература	роман (7)
	анекдот (1)
	повесть (1)
	рассказ (1)

Таким образом, сочетание *искусственный интеллект* чаще всего используется в контекстах, связанных с наукой, образованием и публичной дискуссией, что отражает его актуальность в этих сферах. В художественной литературе тема пока не получила широкого распространения, что может быть связано с её недостаточной интеграцией в массовую культуру.

На основе анализа примеров, можно выделить следующие семантические модули с указанием двух примеров текстов с сочетанием:

1. ЭТИКА (39). К этому модулю отнесём все примеры, связанные с моральными и ценностными суждениями, касающимися разработки, внедрения и использования искусственного интеллекта. Пример 1 указывает на опасения по поводу безработицы и неопределенности в карьере. В примере 2 отмечаются ограничения искусственного интеллекта в эмоциональной сфере и общении.

*(1) Опасения экспертов заключаются в том, что, хотя **искусственный интеллект** и принесет радикальное повышение эффективности в различных сферах жизнедеятельности, для простых людей внедрение соответствующих технологий чревато безработицей и неопределенностью в карьере, поскольку «человеческие» рабочие места будут заменяться машинами [А. В. Гусев, С. Л. Добридюк. Искусственный интеллект в медицине и здравоохранении // «Информационное общество», 2017 (36589:175:7)]¹.*

*(2) Получается, что никогда **искусственный интеллект** со своими кремниевыми внутренностями не будет интересен для общения естественному интеллекту, который есть плоть от плоти своего тела, в котором бьется ранимое сердце и живет память переживаний [4 мифа об искусственном интеллекте (2016.08) // «Постнаука», 2016 (57799:36:3)].*

2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ (37). К этому модулю отнесём примеры, которые содержат явную формулировку определения и определяют его ключевые характеристики. Примеры 3 и 4 описывают, что такое искусственный интеллект, выделяют его черты и стремятся к точности и ясности.

*(3) Предполагается, что **искусственный интеллект** может быть способен мыслить и осознавать себя, пусть и не так, как это делает человек, — такой **искусственный интеллект** называют сильным (*Strong AI* или *True AI*) [Алексей Незнанов. Тезаурус: История больших данных. Базовые понятия, чтобы разобраться в связи между анализом больших данных и разработкой искусственного интеллекта (2018.06) // «Постнаука», 2018 (57816:30:20)].*

*(4) В начале 1980-х годов ученые в области теории вычислений Барр и Файгенбаум предложили следующее определение ИИ: «**Искусственный интеллект** – это область информатики, которая занимается разработкой интеллектуальных компьютерных систем, то есть систем, обладающих возможностями, которые мы традиционно связываем с человеческим разумом, – понимание языка, обучение, способность рассуждать, решать проблемы и т. д.» [А. В. Гусев, С. Л. Добридюк. **Искусственный интеллект** в медицине и здравоохранении // «Информационное общество», 2017 (36589:68:16)]*

¹ Здесь и далее примеры приведены из НКРЯ. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Поиск сочетания "Искусственный интеллект" URL: <https://ruscorpora.ru/s/eZ3pw> (дата обращения: 07.06.2024).

3. ИСКУССТВО (24). К модулю ИСКУССТВО отнесём всё, что связано с обсуждением эстетики и формы и сосредоточено на творчестве. Примеры 5 и 6 рассматривают искусственный интеллект как потенциальный инструмент в сфере создания художественных произведений.

(5) *Искусственный интеллект* первым делом решил создать все возможные романтические пары — от банальных (Гарри Поттер и Драко Малфой) до удивительных (Драко Малфой и Министерство Магии) и совсем необычных (Волдеморт и Случайный Игрок в Квиддич) [Егор Михайлов. Гарри Поттер в нейросетях, а Толкин в казино. Лучшее в литературном интернете: 8 самых интересных ссылок недели (09.07.2017) (55909:7:0)].

(6) *Но почему надо «раскрывать образ», как в романе XIX века, если главным героем является искусственный интеллект, или ускорять динамизм, чтобы заигрывать с абстрактно-непритязательным читателем, подгоняя себя под чьи-то сложившиеся шаблоны, хотя где еще экспериментировать с формой и содержанием, как не в научно-фантастическом жанре?* [Станислав Иванов. Научно-фантастический опыт современности // «Октябрь», 2013 (60740:50:14)]

4. ТЕХНОЛОГИИ (24). В модуль ТЕХНОЛОГИИ были включены примеры, связанные указанием на технические аспекты применения искусственного интеллекта. Примеры 7 и 8 подчеркивают, как искусственный интеллект используется в качестве инструмента для решения конкретных задач и создания новых технологических возможностей.

(7) *В настоящее время, в условиях возникновения и распространения новой волны ИКТ, к которым относят целую экосистему взаимосвязанных цифровых технологий, включающую искусственный интеллект, интернет вещей, аналитику данных, блокчейн, робототехнику, аддитивные технологии и др. все чаще говорят об этих изменениях как о «цифровой трансформации», существенно меняющей модели экономической деятельности и социальные практики* [С. Б. Шапошник. Научное сообщество как фактор развития информационного общества в регионах России // «Информационное общество», 2017 (36595:3:20)].

(8) *Убедительным подтверждением тому, что искусственный интеллект со всеми своими атрибутами (алгоритмически-программный комплекс, базы знаний, базы данных с соответствующими оконечными устройствами обмена данными по информационно-телекоммуникационным сетям и т. п.) может самостоятельно «творчески мыслить», развиваться, создавать новые информационные и интеллектуальные ценности, являются ведущиеся уже не первый год (и не безуспешно) работы по созданию и интеллектуализации самовоспроизводящихся роботов и других киберустройств* [Б. Д. Залещанский, Р. О. Исаенко. Интеллектуально-информационному обществу XXI века – нетрадиционные, авангардные технологии создания средств информатики (2003) // «Информационные технологии», 18.08.2003 (11154:22:4)].

5. НАУКА (21). К этому модулю отнесены тексты, в которых искусственный интеллект рассматривается как область научного исследования, сопоставляется с другими научными дисциплинами. Примеры 9 и 10 представляют искусственный интеллект как объект научных исследований, часть научного прогресса и равноправную область знания наряду с другими научными дисциплинами.

(9) *И, наконец, существенно формирование группы дисциплин, которые объединяет общность исследовательской цели, ее предмета, — человеческого мышления и преобразования информации, поступающей из внешнего мира и преобразуемой в образ предмета или ситуации (когнитивная психология, информатика, **искусственный интеллект**, нейрофизиология, антропология, компьютерные науки, лингвистика, нейропсихология)* [А. Н. Медушевский. Политические сочинения (2015) (129694:95:32)].

(10) *Появились новые научные направления кибернетического толка: ситуационное управление, робототехника, помехоустойчивое кодирование, бионика, **искусственный интеллект**, теория больших (общих) систем и многие другие* [Ю. Н. Ерофеев. Аксель Берг (2012) (22688:2706:12)].

6. МЕДИЦИНА (18). В модуль МЕДИЦИНА внесены примеры, которые указывают на применение искусственного интеллекта для решения медицинских задач. Примеры 11 и 12 демонстрируют применение искусственного интеллекта для решения задач, связанных с изучением старения и биологического возраста.

(11) *Они тренируют **искусственный интеллект** на самых разных признаках старения* [Полина Лосева. Против часовой стрелки: Что такое старение и как с ним бороться (2020) (130651:2895:2)].

(12) *А пока **искусственный интеллект** пытается найти правдоподобные маркеры биологического возраста, ученые обращаются к привычным оракулам* [Полина Лосева. Против часовой стрелки: Что такое старение и как с ним бороться (2020) (130651:2922:2)].

Таким образом, распределение на семантические модули можно представить в виде диаграммы. Данные рисунка 4 свидетельствуют о широком спектре интересов и применений искусственного интеллекта. Наибольшее количество примеров связано с этикой и определением искусственного интеллекта, что подчеркивает важность обсуждения моральных и концептуальных аспектов.

Семантические модули ИСКУССТВО и ТЕХНОЛОГИИ представлены одинаковым количеством текстов, что указывает на умеренный интерес к творческим и техническим применениям искусственного интеллекта.

НАУКА и МЕДИЦИНА представлены меньшим количеством текстов, но все же это показывает растущий интерес к применению искусственного интеллекта в этих важных областях.

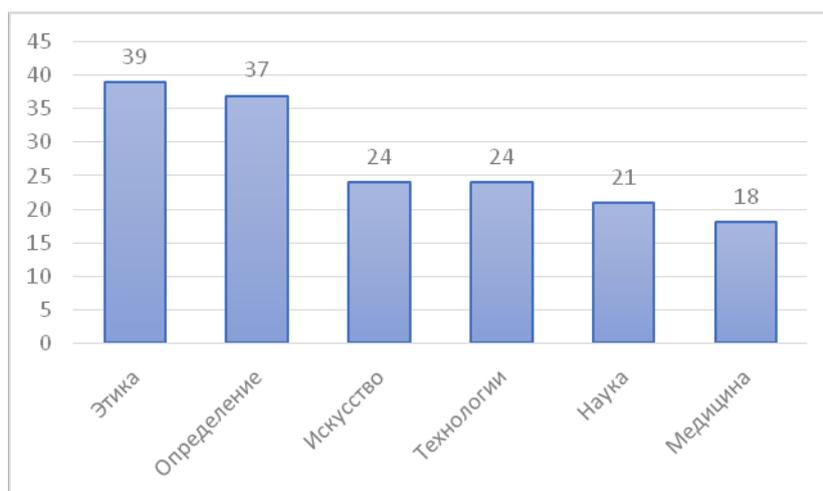

Рисунок 4. Распределение на семантические модули

Заключение

Искусственный интеллект продолжает оставаться одной из самых динамично развивающихся областей науки и техники, оказывая всё большее влияние на различные аспекты жизни человека. Анализ употребления сочетания *искусственный интеллект* в Национальном корпусе русского языка позволяет сделать важные выводы о восприятии этой технологии обществом, приоритетах исследований и социально-этических последствиях её внедрения.

Исследование показало, что интерес к теме искусственного интеллекта значительно вырос начиная с конца 1990-х гг., что связано с развитием интернета и увеличением доступности информации. Семантический анализ примеров текстов выявил, что наибольшее внимание уделяется этическим аспектам искусственного интеллекта, что отражает озабоченность общества вопросами, безопасности и моральных норм, связанных с внедрением технологий.

Таким образом, анализ текстов Национального корпуса русского языка позволяет сделать вывод о том, что искусственный интеллект воспринимается как многогранная технология, которая вызывает как научный интерес, так и общественные дискуссии. В будущем можно ожидать дальнейшего роста интереса к этой теме, особенно в контексте её интеграции в массовую культуру и повседневную жизнь.

Список использованной литературы

1. Безрукова Т. А. Концепт духовность в русском и английском языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 4. С. 18–20. EDN: YBLXVR
2. Борискина О. О. Корпусное исследование языка: мода или необходимость? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 24–27. EDN: VVSJMN

3. Буженинов А. Э., Палийчук Д. А., Текнеджян Л. В., Шустова С. В. Категоризация и концептуализация: межсистемные отношения : коллективная монография / науч. редактор д-р филол. н., проф. В. М. Костева. Пермь : ПИЭФ. 2022. 176 с. ISBN: 978-5-6047974-1-9 EDN: YTVTQH
4. Захаров В. П. Корпусная лингвистика : учебно-методическое пособие. СПб. : СПбГУ, 2005. 48 с. EDN: RATMYR
5. Зубарева Е. О., Колегова А. А. Синтагматическая модель концепта *traveller* в британском и американском вариантах английского языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 6–18. EDN: BAZQYY
6. Зубарева Е. О., Хамадиев М. И. Репрезентация концептосферы *migration* в английской фразеологии // Миграционная лингвистика. 2023. № 5. С. 59–70. EDN: WVVBZX
7. Зубарева Е. О., Шустова С. В. Концептуальное поле «миграция»: опыт лингвистического моделирования. М. : URSS. 2022. 179 с.
8. Коркина М. И., Шустова С. В. Репрезентация концептов ОТЕЧЕСТВО / FATHERLAND в сознании носителей русского и английских языков // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 58–71. DOI: 10.24412/2713-0231-2023-12-58-71 EDN: WAFPIZ
9. Палийчук Д. А. Корпусные технологии в лингвистических исследованиях // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 72–79. DOI: 10.24412/2713-0231-2022-6-72-79 EDN: VLMGJT
10. Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2(16). С. 7–20. EDN: MVBALV
11. Плунгян В. А. Корпусная лингвистика на современном этапе // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94. № 9. С. 787–794. DOI: 10.31857/S0869587324090018 EDN: FCHMFE
12. Рахилина Е. В. О новых инструментах описания русской грамматики: корпус ошибок // Русский язык за рубежом. 2016. № 3. С. 20–25. EDN: WFFCOB
13. Чилингарян К. П. Корпусная лингвистика: теория vs методология // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 196–218. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-196-218 EDN: YMIAME
14. Шилихина К. М. Использование корпусов в исследованиях дискурса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С. 21–26. EDN: SMELVD

References

1. Bezrukova T. A. Kontsept dukhovnost' v russkom i angliyskom yazykakh [The concept of spirituality in Russian and English]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2018, no. 4, pp. 18-20. EDN: YBLXVR (In Russ.).

2. Boriskina O. O. Korpusnoe issledovanie yazyka: moda ili neobkhodimost'? [Corpus-based language research: fashion or necessity?]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2015, no. 3, pp. 24-27. EDN: VVSJMN (In Russ.).
3. Buzheninov A. E., Paliychuk D. A., Teknedzhyan L. V., Shustova S. V. Kategorizatsiya i kontseptualizatsiya: mezhsystemnye otnosheniya [Categorization and conceptualization: intersystem relations]. Scientific editor V. M. Kosteva. Perm, PIEF, 2022, 176 p. ISBN: 978-5-6047974-1-9 EDN: YTBTOH (In Russ.).
4. Zakharov V. P. Korpusnaya lingvistika [Corpus linguistics]. Saint Petersburg, SPbGU, 2005, 48 p. EDN: RATMYR (In Russ.).
5. Zubareva E. O., Kolegova A. A. Sintagmatische model' kontsepta traveller v britanskom i amerikanskom variantakh angliyskogo yazyka [Syntagmatic model of the concept traveller in British and American English]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2024, no. 1, pp. 6-18. EDN: BAZQYY (In Russ.).
6. Zubareva E. O., Khamadiev M. I. Reprezentatsiya kontseptosfery migration v angliyskoy frazeologii [Representation of the concept sphere of migration in English phraseology]. *Migratsionnaya lingvistika* [Migration linguistics]. 2023, no. 5, pp. 59-70. EDN: WVBZOX (In Russ.).
7. Zubareva E. O., Shustova S. V. Kontseptual'noe pole "migratsiya": opyt lingvisticheskogo modelirovaniya [Conceptual field "migration": experience of linguistic modeling]. Moscow, URSS, 2022, 179 p. (In Russ.).
8. Korkina M. I., Shustova S. V. Reprezentatsiya kontseptov OTEChESTVO / FATHERLAND v soznanii nositeley russkogo i angliyskikh yazykov [Representation of the concepts FATHERLAND in the minds of native Russian and English speakers]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanitarian Studies. History and Philology]. 2023, no. 12, pp. 58-71. DOI: 10.24412/2713-0231-2023-12-58-71 EDN: WAFIIZ (In Russ.).
9. Paliychuk D. A. Korpusnye tekhnologii v lingvisticheskikh issledovaniyakh [Corpus technologies in linguistic research]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanitarian Studies. History and Philology]. 2022, no. 6, pp. 72-79. DOI: 10.24412/2713-0231-2022-6-72-79 EDN: VLMGJT (In Russ.).
10. Plungyan V. A. Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokakh sovremennoy korpusnoy lingvistiki [Corpus as a Tool and as an Ideology: Some Lessons from Contemporary Corpus Linguistics]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific coverage]. 2008, no. 2(16), pp. 7-20. EDN: MTBALV (In Russ.).
11. Plungyan V. A. Korpusnaya lingvistika na sovremennom etape [Corpus linguistics at the present stage]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2024, vol. 94, no. 9, pp. 787-794. DOI: 10.31857/S0869587324090018 EDN: FCHMFE (In Russ.).

12. Rakhilina E. V. O novykh instrumentakh opisaniya russkoy grammatiki: korpus oshibok [On new tools for describing Russian grammar: a corpus of errors]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian language abroad]. 2016, no. 3, pp. 20-25. EDN: WFFCOB (In Russ.).
13. Chilingaryan K. P. Korpusnaya lingvistika: teoriya vs metodologiya [Corpus linguistics: theory vs. methodology]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics]. 2021, vol. 12, no. 1, pp. 196-218. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-196-218 EDN: YMIAME (In Russ.).
14. Shilikhina K. M. Ispol'zovanie korpusov v issledovaniyakh diskursa [Using Corpora in Discourse Research]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2014, no. 3, pp. 21-26. EDN: SMELVD (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. И. Бедненко – преподаватель, кафедра восточных языков,
Институт лингвистики,
Российский государственный гуманитарный университет.

Information about the author

Yu. I. Bednenko – Lecturer, Department of Oriental Languages,
Institute of Linguistics,
Russian State Humanitarian University.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 18.02.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 18.02.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 42–51.

Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 1. P. 42-51.

Научная статья

УДК 811`36

ПРЕДЛОЖНЫЕ ДЕВЕРБАТИВЫ В РУССКОМ, ИТАЛЬЯНСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ирина Викторовна Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,

irarch@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению предложных девербативов в русском, итальянском и испанском языках. Целью исследования является рассмотрение предложных девербативов в функционально-семантическом аспекте с целью описания их таксисных функций, реализуемых в высказываниях с темпоральными предлогами. В ходе исследования установлено, в русском языке таксисные значения одновременности, предшествования и следования реализуются посредством предложных девербативов на *-ние / -ение, -к(а), -тие*, употребляемым с темпоральными предлогами *при, во время, после, до, перед*. В итальянском языке девербативы на *-aggio, -eggio, -izzazione, -enza, -o, -zio, -io, -ta, -zione, -sione, -ura* с темпоральными предлогами *a (al, all'), durante, mentre, prima, dopo* актуализуют таксисные значения одновременности и разновременности. В испанском языке акциональные девербативы на *-miento, -cion, -sion* реализуют таксисные функции одновременности, предшествования, следования в высказываниях с темпоральными предлогами *hasta, desde, después de, durante*. Перспективы настоящего исследования связаны в дальнейшем развитием теории таксиса в сопоставительном ракурсе (как в славянских, так и в романских языках).

Ключевые слова: функционально-семантический аспект, девербативы, предложные девербативы, русский язык, итальянский язык, испанский язык, деривационная семантика, таксисные функции, одновременность, предшествование, следование.

Для цитирования: Архипова И. В. Предложные девербативы в русском, итальянском и испанском языках: функционально-семантический аспект // Евразийский гуманитарный журнал 2025. № 1. С. 42-51.

Original article

PREPOSITIONAL DEVERBATIVES IN RUSSIAN, ITALIAN AND SPANISH: FUNCTIONAL-SEMANTIC ASPECT

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, irarch@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the consideration of prepositional deverbatives in Russian, Italian and Spanish. The aim of the study is to consider prepositional deverbatives in the functional-semantic aspect in order to describe their taxis functions realized in utterances with temporal prepositions. The study established that in Russian the taxis meanings of simultaneity, precedence and succession are realized by means of prepositional deverbatives ending in *-ние /-ение, -к(а), -тие*, used with temporal prepositions *при, во время, перед, до, после*. In Italian, deverbatives in *-aggio, -eggio, -izzazione, -enza, -o, -zio, -io, -ta, -zione, -sione, -ura* with temporal prepositions *a (al, all'), durante, mentre, prima, dopo* actualize the taxis meanings of simultaneity and multitemporality. In Spanish, actional deverbatives in *-miento, -cion, -sion* implement the taxis functions of simultaneity, precedence, following in utterances with temporal prepositions *hasta, desde, después de, durante*. The prospects of this study are related to the further development of the theory of taxis in a comparative perspective (both in Slavic and Romance languages).

Keywords: functional-semantic aspect, deverbatives, prepositional deverbatives, Russian language, Italian language, Spanish language, derivational semantics, taxis functions, simultaneity, precedence, following.

For citation: Arkhipova I. V. Prepositional deverbatives in russian, Italian and spanish: functional-semantic aspect. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;1:42-51. (In Russ.).

Введение

Категория таксиса в романских языках (итальянском, испанском, французском) находит освещение лишь в некоторых работах современных лингвистов (см. следующие работы [Ивонина 2024; Киселёва, Цулимова 2019; Корди 2001, 2009; Тирадо 2016; Урсул 2015]). Как правило, в качестве прототипического средства таксисной актуализации рассматриваются финитные формы глагола, а также герундиальные и причастные формы. Вне исследовательского внимания остаются предложные deverбативы романских языков, выступающие в функции таксисных актуализаторов в высказываниях с темпоральными предложениями, что обуславливает актуальность настоящего исследования. В данной работе исследуются предложные deverбативы русского, итальянского и испанского языков в контексте актуализации таксисных значений одновременности и разновременности.

Изучению deverбативов русского языка посвящены работы ряда отечественных лингвистов (см. работы [Архипова 2022, 2023; Бекенова 2015; Гаврилова 2015; Долженко 2005; Искандарова 2014; Лемов 2020; Мусатова 2019; Меликсетян 2015; Сандуца 2016; Трофимова, Сандуца 2015; Халидов 2019]). Работ, посвященных исследованию таксисной семантики итальянских и испанских предложных deverбативов, в том числе, в сравнительно-типологическом аспекте, в современной лингвистической литературе нет, с чем связана научная новизна работы.

Основная часть

В фокусе исследования находятся русские, итальянские и испанские предложные девербативы, реализующие таксисные функции одновременности, предшествования и следования в высказываниях с темпоральными предлогами. В состав русских предложных девербативов, реализующих таксисные категориальные значения, входят акциональные имена с такими суффиксами как *-ние /-ение, -к(а), -тие*, а также имена с нулевым аффиксом (например: *появление, отправление, посещение, вторжение, укрепление, наблюдение, поездка, прибытие, приезд, отъезд, прилет, вылет* и др.).

В состав предложных девербативов итальянского языка входят акциональные имена таких деривационных моделей как модели на *-aggio, -eggio, -izzazione, -enza, -o, -zio, -io, -ta, -zione, -sione, -ura*, а имена, образованные путем конверсии от глагольных основ настоящего или прошедшего времени (например: *viaggio, partenza, attivazione, invasione, prestazione, partenza, visita, avvento* и др.).

В состав предложных девербативов испанского языка входят акциональные имена на *-miento, -cion, -sion*, например, *movimiento, descubrimiento, levantamiento, colaboracion, explotación, inversion, operación, destrucción*.

В состав предложных девербативов русского языка входят темпоральные предлоги *во время, в течение, до, перед, после*.

(1) *Меня разлучили с сыном во время вторжения* (CR). – *Sono stato separato da mio figlio durante l'invasione*.

(2) *Примерно через восемь месяцев после вторжения он постучался в нашу дверь* (CR). – *Circa otto mesi dopo l'invasione, bussò alla nostra porta*.

(3) *За три года до вторжения я без страха ездил по всему Ираку* (CR). – *Tre anni prima dell'invasione, ho viaggiato per tutto l'Iraq senza paura*.

В итальянском языке вышеперечисленным русским предложным девербативам *во время вторжения, после вторжения, до вторжения* (см. примеры 1–3) соответствуют предложные девербативы с темпоральными предлогами *durante, dopo, prima* (см. *durante l'invasione, dopo l'invasione, prima dell'invasione*).

Предложные девербативы в обоих языках актуализуют таксисные значения одновременности, следования и предшествования.

В следующих высказываниях русские девербативы *посещение, выступление* употребляются с темпоральными предлогами одновременности *при* и *во время*.

(4) *В редких случаях это может вызвать серьезные проблемы при посещении стоматолога* (CR). – *In rari casi, potrebbero verificarsi gravi problemi durante le visite dentistiche*.

(5) *Пиротехническое шоу начинается медленно и увеличивает ритм во время выступления, достигая пика в конце* (CR). – *Lo spettacolo pirotecnico inizia lentamente e aumenta il ritmo durante l'esecuzione raggiungendo il picco alla fine*.

В итальянском языке русским предложным девербативам *при посещении, во время выступления* соответствуют предложные девербативы с предлогом *durante*. В обоих языках рассмотренные предложные девербативы выступают в качестве актуализаторов таксисного значения одновременности.

В русских высказываниях с темпоральным предлогом *после* посредством девербативов *изучение, рассмотрение, появление* актуализовано таксисное значение следования:

(6) *Только после изучения бактериологических анализов, назначается лечение* (CR). – *Solo dopo aver studiato le analisi batteriologiche, il trattamento è stato prescritto.*

(7) *ВОЗ приняла решение классифицировать это заболевание после рассмотрения результатов исследований и консультаций с экспертами* (CR). – *L'OMS ha deciso di classificare la condizione dopo aver esaminato la ricerca e consultato con esperti*

(8) *Их провинциальная жизнь меняется после появления таинственной Вероники* (CR). – *La loro vita di provincia cambia dopo l'apparizione della misteriosa Veronica.*

В итальянском языке таксисное значение следования реализовано посредством предложных девербативов *dopo aver studiato, dopo aver esaminato, dopo l'apparizione* (см. примеры 6–8).

В высказываниях русского и итальянского языков с темпоральными предлогами *перед* и *prima* актуализовано таксисное значение предшествования. В качестве эквивалентов русских предложных девербативов *перед появлением, перед поступлением* в итальянском языке выступают предложные девербативы *prima dell'insurrezione, prima dell'esibizione*. Ср.:

(9) *Действие происходит перед появлением самых опасных злодеев и убийц в Готэм-сити ...* (CR). – *Il gioco si svolge prima dell'insurrezione dei più pericolosi criminali e assassini di Gotham City.*

(10) *Организаторы испортили мне настроение перед выступлением* (CR). – *Gli organizzatori mi hanno demoralizzato prima dell'esibizione.*

В состав предложных девербативов итальянского языка входят темпоральные предлоги *a (al, all'), durante, mentre, prima, dopo*. Например:

(11) *Алчные свидетели сообщили, что во время поездки на них напали с дубинками и ремнями.*

(12) *Durante l'arrivo, due nostri ospiti furono uccisi a Dallas* (CR). – *Во время прибытия двое наших гостей были убиты в Далласе.*

(13) *Era riuscito a fuggire prima dell'arrivo dei soccorritori, senza che nessuno l'avesse notato* (LC). – *Ему удалось сбежать до прибытия спасателей, и его никто не заметил.*

(14) *La pulizia viene effettuata prima dell'arrivo e dopo la partenza* (CR). – *Уборка осуществляется перед приездом и после отъезда.*

(15) *Qualche giorno dopo il suo arrivo, Rabbi Judah muore improvvisamente* (CR). – *Через несколько дней после его прибытия внезапно умирает раввин Иуда.*

(16) *Dopo l'attivazione, viene stabilito un collegamento diretto con il server del rispettivo social network (CR).* – После активации устанавливается прямое соединение с сервером соответствующей социальной сети.

В итальянских высказываниях с темпоральными предлогами *durante, prima, dopo* актуализованы таксисные значения одновременности, предшествования и следования. Итальянским предложным девербативам *durante il viaggio, durante l'arrivo, prima dell'arrivo, dopo il suo arrivo, dopo l'attivazione* в русском языке соответствуют предложные девербативы с предлогами *во время, до, перед, после* (см. *до прибытия, после прибытия, перед приездом, после отъезда, после активации*).

Согласно исследованиям С. А. Галстян, в испанском языке временная маркированность действий, может быть представлена следующими вариантами: а) временной отрезок (*durante la noche, en 2 días, dentro de un mes, por la mañana*); б) начальная и конечная границы (*de...a, desde...hasta, entre*); в) начальная граница (*de, desde, a partir de*); г) конечная граница (*a, hasta, para* и т. д.) [Галстян 2016, 2023].

К испанским предлогам с темпоральными характеристиками можно отнести следующие: *a, de, en, desde, hasta, entre, hacia, durante, para, a lo largo de, dentro de, a principios de, antes de, después de*.

Наиболее частотные испанские предлоги *hasta, desde* и *durante* являются монотемпоральными. Предлог *hasta* передает информацию о том, что одно действие предшествует другому действию или периоду времени, *desde* указывает на то, что заданное событие происходит только после другого события или периода времени, а предлог *durante* употребляется для обозначения периода времени, в течение которого должно произойти то или иное действие или событие [Галстян 2023: 434].

В состав предложных девербативов испанского языка, актуализующих таксисные категориальные значения, входят темпоральные предлоги *hasta, desde, después de* и *durante*.

(17) *Los síntomas aparecen solo en reposo y desaparecen durante el movimiento.* – Все симптомы проявляются только в состоянии покоя и исчезают во время движения (CR).

(18) *Nada nos detendrá hasta la victoria, hasta la destrucción de Hamás*”, aseveró Netanyahu recientemente (LC). – Ничто не остановит нас до победы, до уничтожения Хамаса», заявил недавно Нетаньяху.

(19) *La planta fue introducida en Europa poco después del descubrimiento del continente.* – Растение было завезено в Европу вскоре после открытия континента (CR).

(20) *Transporte se lleva a cabo después de la operación de la plataforma montada en un camión de tipo HMMWV.* – Транспортировка проводится после эксплуатации смонтированной платформы на грузовик по типу HMMWV (CR).

(21) *Realizan primera ejecución con inyección letal en Alabama desde levantamiento de la moratoria* (LC). – Они проводят первую казнь посредством смертельной инъекции в Алабаме после отмены моратория.

В высказываниях (17–21) таксисные значения одновременности, предшествования и следования реализованы посредством предложных девербативов с предлогами *durante, hasta, desde, después*. Испанским предложным девербативам *durante el movimiento, hasta la destrucción, después de la operación, desde levantamiento* в русском языке соответствуют предложные девербативы *во время движения, до уничтожения, после открытия, после эксплуатации, после отмены*.

Заключение

Итак, русские, итальянские и испанские предложные девербативы реализуют таксисные функции одновременности, предшествования и следования в высказываниях с темпоральными предлогами.

В состав предложных девербативов русского языка входят акциональные имена с суффиксами на *-ние /-ение, -к(а), -тие* и безаффиксные имена.

В состав предложных девербативов итальянского языка входят акциональные девербативы на *-aggio, -eggio, -izzazione, -enza, -o, -zio, -io, -ta, -zione, -sione, -ura*. В составе предложных девербативов испанского языка – акциональные имена на *-miento, -cion, -sion*.

В русском языке таксисные значения одновременности, предшествования и следования реализуются посредством предложных девербативов с темпоральными предлогами *при, во время, после, до, перед*.

В итальянском языке таксисные значения одновременности и разновременности актуализуют девербативы с темпоральными предлогами *a (al, all'), durante, mentre, prima, dopo*, а в испанском языке – девербативы на *-miento, -cion, -sion* с темпоральными предлогами *hasta, desde, después de, durante*.

Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с сопоставительным освещением вопроса таксисной актуализации в славянских и романских языках.

Список литературы

1. Архипова И. В. Функциональный потенциал девербативов русского языка и его актуализация в высказываниях с предложными конструкциями // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2022. Т. 10. № 1 (19). С. 11–27. DOI: 10.52547/iarll.19.11 EDN: EBPUMM
2. Архипова И. В. Таксисные функции девербативных существительных русского языка (на материале высказываний с предложными конструкциями) // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 33–39. DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-33-39 EDN: HEJYGV

3. Бекенова Р. Б. Категориальная семантика глагола и производного девербатива // Инновационные технологии в науке и образовании. 2015. № 4(4). С. 333–337. EDN: VHSMPL
4. Гаврилова Е. Н. Проявление процессуальной лексической тождественности девербативов в семантико-грамматическом аспекте // Современное общество: проблемы, идеи, инновации. 2015. № 4. С. 116–119. EDN: TYSFOT
5. Галстян С. А. Функционально-семантическое поле предлога в структуре языка: на материале испанского языка : автореф. ... канд. филол. наук. М., 2016. 25 с. EDN: ZQAVDT
6. Галстян С. А. Предлог и категория времени в языке. Лингвистическое время (на материале испанского языка) // Мир культуры, науки, образования. 2023. № 1 (98). С. 432–435. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-198-432-435 EDN: QMDCLG
7. Долженко Н. Г. Имя действия в системе событийной лексики: пересекаемость глагольной и именной лексики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2005. Вып. 2. № 11. С. 105–111. EDN: KZJXVB
8. Ивонина М. Ю. Нефинитные глагольные формы как способ актуализации таксиса в романских языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 75–82. EDN: COVMJQ
9. Искандарова Г. Р. К вопросу о категории *nomina actionis* в лингвистике // Наука и современность. 2014. № 30. С. 178–182. EDN: SFBAZP
10. Лемов А. В. О функциональной синонимии суффиксов -ниј-, -к(а) в именах действия русского языка // Современный ученый. 2020. № 3. С. 183–186. EDN: GPJDPH
11. Киселёва А. В., Цулимова Ж. О. Особенности репрезентации категории таксиса в английском и итальянском языках // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования : Материалы III Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Часть 1. Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2019. С. 163–170. EDN: TMVPVH
12. Корди Е. Е. О способах выражения таксиса во французском языке / Шубик С. А. (отв. ред.) // Исследования по языкознанию : Сб. к юбилею А. В. Бондарко. СПб. : Санкт-Петербургский университет, 2001. С. 176–185.
13. Корди Е. Е. Таксис во французском языке // Типология таксисных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. М. : Знак, 2009. С. 217–268. EDN: MVARUB
14. Мусатов В. Н. Словообразовательная полисемия отглагольных суффиксальных существительных в современном русском языке : монография. 3-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2019. 448 с.
15. Меликсетян А. В. Причины распространения девербативов в современном русском языке // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике : материалы Международной научно-практической конференции. 2015. С. 101–105. EDN: YKKLSM
16. Сандуца А. А. Русские отглагольные существительные XVIII века (словообразовательный и функциональный аспекты) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2. № 3. С. 93–106. DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-3-93-106 EDN: WYXRZX

17. Трофимова О. В., Сандуца А. А. Русские отглагольные существительные XVIII века в словаре, тексте и корпусе (экспериментально-стилистический аспект) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1. № 1. С. 57–68. EDN: TVSZWT
18. Халидов А. А. Семантическое соотношение имен действия и их производящих основ в русском языке // *Lingua-Universum*. 2019. № 1. С. 3–8.
19. Тирадо Р. Г. О категории таксиса в русском и испанском языках // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1. С. 90–94. EDN: XBETUR
20. Урсул К. В. Категория таксиса в структуре современного испанского языка // Вестник университета Российской академии образования. 2015. № 1. С. 30–34. EDN: TKEBFP

Источники иллюстративного материала

LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 04.12.2024).

CR – Context Reverso. URL: <https://context.reverso.net> (дата обращения: 04.12.2024).

References

1. Arkhipova I. V. Funktsional'nyy potentsial deverbativov russkogo yazyka i ego aktualizatsiya v vyskazyvaniyakh s predlozhnymi konstruktsiyami [Functional potential of Russian language deverbatives and its actualization in statements with prepositional constructions]. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury* [Research Journal of Russian Language and Literature]. 2022, vol. 10, no. 1 (19), pp. 11-27. DOI: 10.52547/iarll.19.11 EDN: EBPUMM (In Russ.).
2. Arkhipova I. V. Taksisnye funktsii deverbativnykh sushchestvitel'nykh russkogo yazyka (na materiale vyskazyvaniy s predlozhnymi konstruktsiyami) [Taxic functions of deverbative nouns of the Russian language (based on statements with prepositional constructions)]. *Otechestvennaya filologiya* [Domestic Philology]. 2023, no. 5, pp. 33-39. DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-33-39 EDN: HEJYGV (In Russ.).
3. Bekenova R. B. Kategorial'naya semantika glagola i proizvodnogo deverbativa [Categorical semantics of the verb and the derived deverbative]. *Innovatsionnye tekhnologii v nauke i obrazovanii* [Innovative technologies in science and education]. 2015, no. 4(4), pp. 333-337. EDN: VHSMPL (In Russ.).
4. Gavrilova E. N. Proyavlenie protsessual'noy leksicheskoy tozhdestvennosti deverbativov v semantiko-grammaticheskom aspekte [Manifestation of procedural lexical identity of deverbatives in the semantic-grammatical aspect]. *Sovremennoe obshchestvo: problemy, idei, innovatsii* [Modern society: problems, ideas, innovations]. 2015, no. 4, pp. 116-119. EDN: TYSFOT (In Russ.).
5. Galstyan S. A. Funktsional'no-semanticheskoe pole predloga v strukture yazyka: na materiale ispanskogo yazyka [Functional-semantic field of preposition in the structure of language: on the material of the Spanish language]. PhD dissertation abstract. Moscow, 2016, 25 p. EDN: ZQAVDT (In Russ.).

6. Galstyan S. A. Predlog i kategoriya vremeni v yazyke. lingvisticheskoe vremya (na materiale ispanskogo yazyka) [Preposition and the category of time in language. linguistic time (based on the Spanish language)]. *Mir kul'tury, nauki, obrazovaniya* [The world of culture, science, education]. 2023, no. 1 (98), pp. 432-435. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-198-432-435 EDN: QMDCLG (In Russ.).
7. Dolzhenko N. G. Imya deystviya v sisteme sobytiynoy leksiki: Action name in the system of event vocabulary: intersection of verbal and nominal vocabulary]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics]. 2005, iss. 2, no. 11, pp. 105-111. EDN: KZJXVB (In Russ.).
8. Ivonina M. Yu. Nefinitnye glagol'nye formy kak sposob aktualizatsii taksisa v romanskikh yazykakh [Non-finite verb forms as a way of actualizing taxis in Romance languages]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2024, no. 2, pp. 75-82. EDN: COVMJQ (In Russ.).
9. Iskandarova G. R. K voprosu o kategorii nomina actionis v lingvistike [On the issue of the category nomina actionis in linguistics]. *Nauka i sovremennost'* [Science and modernity]. 2014, no. 30, pp. 178-182. EDN: SFBAZP (In Russ.).
10. Lemov A. V. O funktsional'noy sinonimii suffiksov -nij-, -k(a) v imenakh deystviya russkogo yazyka [On the functional synonymy of the suffixes -nij-, -k(a) in the names of actions of the Russian language]. *Sovremennyy uchenyy* [Modern scientist]. 2020, no. 3, pp. 183-186. EDN: GPJDPH (In Russ.).
11. Kiseleva A. V., Tsulimova Zh. O. Osobennosti reprezentatsii kategorii taksisa v angliyskom i ital'yanskom yazykakh [Peculiarities of representation of the category of taxis in English and Italian]. *Yazyk i kul'tura v epokhu integratsii nauchnogo znaniya i professionalizatsii obrazovaniya* [Language and Culture in the Era of Integration of Scientific Knowledge and Professionalization of Education]. Part 1, Pyatigorsk, Pyatigorskiy gosudarstvennyy universitet, 2019, pp. 163-170. EDN: TMVPVH (In Russ.).
12. Kordi E. E. O sposobakh vyrazheniya taksisa vo frantsuzskom yazyke [On the ways of expressing taxis in French]. *Issledovaniya po yazykoznaniyu* [Research in linguistics]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskiy universitet, 2001, pp. 176-185. (In Russ.).
13. Kordi E. E. Taksis vo frantsuzskom yazyke [Taxis in French]. *Tipologiya taksisnykh konstruksiy* [Typology of taxis constructions]. Editor-in-Chief B. C. Khrakovskiy, Moscow, Znak, 2009, pp. 217-268. EDN: MVAPUB (In Russ.).
14. Musatov V. N. Slovoobrazovatel'naya polisemiya otglagol'nykh suffiks'al'nykh sushchestvitel'nykh v sovremennom russkom yazyke [Word-formation polysemy of verbal suffixal nouns in modern Russian]. 3th ed., Moscow, FLINTA, 2019, 448 p. (In Russ.).
15. Meliksetyan A. V. Prichiny rasprostraneniya deverbativov v sovremennom russkom yazyke [Reasons for the spread of deverbatives in modern Russian]. *Russkiy yazyk na perekrestke epokh: traditsii i innovatsii v rusistike* [Russian language at the crossroads of eras: traditions and innovations in Russian studies]. 2015, pp. 101-105. EDN: YKKLSM (In Russ.).

16. Sandutsa A. A. Russkie otglagol'nye sushchestvitel'nye XVIII veka (slovoobrazovatel'nyy i funktsional'nyy aspekty) [Russian verbal nouns of the 18th century (word-formation and functional aspects)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* [Bulletin of Tyumen State University. Humanitarian Research. Humanitates]. 2016, vol. 2, no. 3, pp. 93-106. DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-3-93-106 EDN: WYXRZX (In Russ.).
17. Trofimova O. V., Sandutsa A. A. Russkie otglagol'nye sushchestvitel'nye XVIII veka v slovare, tekste i korpuse (eksperimental'no-stilisticheskiy aspekt) [Russian verbal nouns of the 18th century in the dictionary, text and corpus (experimental-stylistic aspect)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* [Bulletin of Tyumen State University. Humanitarian Research. Humanitates]. 2015, vol. 1, no. 1, pp. 57-68. EDN: TVSZWT (In Russ.).
18. Khalidov A. A. Semanticheskoe sootnoshenie imen deystviya i ikh proizvodnyashchikh osnov v russkom yazyke [Semantic relationship of action names and their productive bases in the Russian language]. *Lingua-Universum*. 2019, no. 1, pp. 3-8. (In Russ.).
19. Tirado R. G. O kategorii taksisa v russkom i ispanskom yazykakh [About the taxi category in Russian and Spanish]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current issues of philology and pedagogical linguistics]. 2016, no. 1, pp. 90-94. EDN: XBETUR (In Russ.).
20. Ursul K. V. Kategoriya taksisa v strukture sovremennogo ispanskogo yazyka [The category of taxis in the structure of modern Spanish]. *Vestnik universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya* [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education]. 2015, no. 1, pp. 30-34. EDN: TKEBFP (In Russ.).

Информация об авторе

И. В. Архипова – доктор филологических наук, профессор,
кафедра романо-германской филологии,
Новосибирский государственный педагогический университет.

Information about author

I. V. Arkhipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor,
Department of Romano-Germanic Philology,
Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024; одобрена после рецензирования 20.11.2024; принята к публикации 25.01.2025.

The article was submitted 15.11.2024; approved after reviewing 20.11.2024; accepted for publication 25.01.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 52–59.

Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 1. P. 52-59.

Научная статья

УДК 811.112.2'37

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛА *UNTERHALTEN*

Надежда Павловна Сюткина¹, Влада Вячеславовна Яркова²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ nad975@yandex.ru

² vladaiarkovaa@gmail.com

Аннотация. В фокусе внимания находится глагол *unterhalten* и его функционально-семантический потенциал. Мы рассматриваем его в аспекте актуализации категории эмотивной каузативности. Однако значение эмотивного каузатива является для этой лексемы не основным, а производным. Это накладывает отпечаток на его функционирование в речи. Эмотивный компонент не интегрируется в семантический потенциал глагола, а задается ситуацией и актуализируется элементами, которые характеризуют ситуацию с точки зрения её качества, длительности, оценки и т. п. Таким образом реализуется межкатегориальное взаимодействие, ситуацию с этим глаголом мы можем рассматривать как комплексную. Важным ее элементом становится категория инструментальности. В качестве инструмента в ситуации каузации эмоциональной модификации, актуализируемой глаголом *unterhalten*, могут выступать результаты деятельности человека: продукты речевой деятельности (рассказы, истории, сказки, анекдоты и т. д.), музыкальные произведения (пение, песни, баллады и т. п.), качества человека (юмор), музыкальные жанры (рок-н-ролл, блюз, опера и т. п.), действия (концерты, танцы, дуэль и т. п.). Такая актуализация категории инструмента подчеркивает интерперсональный характер, свойственный эмотивным каузативам в целом. Интерперсональность в ситуации с анализируемым глаголом может носить автокаузативный и реципрокный характер, в таком случае глагол функционирует как рефлексивный.

Ключевые слова: эмотив, эмотивный каузатив, ситуация каузации эмоциональной модификации, межкатегориальное взаимодействие, семантический комплекс, функциональный потенциал.

Для цитирования: Сюткина Н. П., Яркова В. В. Функциональные особенности глагола *unterhalten* // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 52–59.

Original article

FUNCTIONAL FEATURES OF THE VERB *UNTERHALTEN*

Nadezhda P. Siutkina¹, Vlada V. Yarkova²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ nad975@yandex.ru

² vladaiarkovaa@gmail.com

Abstract. The focus is on the verb *unterhalten* and its functional-semantic potential. We consider it in the aspect of actualization of the category of emotive causativity. However, the meaning of the emotive causative is not the main one for this lexeme, but a derivative one. This leaves an imprint on its functioning in speech. The emotive component is not integrated into the semantic potential of the verb, but is determined by the situation and actualized by elements that characterize the situation in terms of its quality, duration, evaluation, etc. In this way, intercategory interaction is realized; we can consider the situation with such a verb as complex. The category of instrumentality also becomes an important element of it. The results of human activity can act as an instrument in the situation of causation of emotional modification actualized by the verb *unterhalten*: products of speech activity (stories, stories, fairy tales, jokes, etc.), musical works (singing, songs, ballads, etc.), human qualities (humor), musical genres (rock and roll, blues, opera, etc.), actions (concerts, dances, duels, etc.). Such actualization of the instrument category emphasizes the interpersonal character inherent in emotive causatives in general. Interpersonality in the situation with the analyzed verb can be of an autocausative and reciprocal nature, in which case the verb functions as a reflexive one.

Keywords: emotive, emotive causative, situation of causation of emotional modification, intercategory interaction, semantic complex, functional potential

For citation: Siutkina N. P., Yarkova V. V. Functional Features of the Verb *unterhalten*. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;1:52-59. (In Russ.).

Введение

В фокусе нашего внимания находятся эмотивные каузативы. Этот класс глаголов характеризует комплексная семантика, в качестве таковых рассматриваются те единицы, в которых объединены две семы – эмотивности и каузативности, таким образом, эти единицы актуализируют категорию эмотивной каузативности. К её функциональным особенностям можно отнести взаимодействие со смежными категориями интенсивности, итеративности, инструментальности, оценочности.

Межкатегориальное взаимодействие реализуется в категориальных семантических комплексах (см. [Архипова 2023; Сюткина 2020; Шустова 2021, 2023; Шустова, Сюткина 2020]).

Основная часть

Мы обратились к глаголу *unterhalten*, который входит в ядерную зону семантического поля эмотивных каузативов положительной модификации в немецком языке [Сюткина 2020: 81]. В целом, базовые единицы демонстрируют прототипические свойства и позволяют судить о функциональных особенностях всего класса в целом.

Анализируемый глагол имеет следующие значения:

- 1) *für den Lebensunterhalt von jemandem aufkommen* (er hat eine große Familie zu unterhalten);
- 2) a. *für den Unterhalt von etwas sorgen* (Straßen, Gebäude unterhalten) b. *[als Besitzer] etwas halten, einrichten, betreiben und dafür aufkommen* (eine Pension unterhalten);
- 3) a. *aufrechterhalten* (das Feuer im Kamin unterhalten (nicht ausgehen lassen); b. *pflegen* (gute Kontakte mit, zu jemandem unterhalten; die beiden Staaten unterhalten diplomatische Beziehungen);
- 4) *[zwanglos, auf angenehme Weise] mit jemandem über etwas sprechen* (sich angeregt, lebhaft [über etwas] unterhalten; er wollte sich mit ihm unter vier Augen unterhalten);
- 5) *jemanden auf Vergnügen bereitende, entspannende o. ä. Weise [mit etwas Anregendem] beschäftigen, ihm die Zeit vertreiben* (seine Gäste [mit spannenden Erzählungen] unterhalten; (auch unterhalten + sich:) *ich habe mich auf der Party bestens unterhalten*) (DO).

Значение эмотивного каузатива является производным, это переносное значение.

Каузативное значение реализуется этим глаголом в функциональных структурах: *Beziehungen, Kontakte, Verbindung, Partnerschaft, Verhältnis unterhalten*.

1. *Die Bundesregierung weiß sich in ihren Grundauffassungen einig mit den Staaten und Regierungen, mit denen sie **freundschaftliche Beziehungen unterhält*** (dwds).
2. *Die 24jährige **unterhält beste Kontakte** zu den Münchner Rave-Veranstaltern* (dwds).
3. *Mit seiner ersten Frau Susan, die sich 1969 umbrachte, kurz nachdem sie ein Buch über ihre Beziehung zu Jacob veröffentlicht hatte, und deren übriges Werk nun zu Recht wiederentdeckt wird, hatte er in New York zwei Kinder, während er in Berlin mit Margherita von Brentano lebte; nebenher **unterhielt** er unter anderem eine **leidenschaftliche Beziehung** zu Ingeborg Bachmann* (dwds).

В целом подобные конструкции скорее эмоционально нейтральны, в них актуализируется пропозициональное содержание – субъект совершает действия для поддержания контакта с другим субъектом (то есть каузирует отношения с другим субъектом).

Эмотивный компонент может появиться в такой ситуации для обозначения эмоциональной характеристики этих отношений, как в вышеприведенных примерах, его актуализируют прилагательные с семантикой характеристики эмоций.

В значении *общаться* глагол можно отнести к лексико-семантической группе глаголов речи, поскольку в нем имплицировано соответствующее значение.

К функциональным особенностям немецкого глагола *unterhalten* относится также рефлексивность.

4. *In einer Spielpause **unterhielt er sich** angeregt mit den Kollegen* (dwds).

В качестве рефлексивного данный глагол актуализирует значение речи *mit jemandem über etwas sprechen*. Субъект-объектные отношения в таком случае являются реципрокными, то есть они отражают направленное друг на друга взаимодействие двух (или более) персон. В предложениях с таким сказуемым объект воздействия не всегда актуализируется

отдельным членом предложения, поскольку он совпадает с субъектом воздействия, то есть подлежащее во множественном числе подразумевает лиц, в одинаковой степени воздействующих друг на друга:

5. *Zwei Nachbarinnen, beide um die 60, **unterhalten sich** von Balkon zu Balkon miteinander* (dwds).

6. *Sehr bizarr wirken **Deutsche**, die **sich** miteinander auf Globalenglisch **unterhalten*** (dwds).

7. ***Untereinander unterhalten sich** die Mauritaner in Kreol, jenem Idiom, das zur Zeit der Sklaverei entstand* (dwds).

Также объект такого взаимодействия может быть реализован предложной группой mit + Nomen:

8. *Sein privates Schiff liegt in Südspanien, **mit Dieter Wedel** kann er **sich** stundenlang übers Segeln **unterhalten*** (dwds).

9. *Ich **unterhalte mich** gerne **mit Kindern** und beobachte sie* (dwds).

Такой объект определяется как равноправный участник общения, формально занимающий позицию второстепенного члена предложения (дополнение), по факту же два лица, выраженных подлежащим и дополнением, являются двумя сторонами процесса коммуникации и взаимодействуют на равных.

Можно отметить случаи, когда рефлексив актуализирует автокаузативные отношения:

10. *Dann haben die Menschen Zeit, **sich und ihre Gäste** in den Stuben der Wirtshäuser **stundenlang** mit allerlei originellen selbstgebastelten Gedulds- und Geschicklichkeitsspielen zu **unterhalten** und einander Geschichten zu erzählen* (dwds).

11. *Einmal **unterhielt ich mich stundenlang** mit einem Unbekannten über die Krabbenzucht* (dwds).

12. *Man könnte sich jetzt **stundenlang** über die Vorzüge der Stadt **unterhalten**, das Panorama, das Klima, die Lokale* (dwds).

13. *Ich fand sogar das kleine Hotel wieder und bekam dasselbe Zimmer, in dem **ich mich** beim letzten Mal mit den Kakerlaken so **prächtigt unterhalten** hatte* (dwds).

В автокаузативной конструкции субъект совпадает с объектом и грамматически выражен возвратным местоимением. Реципрокные и автокаузативные значения актуализируют типичные для ситуации каузации эмоциональной модификации субъект-объектные отношения.

Обратившись к данным электронного словаря dwds.de, который предоставляет данные о коллокациях лексемы, и ранжирует эти показатели по частотности, можно определить, что наиболее частотными коллокантами для анализируемого глагола являются прилагательные, обозначающие длительность (*lange, stundenlang*), качество (*leise, laut, lautstark, intensiv, ausführlich*), эмоциональную оценку (*bestens, nett, prächtig, glänzend*), эмоциональную характеристику (*angeregt, gerne, lieber*). Анализ контекстов показывает, что взаимодействие в речи с этими показателями типично для этого глагола именно в значении *общаться*. Например:

14. *Zuletzt hätten sie sich bei der Weihnachtsfeier **nett und lange unterhalten** (dwds).*

15. *Eine bunte Gästeschar, die sich **bestens unterhält** bei Minzente und Gebäck, als die Hausherrin zur Arbeit ruft (dwds).*

16. *Wir haben viel gelacht, **uns glänzend unterhalten** (dwds).*

В приведенных выше контекстах мы наблюдаем, что указанные прилагательные дают ту или иную характеристику общения, в примере 14 это качество и длительность, в примерах 14 и 15 – это оценка.

При этом в предложении может быть актуализирована категория инструмента, а именно способ общения.

17. *Es folgten hysterische Teenager, die **sich stundenlang per SMS unterhielten** und mit ihren SMS-Tippkünsten bei "Wetten, dass..?" auftraten (dwds).*

18. *Sehr bizarr wirken Deutsche, die sich miteinander **auf Globalenglisch unterhalten** (dwds).*

В ситуации, обозначаемой глаголом *unterhalten* в значении эмотивного каузатива также возможна актуализация категории инструмента, например:

19. *Die überwiegend jungen Leute werden **mit Musik und einer riesigen Videoleinwand unterhalten** (dwds).*

20. *Dann haben die Menschen Zeit, sich und ihre Gäste in den Stuben der Wirtshäuser stundenlang **mit allerlei originellen selbstgebastelten Gedulds- und Geschicklichkeitsspielen zu unterhalten** und einander Geschichten zu erzählen (dwds).*

В отличие от значения *общаться*, в такой ситуации актуализаторами значения инструментальности могут являться конкретные и абстрактные предметы, какие-либо совершаемые действия, произведения, речевые произведения.

Поскольку эмотивный каузатив – это глагол, обозначающий субъект-субъектные отношения (один субъект оказывает воздействие на другого), то достаточно типичным инструментом в такой ситуации можно отнести как раз деятельность человека либо продукты этой деятельности:

21. *Das Publikum soll aber in dem zweieinhalbstündigen Programm nicht nur **mit Musik, sondern auch mit unterhaltsamen Moderationen und Geschichten** rund um die Familie Strauß und aus der Walzer-Ära **unterhalten** werden (dwds).*

22. *Obwohl es bei dem Benefiz-Abend für Amnesty unter dem Motto "Im Angesicht Sibiriens" um ein ernstes Anliegen geht, soll das Publikum im Carl-Orff-Saal im Gasteig **mit einem musikalisch-literarischen Potpourri unterhalten** werden (dwds).*

23. *Nach dem zweiten Boxenstopp der Ferrari blieb Alonso für zwei Runden das Glücksgefühl des Führenden, während das Publikum **durch das Schumachersche Bruderduell unterhalten** wurde (dwds).*

24. *Selbst während der Umbauten wird das Publikum **mit Gags unterhalten** (dwds).*

25. Am Samstag, 30. November, **unterhalten** der evangelische Kindergarten Wersen **mit lustigen Tänzen und der Posaunenchor** unter Leitung von Silke Nagel die Gäste (dwds).

26. Da **unterhalte** ich die Gäste schon mal spontan **mit meinem Gesang** (dwds).

27. Der wirksamste Appetitanreger ist immer noch **der Humor, mit dem** Sir Paul und Lady Pat Lever ihre Gäste **unterhalten** (dwds).

28. Der Akkordeon-Club Sulzbach **unterhält** am Sonntag von 10.30 Uhr an die Gäste **mit einem Promenadenkonzert im Bolongarogarten** (dwds).

29. Sie **unterhalten** die Gäste **mit a-capella-Gesang und einem breitgefächerten Repertoire von Rock'n'Roll, Twist und Blues-Balladen** (dwds).

30. **Mit einer texanisch-mexikanischen Musikmischung unterhielten** Los Santos die Gäste am Sonntagabend in der Töpferei Niehenke in Hasbergen (dwds).

Как следует из контекстов в качестве инструмента в ситуации каузации эмоциональной модификации, актуализируемой глаголом *unterhalten* могут выступать результаты деятельности человека: продукты речевой деятельности (рассказы, истории, сказки, анекдоты и т. д.), музыкальные произведения (пение, песни, баллады и т. п.), качества человека (юмор), музыкальные жанры (рок-н-ролл, блюз, опера и т. п.), действия (концерты, танцы, дуэль и т. п.). Такая актуализация категории инструмента подчеркивает интерперсональный характер, свойственный именно значению эмотивного каузатива, которое для данного глагола является не основным, а производным.

Поэтому элементы, которые позволяют раскрыть все компоненты ситуации, несут в себе дополнительную информацию об интерперсональном взаимодействии – актуализируется, что служит предметом развлечения.

Заключение

Таким образом, семантика глагола *unterhalten* не несет эмотивных смыслов в своем логико-предметном значении, эмотивные значения – производны, задаются ситуацией, поскольку *поддерживать* предполагает взаимодействие двух (или более) лиц, а межличностные взаимоотношения рано или поздно будут включать эмоции.

Поэтому неудивительно развитие и приращивание эмотивных смыслов, возможно, сначала только в качестве дополнительной эмоциональной характеристики действия, а затем уже появляется дополнительное, производное значение эмотивного каузатива.

При этом, несмотря на интеграцию эмотивной семы в функциональный потенциал глагола, в его значении сохраняется некая «строгость», глагол неэкспрессивен, он лишь обозначает ситуацию, в которой речь идет о воздействии на эмоциональную сферу.

Список литературы

1. Архипова И. В. Таксисные семантические комплексы в их вариативности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. № 3(40). С. 69–74. DOI: 10.36809/2309-9380-2023-40-69-74 EDN: JPQIKS

2. Сюткина Н. П. Функционирование эмотивных каузативов в категориальном семантическом комплексе. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. 176 с. ISBN: 978-5-7944-3447-7 EDN: KAQCJJ
3. Шустова С. В., Сюткина Н. П. Функционирование эмотивных каузативов в категориальных семантических комплексах // Актуальные проблемы функциональной грамматики, Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2020 года. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2020. С. 41. EDN: DWGVMB
4. Шустова С. В. Инструментальность в каузативной ситуации // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 3. С. 82–89. DOI: 10.24412/2713-0231-2021-3-82-89 EDN: YLSDKO
5. Шустова С. В. Инструментальность в семантическом потенциале глаголов русского языка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 49–61. DOI: 10.24412/2713-0231-2023-11-49-61 EDN: IRXAJT
6. DO – Duden online. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: май 2024).
7. dwds – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: май 2024).

References

1. Arkhipova I. V. Taksisnye semanticheskie komplekсы v ikh variativnosti [Taxic semantic complexes in their variability]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research]. 2023, no. 3(40), pp. 69-74. DOI: 10.36809/2309-9380-2023-40-69-74 EDN: JPQIKS (In Russ.).
2. Syutkina N. P. Funktsionirovanie emotivnykh kauzativov v kategorial'nom semanticheskom komplekse [Functioning of emotive causatives in the categorical semantic complex]. Perm, Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet, 2020, 176 p. ISBN: 978-5-7944-3447-7 EDN: KAQCJJ (In Russ.).
3. Shustova S. V., Syutkina N. P. Funktsionirovanie emotivnykh kauzativov v kategorial'nykh semanticheskikh kompleksakh [Functioning of emotive causatives in categorical semantic complexes]. *Aktual'nye problemy funktsional'noy grammatiki* [Current issues of functional grammar]. Saint Petersburg, Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN, 2020, p. 41. EDN: DWGVMB (In Russ.).
4. Shustova S. V. Instrumental'nost' v kauzativnoy situatsii [Instrumentality in a causative situation]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanitarian Studies. History and Philology]. 2021, no. 3, pp. 82-89. DOI: 10.24412/2713-0231-2021-3-82-89 EDN: YLSDKO (In Russ.).
5. Shustova S. V. Instrumental'nost' v semanticheskom potentsiale glagolov russkogo yazyka [Instrumentality in the semantic potential of Russian verbs]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Instrumentalities in the semantic potential of Russian languages]. 2023, no. 11, pp. 49-61. DOI: 10.24412/2713-0231-2023-11-49-61 EDN: IRXAJT (In Russ.).

6. DO – Duden online. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: май 2024).
7. dwds – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: май 2024).

Информация об авторах

Н. П. Сюткина – кандидат филологических наук, доцент,
кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;

В. В. Яркова – аспирант, кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

N. P. Syutkina – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Department of Linguistics and Translation, Perm State University;
V. V. Yarkova – Postgraduate Student, Department of Linguistics and Translation,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024; одобрена после рецензирования 10.12.2024;
принята к публикации 20.02.2025.

The article was submitted 19.11.2024; approved after reviewing 10.12.2024; accepted for
publication 20.02.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 60–73.

Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 1. P. 60-73.

Научная статья

УДК 811.111'27

ПОНЯТИЙНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА *FEAR* КАК КАТЕГОРИИ МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА

Екатерина Олеговна Зубарева¹, Алина Геннадьевна Гавшина²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ fialka21-85@mail.ru

² gavshina_000q@mail.ru

Аннотация. Концепт *FEAR* является одним из ключевых элементов человеческого сознания и культуры, играя важную роль в формировании индивидуального и коллективного поведения. Страх как эмоциональное состояние оказывает значительное влияние на принятие решений, социальные взаимодействия, а также на восприятие окружающего мира. В условиях современного общества, характеризующегося глобальными вызовами, такими как пандемии, экологические кризисы, политическая нестабильность и технологические изменения, изучение данного концепта приобретает особую актуальность. Исследование выполняется в рамках миграционной лингвистики. Поскольку миграция часто связана с политической безопасностью, лингвотеларантностью, речевой агрессией и лингвистической дискриминацией, концепт *FEAR* можно отнести к концептосфере миграции, так как он используется в качестве скрытого инструмента власти в сфере миграционной политики. Статья посвящена дефиниционному и компонентному анализу лексемы *fear*. Анализ понятийного компонента концепта *FEAR* позволяет определить его содержание, семантические особенности и культурные коннотации, что способствует более глубокому пониманию механизмов формирования и функционирования страха в различных контекстах. Теоретическая и практическая значимость определяется как вклад в развитие теории и методологической базы миграционной лингвистики.

Ключевые слова: миграционная лингвистика, миграционный дискурс, концепт, дефиниционный анализ, компонентный анализ, семантический компонент, ядро и периферия, парадигматические связи.

Для цитирования: Зубарева Е. О., Гавшина А. Г. Понятийный компонент концепта *FEAR* как категории миграционного дискурса // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 60–73.

Original article

THE CONCEPTUAL COMPONENT OF THE FEAR CONCEPT AS A CATEGORY OF MIGRATION DISCOURSE

Ekaterina O. Zubareva¹, Alina G. Gavshina²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ fialka21-85@mail.ru

² gavshina_000q@mail.ru

Abstract. The concept FEAR is one of the key elements of human consciousness and culture, playing an important role in shaping individual and collective behavior. Fear as an emotional state has a significant impact on decision-making, social interactions, and perception of the world around us. In a modern society characterized by global challenges such as pandemics, environmental crises, political instability, and technological change, the study of this concept is becoming particularly relevant. The research is carried out within the framework of migration linguistics. Since migration is often associated with political security, linguistic tolerance, speech aggression, and linguistic discrimination, the concept FEAR can be attributed to the conceptual sphere of migration, as it is used as a hidden tool of power in the field of migration policy. The article is devoted to the definitional and component analysis of the fear token. The analysis of the conceptual component of concept FEAR makes it possible to determine its content, semantic features and cultural connotations, which contributes to a deeper understanding of the mechanisms of fear formation and functioning in various contexts. The theoretical and practical significance is defined as a contribution to the development of the theory and methodological base of migration linguistics.

Keywords: migration linguistics, migration discourse, concept, definitional analysis, component analysis, semantic component, core and periphery, paradigmatic connections.

For citation: Zubareva E. O., Gavshina A. G. The conceptual component of the fear concept as a category of migration discourse. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;1:60-73. (In Russ.).

Введение

Концепт *FEAR* является одним из ключевых элементов человеческого сознания и культуры, играя важную роль в формировании индивидуального и коллективного поведения. Страх как эмоциональное состояние оказывает значительное влияние на принятие решений, социальные взаимодействия, а также на восприятие окружающего мира. В условиях современного общества, характеризующегося глобальными вызовами, такими как пандемии, экологические кризисы, политическая нестабильность и технологические изменения, изучение данного концепта приобретает особую актуальность.

Концепт является ключевым понятием когнитивной лингвистики. Несмотря на то, что термин «концепт» уже давно обсуждается учёными, и в целом это довольно устоявшийся термин в когнитивной лингвистике, его значение многие трактуют по-разному. Понимание

термина *концепт* удачно сравнивается А. А. Залевской с рассматриванием картины. По её мнению, зрители смотрят на одну и ту же картину с разных позиций – так же и исследователи зачастую рассматривают термин *концепт* в рамках определённого направления науки. Поэтому очень важен комплексный подход для исчерпывающего понимания концепта [Залевская 2001: 46].

С. А. Аскольдов-Алексеев был первым отечественным лингвистом, употребившим термин *концепт* в науке, акцентирует внимание на заместительной функции концепта и даёт ему следующее определение: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода». Однако он тут же поясняет, что концепт – это не всегда заместитель реальных предметов: «он может быть заместителем некоторых сторон предмета или реальных действий. Наконец, он может быть заместителем разного рода хотя бы и весьма точных, но чисто мысленных функций». Продолжая говорить о заместительной функции концепта, лингвист описывает интересную мысль о том, что «...некоторые наши концепты суть ни что иное как схематические представления, то есть представления, лишённые тех или иных конкретных деталей». Например, описывая какой-нибудь вид цветка, мы имеем в виду некоторое множество похожих друг на друга цветов, но всё же при описании мы оперируем лишь с одним из этих цветков [Аскольдов-Алексеев 1997: 31–33].

Д. С. Лихачёв в своей работе «Концептосфера русского языка» продолжает размышления А. С. Аскольдова-Алексеева о концепте, но предполагает, что «концепт существует не для самого слова, а, во-первых, для каждого словарного значения слова отдельно и, во-вторых, ... концепт – это своего рода алгебраическое выражение значения, которым мы оперируем в письменной и устной речи, ... которое каждый по-своему интерпретирует, в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определённой среде, профессии и т. д.» [Лихачёв 1997: 150]. Таким образом, в трактовке Д. С. Лихачёва появляется важная деталь: культурный и жизненный опыт человека влияет на понимание того или иного концепта. Ученый считает, что определить, какое из всех словарных значений заменяет концепт, помогает контекст, который ещё и ограничивает семантический потенциал концепта в конкретной ситуации. «Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [там же: 151]. Иными словами, потенция концепта зависит от культурного опыта человека: чем он богаче, то есть чем больше у человека запас знаний, навыков, культурного опыта, тем шире потенция концепта.

По мнению Г. Фреге, концепт – это смысл. В статье «Смысл и денотат» ученый разграничивает «смысл» и «понятие». В его понимании смысл не тождественен понятию: понятие всегда связано с базовыми значениями слова. Смысл же зависит от контекста и наблюдателя, он исключительно субъективен [Фреге 1997: 355–357].

Э. Кант пояснял, чтобы мысленный образ стал концептом, необходима способность сравнивать, обдумывать и абстрагировать – эти три логические операции являются необходимым условием создания концепта [Кант 1994: 314]. Э. Кант подчёркивал, что концепты зачастую основаны на спонтанном мышлении, интуиции, и, поскольку репрезентации не относятся непосредственно к объектам реальности (кроме интуиции), концепты, таким образом, никогда не бывают непосредственно связаны с объектом, но всегда связаны с другой репрезентацией [Кант 1998: 205].

В рамках данной статьи концепт рассматривается как «ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущее комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении,.. и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007: 24–25].

Авторы придерживаются концепции С. Г. Воркачёва, согласно которой выделяются три составляющих концепта: понятийная, образная и значимостная [Воркачёв 2004: 63]. С. Лоренс и Э. Марголис считают, концепты фундаментальными конструктами в теориях познания и подчёркивают, что концепты имеют дефиниционную структуру [Laurence, Margolis 1999: 6–7]. В статье исследуется понятийный компонент концепта FEAR, то есть его существенные признаки, зафиксированные в лексикографических источниках.

Дефиниционный и компонентный анализ концепта *FEAR* позволяет определить его содержание, семантические особенности и культурные коннотации, что способствует более глубокому пониманию механизмов формирования и функционирования страха в различных контекстах. Такой анализ важен не только для лингвистики и когнитивной науки, но и для психологии, социологии, философии и других дисциплин, изучающих человеческое поведение и мышление.

В современном мире в эпоху глобализации стремительно увеличивается темп миграций. Увеличение миграционных потоков неизбежно оказывает влияние на все сферы общественной деятельности. Поскольку миграция оказывает огромное влияние и на межкультурное общение, имеет отношение к языку, то вполне логично, что в настоящее время активно развивается новое направление лингвистики – миграционная лингвистика. В России это направление рассматривается как междисциплинарное и активно развивается с 2018 г. (см., например, [Зубарева 2019; Зубарева, Коллегова 2024; Шустова, Романова 2024; Шустова, Наборщиков 2024; Хорошева, Назарова 2024]). К задачам миграционной лингвистики относится моделирование миграционного дискурса, в первую очередь, выявление его базовых категорий [Зубарева 2024: 7–8]. Миграционный дискурс рассматривается как «вид социальной практики, поскольку его формируют социальные структуры, социальные практики, социальные агенты, участники, вовлечённые в социальные события» [Шустова 2018: 120]. Поскольку миграция часто связана с политической

безопасностью, лингвотеларантностью, речевой агрессией и лингвистической дискриминацией, мы считаем, что концепт FEAR можно отнести к концептосфере миграции, так как он используется в качестве скрытого инструмента власти в сфере миграционной политики.

Основная часть

На первом этапе исследования авторами проанализированы 11 толковых и специализированных англоязычных словарей. Ниже представлены дефиниции лексемы *fear*. Схожие и синонимичные дефиниции объединены с указанием источников. Для обозначения словарей используется аббревиатура, расшифровка которой представлена в Списке сокращений.

1. The emotion of pain or uneasiness caused by the sense of impending danger or by the prospect of some possible evil [OD, NLM, CD, BC, WD, DC, EW, PWN, PLC, MW, SJD].

2. An unpleasant emotion or thought that you have when you are frightened or worried by something dangerous, painful or bad that is happening or might happen. Trembling with fear, she handed over the money to the gunman [CD, BC, WD, DC, Wik, OD, PWN, NLM, PLC].

3. A feeling of distress, apprehension or alarm caused by impending danger, pain, etc. [DC, MW, SJD, Wik, PWN, PLC].

4. Awe, reverence. Fear of God [DC, MW, Wik, PWN, WD, BC, SJD].

5. Concern, anxiety [DC, MW, PWN, SJD, EW, PLC].

6. Possibility, chance. There is no fear of that happening [DC].

7. Solicitude [DC].

8. A phobia, a sense of fear induced by something or someone. Not everybody has the same fears [EW].

9. A feeling of dread and anxiety when waking after drinking a lot of alcohol, wondering what one did while drunk. He had the fear, that feeling of dread that you've done something really embarrassing. The fear was a hundred times worse than the hangover. No, a thousand times worse [EW].

10. An emotion experienced in anticipation of some specific pain or danger (usually accompanied by a desire to flee or fight) [PWN].

11. Be sorry; used to introduce an unpleasant statement. I fear I won't make it to your wedding party [PWN].

12. Dejection of mind at the presence of any person or thing; terror impressed. And the fear of you, and the dread of you, shall be upon every beast [WD, SJD].

13. Something hung up to scare deer by its color or noise. He who fleeth from the noise of the fear shall fall into the pit, and he that cometh up out of the midst of the pit shall be taken in the snare [SJD].

14. A companion (obsolete) [SJD, WD].

15. Respectful reverence for men of authority or worth [WD].

16. To suspect, to doubt [WD].

17. An unpleasant emotional reaction experienced in the face of perceived danger. It builds quickly in intensity and helps to organize the person's responses to threats from the environment [PLC].

18. An alarm reaction to current danger or life-threatening emergencies that is marked by strong escape-oriented tendencies and a surge in the sympathetic nervous system [PLC].

19. An innate, almost biologically based alarm response to a dangerous or life-threatening situation [PLC].

Итак, в ходе анализа лексикографических источников было выявлено 19 дефиниций лексемы FEAR, и результаты этого анализа стали опорой для следующего этапа – компонентного анализа.

На втором этапе исследования проводится компонентный анализ значения лексемы *fear*, который заключается в выделении отдельных семантических компонентов [см., например, Селиверстова 2004: 81], что позволяет выявить все оттенки ее значения, а также парадигматические связи. Ниже представлен список выделенных семантических компонентов:

1. The emotion (sense, feeling, thought) [OD, CD, DC, BC, EW, MW, NLM, WD, PWN, PLC, SJD].

2. Reaction, response [NLM, PLC].

3. The emotion of pain [OD, CD, PWN, WD, DC, SJD, NLM, BC, EW, PLC, MW].

4. The emotion of uneasiness (alarm, concern, anxiety, solicitude, to be worried) [OD, CD, DC, MW, SJD, EW, PWN, WD, BC, NLM, PLC].

5. The emotion caused by danger (apprehension, anticipation, dread, impressed terror) [OD, CD, DC, MW, SJD, PWN, WD, BC, PLC].

6. The emotion caused by evil [DC, WD].

7. The emotion caused by bad things [OD, CD].

8. The emotion caused by life-threatening situation [PLC].

9. An unpleasant emotion [CD, MW, EW, BC, PLC, WD, DC, OD, PWN, NLM, PLC].

10. The emotion that you have when you are frightened by something that is happening [CD, NLM].

11. The emotion that you have when you are frightened by something that might happen [OD, CD, PWN].

12. The emotion that you have when you are frightened by someone [CD, BC, EW].

13. The emotion accompanied by a desire to flee or fight (escape-oriented tendencies) [PWN, PLC].

14. The emotion of suspect (doubt) [WD].

15. The emotion that helps to organize the person's responses to threats from the environment [PLC].

16. Reverence for men of authority or worth [WD].
17. An innate, biologically based alarm response [PLC].
18. Distress [DC, EW].
19. Awe [DC, MW, SJD, PWN, WD, BC, EW].
20. A phobia [EW].
21. The threat or danger is real or imaginary (actual or perceived) [DC, EW].
22. The object, the reason of feelings of dread or apprehension (reason for alarm, that which causes fear) [DC, MW, SJD, WD].
23. A surge in the sympathetic nervous system [PLC].
24. A feeling of dread when waking after drinking a lot of alcohol [EW].
25. Possibility (chance) [DC, CD].
26. Be sorry; used to introduce an unpleasant statement [PWN, CD].
27. Dejection of mind [SJD, WD].
28. Something hung up to scare deer by its color or noise [SJD].
29. A companion (obsolete) [SJD, WD].

Таким образом, нами зафиксировано 19 дефиниций в 11 англоязычных словарях. После проведения компонентного анализа лексемы *fear* выявлено 29 семантических компонентов, среди которых можно определить ядерные, ближние и дальние периферийные компоненты значения данной лексемы. Отметим, что к ядерным семантическим компонентам мы относим компоненты, которые зафиксированы в 10 и более словарях, к семантическим компонентам ближней периферии – от 7 до 9 словарей и к семантическим компонентам дальней периферии – от 4 до 1 словарей. К ядерным компонентам относятся такие компоненты как: *the emotion, sense, feeling, thought; the emotion of uneasiness, alarm, concern, anxiety, solicitude, worry; the emotion of pain; an unpleasant emotion*. К ближним периферийным компонентам – *danger* (9), *awe* (7), к семантическим компонентам дальней периферии отнесены компоненты: *the object, the reason for alarm, fear* (4), *something that might happen* (3), *something that is happening* (2), *the emotion accompanied by a desire to flee or fight* (2), *evil* (2), *bad things* (2), *distress* (2), *the threat or danger is real or imaginary (actual or perceived)* (2), *reverence for men of authority or worth* (1), *the emotion that helps to organize the person's responses to threats from the environment* (1), *life-threatening situation* (1), *phobia* (1).

Среди компонентов дальней периферии встречаются и очень необычные, например, *possibility (chance)* (2), *dejection of mind* (2), *the emotion of suspect (doubt)* (1), *drinking a lot of alcohol* (1). Отметим, что зафиксировано переносное значение, когда человек собирается извиниться или сказать что-то неприятное (*be sorry*, 2 словаря) и два устаревших значения: *a companion* (2) и *something hung up to scare deer by its color or noise* (1). Подчеркнем, что лексема *fear* зафиксирована и в специализированных словарях (психологическом и медицинском) и определяется как *an innate, biologically based alarm response, a surge in the sympathetic nervous system* соответственно.

Компонентный анализ также позволяет установить парадигматические связи исследуемой лексемы, выявлены такие синонимы, как: *terror, alarm, panic* [CD, DC, MW, OD]; *dread, fright* [CD, DC, MW]; *scare, trepidation, horror, anxiety* [DC, MW]; *uneasiness, qualm, worry, dismay, despair, concern, consternation, apprehension, foreboding, bête noire, aversion, bugbear, bogey, veneration, respect, angst* [DC]; *phobia* [CD]; *afraidness* [EW]; *fearfulness* [MW]. Также мы привлекли электронные словари синонимов английского языка и дополнительно выявили следующие синонимы, не зафиксированные в толковых словарях: *affright, disquietude, misgiving, timidity, trembling* [Syn]; *nervousness, agitation, perturbation, funk, creeps, cowardice, disquiet* [PT]; *presentiment, anguish, agony, grief, sorrow* [Rev]; *jitters, abhorrence, discomposure, nightmare, revulsion* [TS].

Таким образом, всего выявлено 51 синоним из толковых, специализированных словарей и словарей синонимов английского языка. Присутствуют 19 синонимов со значением *испуг, страх, тревога*, что составило большую часть от всех синонимов (например, *terror, alarm, fright*); пять синонимов со значением *волнение, трепет* (*discomposure, agitation, trepidation, nervousness, perturbation*); четыре синонима – отвращение, ненависть (*revulsion, abhorrence, aversion, horror*); неуверенность, смятение (*qualm, dismay*); горе, страдание (*sorrow, grief, agony, anguish*); три синонима – опасение (*apprehension, foreboding, misgiving*); уважение, почитание (*respect, veneration, «reverence»*); один синоним – отчаяние (*despair*); оцепенение (*consternation*).

Можно выделить синонимы, такие как *bête noire* – всеобщий концентратор ненависти, страха или раздражения, это неизменяемый и непере译имый интернационализм; а также синонимы *bugbear, bogey*, означающие *пугало*. Отдельно можно выделить такие синонимы, как *phobia, nightmare, trembling, timidity*.

Далее представим примеры реализации семантических компонентом на материале статьи Gundogmus B., Mete M. «The Politics of Fear: Fear of Migrants as an Instrument Shaping the Political Environment» [Gundogmus, Mete 2024].

Since the person who neutralizes the effect of fear also ignores the emotions and fears of the living beings he/she exposes to his/her action, many actions that normally appear violent can be carried out quite naturally thanks to (because of) a drug that focuses on the absence of fear. Семантические компоненты: the emotion (sense, feeling, thought), an unpleasant emotion, the emotion caused by bad things, the emotion that helps to organize the person's responses to threats from the environment.

A ship requires a government to protect it from the danger of sinking and the fear of waves, and crews and passengers who follow the government and obey it. Семантические компоненты: the emotion (sense, feeling, thought), the emotion caused by life-threatening situation, the threat or danger is real or imaginary (actual or perceived), an unpleasant emotion, the emotion caused by danger, the emotion of uneasiness (alarm, concern, anxiety, solicitude, to be worried).

There is a power that is a candidate to fill every space between fear of chaos and power.

Семантические компоненты: the emotion (sense, feeling, thought), the emotion caused by bad things, an unpleasant emotion, the threat or danger is real or imaginary (actual or perceived), the emotion of uneasiness (alarm, concern, anxiety, solicitude, to be worried).

Although Heidegger (Heidegger, 2008) in Being and Time, exaggerates fear into an exclusively human emotion, the passage in which Aristotle describes the nature of fear makes an important point: "It is clear that we fear frightening things, and these, as is usually said, are evil; hence fear is defined as the anticipation of evil. Indeed, we fear all evils, such as bad reputation, poverty, sickness, disease, friendlessness, death." (Aristoteles, 1997). Семантические компоненты: the emotion (sense, feeling, thought), the emotion of uneasiness (alarm, concern, anxiety, solicitude, to be worried), the emotion caused by evil.

Being perceived as a threat to social identity makes migrants an element of fear and anxiety in the societies they migrate to. В данном примере *fear* отражается как неприятная эмоция, опасение, недоверие к мигрантам. Семантические компоненты: the emotion (sense, feeling, thought), an unpleasant emotion, the emotion that you have when you are frightened by someone.

Today, many of the topics discussed in societies with high levels of immigration stem from the fear that the cultural, national and/or religious values of the host society will be suppressed by the values of immigrants. Семантические компоненты: the emotion (sense, feeling, thought), the emotion of uneasiness (alarm, concern, anxiety, solicitude, to be worried), an unpleasant emotion, the emotion that you have when you are frightened by something that might happen, the threat or danger is real or imaginary (actual or perceived).

From the perspective of biology, humans, like other creatures, are equipped to elicit the emotion of fear, but their symbolic, linguistic and cognitive abilities add a different quality to their fears. Семантические компоненты: an innate, biologically based alarm response, the emotion that helps to organize the person's responses to threats from the environment, the emotion accompanied by a desire to flee or fight (escape-oriented tendencies).

What makes human fear different from that experienced by animals is not primarily physiology, but rather what fear can evoke. Семантические компоненты: an innate, biologically based alarm response, the emotion that helps to organize the person's responses to threats from the environment.

Fear as a security alarm forces us to flee from danger; in other words, it creates a need for what is safe. Семантические компоненты: the emotion accompanied by a desire to flee or fight (escape-oriented tendencies), the emotion that helps to organize the person's responses to threats from the environment.

During this period, Chinese immigrants, who often took on the hardest and dirtiest jobs in cities such as San Francisco, caused Americans to fear for jobs and wages. Семантические компоненты: the emotion (sense, feeling, thought), reaction, response, the emotion of uneasiness (alarm, concern, anxiety, solicitude, to be worried), an unpleasant emotion, the emotion that you have when you are frightened by something that might happen.

Итак, из 29 семантических компонентов 14 нашли свое воплощение в миграционном дискурсе. На основе частотности семантических компонентов можно выделить ядерные и периферийные. Для определения грани между ядерными и периферийными реакциями вычислим процентное содержание самого частотного семантического компонента. The emotion (sense, feeling, thought) – этот семантический компонент зафиксирован 7 раз, общая сумма упоминания всех семантических компонентов – 39, следовательно данный семантический компонент составляет 17,9 % от общего числа.

Обобщая полученные данные, мы получаем следующую иерархичную структуру: the emotion (sense, feeling, thought) (17,9 %); an unpleasant emotion (15,4 %); the emotion of uneasiness (12,8 %); the emotion that helps to organize the person's responses to threats from the environment (10,2%); the threat or danger is real or imaginary (actual or perceived) (7,7 %); the emotion that you have when you are frightened by something that might happen (7,7 %); the emotion caused by bad things (5,1 %); an innate, biologically based alarm response (5,1 %); the emotion accompanied by a desire to flee or fight (escape-oriented tendencies) (5,1 %); the emotion caused by life-threatening situation (2,5 %); the emotion caused by danger (2,5 %); the emotion caused by evil (2,5 %); the emotion that you have when you are frightened by someone (2,5 %); reaction, response (2,5 %).

Поэтому отнесем первые 4 семантических компонента (более 10 %) к ядерным, а остальные, с частотностью менее 10 % – к периферийным. Заметно, что в ядерных семантических компонентах подчёркивается неприятность эмоции.

Заключение

Согласно результатам проведенного компонентного анализа, самые частотные семантические компоненты – те, что связаны с эмоциями и чувствами, а далее следуют семантические компоненты, связанные либо с опасностью, либо с причинами появления страха. Отдельно хочется выделить следующие по частотности семантические компоненты, означающие возможность или предвкушение чего-то плохого, опасного, а также благоговейный трепет перед кем- или чем-либо (например, перед Богом).

Отметим, что, в отличие от результатов компонентного анализа, среди ядерных семантических компонентов в миграционном дискурсе оказался компонент *the emotion that helps to organize the person's responses to threats from the environment*. Концепт FEAR многогранен, сложен, актуален, с помощью этого чувства общество живет, выживает, управляет, манипулирует и даже заставляет принимать решения.

Список литературы

1. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская речь. 1928. С. 28–33.
2. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис, 2004. 236 с. ISBN: 5-94244-002-6 EDN: QRBAUZ

3. Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. 2001. С. 46–48.
4. Зубарева Е. О. Синтагматический анализ концепта МИГРАЦИЯ (на материале корпусных данных) // Миграционная лингвистика. 2019. № 1. С. 23–41. EDN: TZVQKY
5. Зубарева Е. О. Актуальные проблемы лингвистики. Лингвистическое моделирование концептуального поля МИГРАЦИЯ. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024. 130 с. ISBN: 978-5-7944-4113-0 EDN: GEFCZO
6. Зубарева Е. О., Колегова А. А. Синтагматическая модель концепта TRAVELLER в британском и американском вариантах английского языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 6–18. EDN: VAZQYY
7. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского // Сочинения: в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 3. 740 с.
8. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 52. № 1. С. 147–165.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж : Истоки, 2007. 250 с. EDN: QUIZYF
10. Селиверстова О. Н. Труды по семантике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 960 с. ISBN: 5-9551-0020-2 EDN: RBVTON
11. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. 1997. № 35. С. 352–379.
12. Хорошева Н. В., Назарова Н. А. Нарратив миграционного кризиса во французском политическом медиадискурсе: номинационный аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 87–94. EDN: MEXATJ
13. Шустова С. В. Миграционная лингвистика и миграционный дискурс // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. 4 (2). С. 114–125. DOI: 10.22250/24107190_2018_4_2_114_125 EDN: SKZH XV
14. Шустова С. В., Романова А. И. Категория лингвистической дискриминации // Миграционная лингвистика. 2024. № 6. С. 4–21. EDN: YJSKQB
15. Шустова С. В., Наборщиков И. С. Категория лингвоконфликтности в американском политическом дискурсе // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 64–70. DOI: 10.24412/2713-0231-2024-16-64-70 EDN: WHQCFE
16. Gundogmus B., Mete M. The Politics of Fear: Fear of Migrants as an Instrument Shaping the Political Environment // Journal of Erciyes Communication. 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/377824843_The_Politics_Of_Fear_Fear_Of_Migrants_As_An_Instrument_Shaping_The_Political_EnvironmentKorku_Siyaseti_Siyasi_Ortami_Sekillendiren_Bir_Arac_Olarak_Gocmen_Korkusu (дата обращения: август 2024).
17. Kant I. Critique of pure reason. University of Cambridge, United Kingdom, 1998. 785 p. DOI: 10.1017/CBO9780511804649
18. Laurence S., Margolis E. Concepts and Cognitive Science, 1999. URL: <https://philpapers.org/archive/LAUCAC-3.pdf> (дата обращения: 06.11.2024).

Список сокращений

BC – Britannica.com. URL: <https://www.britannica.com/dictionary/fear> (дата обращения: сентябрь – октябрь 2024).

CD – Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fear> (дата обращения: август – октябрь 2024).

DC – Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/browse/fear> (дата обращения: сентябрь – октябрь 2024).

EW – En.Wiktionary.org. URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/fear> (дата обращения: сентябрь – октябрь 2024).

MW – Merriam-webster.com. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/fear#dictionary-entry-1> (дата обращения: октябрь – декабрь 2024).

OD – Oxford dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/fear_1?q=fear (дата обращения: август – октябрь 2024).

PT – Power thesaurus. URL: <https://ru.powerthesaurus.org/fear/synonyms> (дата обращения: ноябрь 2024).

PWN – Princeton's WordNet. URL: <https://www.definitions.net/definition/fear> (дата обращения: декабрь 2024).

PLC – Psychology-lexicon.com. URL: <https://www.psychology-lexicon.com/cms/glossary/39-glossary-f/426-fear.html?highlight=WyJmZWYyIiwZmVhcmZlbcIsImZlYXJmdWxuZXNzIiwZmVhcmVklwiZmVhcnMiLCInZmVhcmZlYXJmZWYyW5nIl0=> (дата обращения: 08.08.2024).

Rev – Reverso. URL: <https://synonyms.reverso.net/synonym/en/fear> (дата обращения: август – октябрь 2024).

SJD – Samuel Johnson's dictionary. URL: <https://johnsonsdictionaryonline.com/views/search.php?term=fear> (дата обращения: декабрь 2024).

TS – Thesaurus. URL: <https://www.thesaurus.com/browse/fear> (дата обращения: 27.06.2024).

Syn – Synonyms. URL: <https://www.synonyms.com/synonym/fear> (дата обращения: 26.06.2024).

NLM – U.S National Library of Medicine. URL: <https://www.definitions.net/definition/fear> (дата обращения: 08.08.2024).

WD – Webster Dictionary. URL: <https://webstersdictionary1828.com/Dictionary/fear> (дата обращения: ноябрь 2024).

Wik – Wiktionary.org. URL: <https://www.wiktionary.org/> (дата обращения: сентябрь 2024).

WH – Woordhunt. URL: <https://woordhunt.ru/> (дата обращения: 10.10.2024).

References

1. Askol'dov-Alekseev S. A. Kontsept i slovo [Concept and word]. *Russkaya rech'* [Russian speech]. 1928, pp. 28-33. (In Russ.).
2. Vorkachev S. G. Schast'e kak lingvokul'turnyy kontsept [Happiness as a linguacultural concept]. Moscow, Gnozis, 2004, 236 p. ISBN: 5-94244-002-6 EDN: QRBAUZ (In Russ.).

3. Zalevskaya A. A. Psicholingvisticheskiy podkhod k probleme kontsepta [Psycholinguistic approach to the problem of concept]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. 2001, pp. 46-48. (In Russ.).
4. Zubareva E. O. Sintagmatischeskiy analiz kontsepta MIGRATsIYa (na materiale korpusnykh dannykh) [Syntagmatic analysis of the concept MIGRATION (based on corpus data)]. *Migratsionnaya lingvistika* [Migration linguistics]. 2019, no. 1, pp. 23-41. EDN: TZVQKY (In Russ.).
5. Zubareva E. O. Aktual'nye problemy lingvistiki. Lingvisticheskoe modelirovanie kontseptual'nogo polya MIGRATsIYa [Current Problems of Linguistics. Linguistic Modeling of the Conceptual Field MIGRATION]. Perm, Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet, 2024, 130 p. ISBN: 978-5-7944-4113-0 EDN: GEFCZO (In Russ.).
6. Zubareva E. O., Kolegova A. A. Sintagmatischeskaya model' kontsepta TRAVELLER v britanskom i amerikanskom variantakh angliyskogo yazyka [Syntagmatic model of the concept TRAVELLER in British and American English]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2024, no. 1, pp. 6-18. EDN: BAZQYY (In Russ.).
7. Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. *Sochineniya: v 8 t.* [Works: in 8 volumes.]. Translation from German by N. O. Losskogo. Moscow, Choro, 1994, vol. 3, 740 p. (In Russ.).
8. Likhachev D. S. Kontseptosfera russkogo yazyka [Conceptual sphere of the Russian language]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [News of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series]. 1997, vol. 52, no. 1, pp. 147-165. (In Russ.).
9. Popova Z. D., Sternin I. A. Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka [Semantic-cognitive analysis of language]. Voronezh, Istoki, 2007, 250 p. EDN: QUJZYF (In Russ.).
10. Seliverstova O. N. Trudy po semantike [Works on semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004, 960 p. ISBN: 5-9551-0020-2 EDN: RBBTOH (In Russ.).
11. Frege G. Smysl i denotat [Meaning and denotation]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and computer science]. 1997, no. 35, pp. 352-379. (In Russ.).
12. Khorosheva N. V., Nazarova N. A. Narrativ migratsionnogo krizisa vo frantsuzskom politicheskom mediadiskurse: nominatsionnyy aspekt [The Narrative of the Migration Crisis in French Political Media Discourse: The Nominative Aspect]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2024, no. 1, pp. 87-94. EDN: MEXATJ (In Russ.).
13. Shustova S. V. Migratsionnaya lingvistika i migratsionnyy diskurs [Migration linguistics and migration discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. 2018. 4 (2), pp. 114-125. DOI: 10.22250/24107190_2018_4_2_114_125 EDN: SKZH XV (In Russ.).
14. Shustova S. V., Romanova A. I. Kategoriya lingvisticheskoy diskriminatsii [Category of linguistic discrimination]. *Migratsionnaya lingvistika* [Migration linguistics]. 2024, no. 6, pp. 4-21. EDN: YJSKQB (In Russ.).
15. Shustova S. V., Naborshchikov I. S. Kategoriya lingvokonfliktogenosti v amerikanskom politicheskom diskurse [The category of linguistic conflictogenicity in American political discourse]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanitarian Studies. History and Philology]. 2024, no. 16, pp. 64-70. DOI: 10.24412/2713-0231-2024-16-64-70 EDN: WHQCFE (In Russ.).

16. Gundogmus B., Mete M. The Politics of Fear: Fear of Migrants as an Instrument Shaping the Political Environment // Journal of Erciyes Communication. 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/377824843_The_Politics_Of_Fear_Fear_Of_Migrants_As_An_Instrument_Shaping_The_Political_EnvironmentKorku_Siyaseti_Siyasi_Ortami_Sekillendiren_Bir_Arac_Olarak_Gocmen_Korkusu (дата обращения: август 2024).
17. Kant I. Critique of pure reason. University of Cambridge, United Kingdom, 1998. 785 p. DOI: 10.1017/CBO9780511804649
18. Laurence S., Margolis E. Concepts and Cognitive Science, 1999. URL: <https://philpapers.org/archive/LAUCAC-3.pdf> (дата обращения: 06.11.2024).

Информация об авторах

***Е. О. Зубарева** – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет;*
***А. Г. Гавшина** – студент, факультет современных иностранных языков и литератур, Пермский государственный национальный исследовательский университет.*

Information about the authors

***E. O. Zubareva** – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
 Department of Linguistics and Translation, Perm State University;*
***A. G. Gavshina** – Student, of Faculty of Foreign Languages and Literatures,
 Perm State University.*

Статья поступила в редакцию 20.11.2024; одобрена после рецензирования 10.12.2024; принята к публикации 15.02.2025.

The article was submitted 20.11.2024; approved after reviewing 10.12.2024; accepted for publication 15.02.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 74–81.

Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 1. P. 74-81.

Научная статья

УДК 82.09

ПОЭТИКА И ПРАГМАТИКА ТЕКСТОВ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ЖАНРА

Людмила Михайловна Бондарева

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград, Россия,

bondareva.koenig@mail.ru

Аннотация. На основе лингвистической интерпретации механизмов функционирования автобиографической и коллективной памяти формулируется понятие ретроспективного дискурса. В совокупном дискурсивном пространстве существует немало типов дискурса, объединяющих в себе тексты различных жанров и разной функционально-стилевой принадлежности. Одним из таких синтетических типов является выделенный нами в процессе исследования *ретроспективный дискурс*, под которым мы понимаем вид ментально-когнитивной и коммуникативно-прагматической деятельности речевого субъекта, актуализирующийся в жанрово обусловленных типах текста, в которых зафиксированы реконструируемые факты и события из личного или чужого прошлого опыта. В пространстве данного типа дискурса констатируется факт наличия двух основных подтипов, формирующихся в зависимости от специфики ментально-когнитивной деятельности субъекта познания. В качестве константной составляющей коллективно обусловленного подтипа ретроспективного дискурса рассматриваются тексты мифологического жанра. В статье исследуется характер соотношения фикциональных и нефикциональных элементов в немецкоязычных сказаниях, содержащихся в сборнике братьев Grimm «Deutsche Sagen». Осуществляются систематизация и классификация способов экспликации прагматического аспекта анализируемых текстов на лексическом и грамматическом уровнях.

Ключевые слова: ретроспективный дискурс, мифологический жанр, сказания, фактуальность, фикциональность, субъект-ретранслятор.

Для цитирования: Бондарева Л. М. Поэтика и прагматика текстов мифологического жанра // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 74–81.

Original article

POETICS AND PRAGMATICS OF MYTHOLOGICAL GENRE TEXTS

Ludmila M. Bondareva

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, bondareva.koenig@mail.ru

Abstract. Based on a linguistic interpretation of the mechanisms of autobiographical and collective memory, the concept of retrospective discourse is formulated. There are many types of discourse in the total discursive space, combining texts of various genres and different functional and stylistic affiliation. One of these synthetic types is the retrospective discourse that we identified in the course of our research, by which we mean the type of mental-cognitive and communicative-pragmatic activity of a speech subject that is actualized in genre-determined types of text in which reconstructed facts and events from personal or someone else's past experience are recorded. Within this type of discourse, the existence of two main subtypes is established, shaped by the specifics of the subject's mental and cognitive activity. Texts of the mythological genre are considered a constant component of the collectively determined subtype of retrospective discourse. The study examines the relationship between fictional and non-fictional elements in German-language legends contained in the Brothers Grimm's collection *Deutsche Sagen*. The paper systematizes and classifies the ways in which the pragmatic aspect of the analysed texts is explicated at lexical and grammatical levels.

Keywords: retrospective discourse, mythological genre, legends, factuality, fictionality, subject-retransmitter.

For citation: Bondareva L. M. Poetics and pragmatics of mythological genre texts. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;1:74-81. (In Russ.).

Введение

В совокупном дискурсивном пространстве существует немало типов дискурса, объединяющих в себе тексты различных жанров и разной функционально-стилевой принадлежности. Одним из таких синтетических типов является выделенный нами в процессе исследования *ретроспективный дискурс*, под которым мы понимаем вид ментально-когнитивной и коммуникативно-прагматической деятельности речевого субъекта, актуализирующийся в жанрово обусловленных типах текста, в которых зафиксированы реконструируемые факты и события из личного или чужого прошлого опыта. Вполне понятно, что ретроспективная концептуализация фрагментов былого может осуществляться лишь в условиях функционирования автобиографической или, соответственно, коллективной памяти, что предполагает органический сплав в подразумеваемых текстах информации фактуального и фикционального характера [Бондарева 2019: 25].

Важно указать, что при дифференциации автобиографической и коллективной памяти как идентификаторов одного из основополагающих конституирующих признаков ретроспективного дискурса необходимо учитывать характер интеграции прошлого опыта в сферу индивидуального сознания субъекта ретроспективной деятельности.

Так, при прямой, непосредственной интеграции прошлого в сознание речевого субъекта, то есть при реконструкции лично пережитого, в процесс порождения ретроспективного дискурса включаются механизмы автобиографической памяти, что способствует порождению индивидуально обусловленного подтипа данного дискурса

(ИОПРД), актуализирующегося главным образом в мемуарно-автобиографических текстах. В свою очередь, вхождение в ментальную сферу речевого субъекта информации о чужом прошлом опыте, происходящее опосредованно, то есть путем усвоения и переработки автором текста отдельных фрагментов общей культурной памяти человечества, приводит к структурированию коллективно обусловленного подтипа ретроспективного дискурса (КОПРД), который представлен богатым жанровым репертуаром: речь идет о текстах историографического жанра (научных, научно-популярных и художественных), историко-биографических миниатюрах, историческом романе и текстах мифологического жанра, включающих в себя мифы, легенды и сказания.

Говоря о специфике соотношения нефикционального и фикционального начал в текстах КОПРД, необходимо исходить из признания того факта, что реконструкция чужого прошлого опыта, не имеющего отношения к лично пережитому субъектом воспоминаний, закономерно предполагает присутствие в этих текстах некоего «фермента» выдуманного / додуманного. Логически возникающий в этой связи вопрос о релевантном соотношении фикционального и нефикционального начал в текстах КОПРД в целом представляется достаточно серьезной проблемой, продолжающей оставаться в центре научных дискуссий, что служит органическим следствием неоднозначного характера взаимоотношений литературы и историографии.

Основная часть

Исследовательские результаты и их интерпретация

Что касается текстов мифологического жанра, являющихся объектом нашего рассмотрения, то традиционно тексты мифов, легенд и сказаний числятся в разряде произведений художественного, чуть ли не поэтического творчества. Однако в этой же сфере существует особое мнение, идущее ещё от А. Ф. Лосева, который считал миф одновременно универсальной и предельной формой исторического познания, как и любого познания вообще [см.: Лосев 2001]. Развивая концепцию великого русского философа, исследователь Ю. А. Тюменцев указывает, что «всякий миф есть история, причём именно личностная история, история о личностях и обращённая к личности. Любая мифология, храня и передавая самые разнообразные знания, формируя и культивируя в человеческом обществе представления о добре и зле, всегда выражается в художественной, чаще всего поэтической форме. Только миф способен дать человеку подлинно *цельное* знание, и всякая мифология действительно претендует на выражение *всей* истины, *абсолютной* истины. Миф есть единственная форма познания, присутствующая на всех стадиях развития человеческой цивилизации, у всех известных науке культур и народов» [Тюменцев 2003: 54].

В аналогичном русле Н. В. Брянник пишет о том, что мифическое воображение может быть интерпретировано как «*реальность тайны* окружающего мира», как особый род знаний, предвосхищение, или предугадывание, которое, «*не зная, знает* о тайне

существующего в мире»; поскольку воображение представляет собой органический сплав творческого и познавательного моментов, онтология мифа есть «созданная игрой воображения реальность тайного и открытого, двусмысленного и явного» [Брянник 2003: 79–80; 87].

Обратимся в данной связи к рассмотрению текстов отдельных немецкоязычных сказаний, представленных в известном сборнике братьев Гримм «*Deutsche Sagen*».

Как удалось установить в ходе исследования, субстанциальным признаком данного типа текстов является наличие в них антропонимов, хрононимов и топонимов, референциально соотносящихся с реальной исторической действительностью. Так, например, в тексте сказания «*Der Jungferenstein*» упоминание реальных топонимов (*Meißen, Festung Königstein, Jungferenstein / Pfaffenstein*) и вполне правдоподобного исторического факта о поведении людей в годы 30-летней войны сочетается с вымышленной историей происхождения названия *Jungferenstein* и самого появления этой скалы, в которую превратилась непослушная дочь, проклятая матерью. Безусловно, сказочный элемент имеет под собой реальную основу, заключающуюся во внешнем, визуальном сходстве упомянутой скалы с женской фигурой:

Der Jungferenstein

In Meißen, unweit der Festung Königstein, liegt ein Felsen, genannt Jungferenstein, auch Pfaffenstein. Einst verfluchte eine Mutter ihre Tochter, welche sonntags nicht zur Kirche, sondern in die Heidelbeeren gegangen war. Da wurde die Tochter zu Stein und ist ihr Bild gegen Mittag noch zu sehen.

Im Dreißigjährigen Krieg flüchteten dahin die Leute vor den Soldaten [Der Jungferenstein, S. 235].

В свою очередь, в сказании «*Herrmann von Rosenberg*» антропоним реального исторического лица упоминается в контексте совершенно невероятной, сказочной истории о том, как к знатному вельможе Герману фон Розенбергу, торжественно отметившему свое бракосочетание, на следующую ночь явились духи земли (*Erdgeister*) с просьбой сыграть в его доме свадьбу своих соплеменников:

Herrmann von Rosenberg

Als Herrmann von Rosenberg sein Beilager hielt, erschienen die Nacht darauf viele Erdgeister, kaum zwei Spannen lang, hatten ihre Musik bei sich und suchten um Erlaubnis nach, die Hochzeit eines ihrer Brautpaare ebenfalls hier begehen zu dürfen; sie gaben sich für still und friedlich aus. Auf erhaltene Verwilligung begingen sie nun ihr Fest [Hermann von Rosenberg, S. 66].

Переходя к интерпретации прагматического аспекта текстов сказаний, следует учитывать то основополагающее обстоятельство, что в этих текстах представлена поэтическая коллективная картина мира немецкого народа в ее архаизированной и постоянно тиражируемой форме. При этом самопрезентация речевого субъекта, выступающего в

функции ретранслятора информации (псевдо)исторического характера, не должна быть эксплицированной, поскольку данные тексты претендуют на достоверность и аутентичность фактов, передаваемых из уст в уста от поколения к поколению. Акцентуация «объективного» характера реконструкции прошлого коллективного опыта осуществляется при помощи многочисленных ссылок на другие источники или первоисточники информации. Источники подобного рода могут быть конкретизированы в текстах сказаний в виде номинаций, референциально соотносящихся с некими анонимными или, напротив, известными личностями, а также различными группами и общностями людей.

Наглядный пример демонстрации подразумеваемой речевой стратегии можно видеть, в частности, в сказании «Das Schauen auf die Kinder», где исходным источником информации, то есть ее непосредственным транслятором, является некий «житель Лейпцига» – безымянный, но внушающий «безусловное доверие» повествователю-ретранслятору сообщения:

Ein glaubwürdiger Bürger aus Leipzig erzählte [выделено нами – Л. Б.]: *Als sein erstes Kind schon etliche Wochen alt gewesen, habe man es zu drei unterschiedlichen Nächten in der Wiege aufgedeckt und in der Quer liegend gefunden, da doch die Wiege hart vor dem Wochenbette der Mutter gestanden ...* [Das Schauen auf die Kinder, S. 126].

Напротив, в сказании «Johann von Passau» в качестве транслятора-первоисточника информации упоминается известная историческая личность – политический и религиозный деятель Германии Мартин Лютер:

Doktor Martinus Luther erzählt [выделено нами – Л. Б.]: *Ein Edelmann hatte ein schön jung Weib gehabt ...* [Johann von Passau, S. 13].

Атрибутирование транслятора конкретным антропонимом, профессиональной принадлежностью, временным маркером и пр., служит в текстах сказаний для усиления суггестивного эффекта, напр.:

Der Pfarrer Hedler zu Selbitz und Marlsreuth [выделено нами – Л. Б.] *erzählte im Jahr 1684 folgendes ...* [Zwerge leihen Brot, S. 58].

Для придания достоверности и убедительности сообщению речевой субъект может использовать в тексте номинативную цепочку, включающую в себя несколько фикциональных субъектов речи, то есть транслятора и ряд ретрансляторов, как это имеет место в зачине сказания «Die zwei unterirdischen Weiber»:

Folgende Begebenheit hat Prätorius von einem Studenten erfahren, dessen Mutter gesagt hatte [выделено нами – Л. Б.], *sie sei zu Dessau geschehen* [Die zwei unterirdischen Weiber, S. 128].

Следует отметить, что в качестве источника информации в текстах сказаний братьев Гримм нередко упоминаются как жители определённой местности (напр.: *In der Mark Brandenburg geht unter den Landleuten eine Sage von der Roggenmuhme*); *Mehr als eine Gegend der Schweiz erzählt die Sage ...*), так и некая анонимная масса людей (*Von dieser Holle erzählt das Volk vielerlei; Es zeigten alte Leute mit Wahrhaftigkeit an; Diese Sage wird an verschiedenen Orten von andern Menschen erzählt* и др.) [выделено нами – Л. Б.].

При отсутствии прямых указаний на субъекта-ретранслятора характерными речевыми моделями в текстах сказаний братьев Гримм являются пассивные конструкции (*wird erzählt*), клише *es heißt*, а также неопределённо-личные конструкции с глаголами в активном залоге (*man sagt, erzählt, weiß, glaubt, pflegt zu erzählen* и пр.) и высказывания, содержащие существительное *Sage(-n)*, которое идентифицирует данный тип текста (например, *nach einer alten Volkssage, die Sage erzählt, eine Sage geht um, es hat zweierlei Sagen, man hat die Sagen, ... ist folgende Sage* и т. д.).

Кроме того, маркером имплицитного присутствия в ретроспективном повествовании субъекта-транслятора или ретранслятора могут быть конъюнктив и конструкции с глаголом *sollen* в значении передачи чужой речи. Так, в текстах сказаний «Der Birnbaum auf dem Walserfeld» и «Der verzauberte König zu Schildheiß» глагол *sollen* в настоящем и прошедшем времени функционирует в подобном значении в сильной текстовой позиции в зачине сказаний:

Bei Salzburg auf dem sogenannten Walserfeld soll demaleinst eine schreckliche Schlacht geschehen, wo alles hinzulaufen und ein so furchtbares Blutbad sein wird, daß den Streitenden das Blut vom Fußboden in die Schuh rinnt [выделено нами – Л. Б.] [Der Birnbaum auf dem Walserfeld, S. 50];

Das alte Schloß Schildheiß, in einer wüsten Wald- und Berggegend von Deutschböhmen, sollte aufs neue gebaut und wiederhergestellt werden [выделено нами – Л. Б.] [Der verzauberte König zu Schildheiß, S. 51].

Заключение

Подводя итоги вышесказанному, следует констатировать, что в процессе когнитивной деятельности при ретроспективной концептуализации речевым субъектом личного или чужого прошлого опыта происходит структурирование особого дискурсивного типа, который мы предлагаем называть «ретроспективным дискурсом». В зависимости от прямого или опосредованного характера интеграции реконструируемого пережитого в познающее сознание в дискурсивном пространстве формируются индивидуально обусловленный и коллективно обусловленный типы ретроспективного дискурса.

Константным компонентом лимитированного жанрового репертуара текстов коллективно обусловленного подтипа являются синкретические тексты мифологического жанра, в частности, сказания, которым присуще органическое сочетание на содержательном текстовом уровне нефикциональных и фикциональных элементов.

Экспликаторами прагматического потенциала текстов сказаний служат разнообразные языковые единицы лексического и грамматического уровней. Исследование языковых особенностей текстов мифологического жанра позволяет, таким образом, расширить спектр наших представлений о когнитивных основах формирования и вербализации фрагментов коллективного прошлого опыта, лежащего в основе культурной памяти различных национальных сообществ.

Список литературы

1. Бондарева Л. М. Ретроспекция как фактор структурирования дискурса и текста : монография. Калининград : БФУ им. И. Канта, 2019. 295 с. ISBN: 978-5-9971-0563-1 EDN: RFROWF
2. Бряник Н. В. Введение в современную теорию познания : учебное пособие. М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. 288 с. EDN: SHEVBD
3. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М. : Мысль. Серия «Философское наследие», 2001. 558 с.
4. Тюменцев Ю. А. Миф как форма исторического познания // Методологические и историографические вопросы исторической науки : Сб. ст. / отв. ред. Б. Г. Могильницкий. Вып. 27. Томск : Томский университет, 2003. С. 49–55.
5. Das Schauen auf die Kinder // Deutsche Sagen / Hrsg. von den Brüdern Grimm. Bd. I und II. Mit einem Nachwort von Heinz Rölleke. Düsseldorf und Zürich: Artemis &Winkler Verlag, 2002. S. 126–127.
6. Der Birnbaum auf dem Walserfeld // Deutsche Sagen / Hrsg. von den Brüdern Grimm. Bd. I und II. Mit einem Nachwort von Heinz Rölleke. Düsseldorf und Zürich: Artemis &Winkler Verlag, 2002. S. 50.
7. Der Jungferstein // Deutsche Sagen / Hrsg. von den Brüdern Grimm. Bd. I und II. Mit einem Nachwort von Heinz Rölleke. Düsseldorf und Zürich: Artemis &Winkler Verlag, 2002. S. 235.
8. Der verzauberte König zu Schildheiß // Deutsche Sagen / Hrsg. von den Brüdern Grimm. Bd. I und II. Mit einem Nachwort von Heinz Rölleke. Düsseldorf und Zürich: Artemis &Winkler Verlag, 2002. S. 51.
9. Die zwei unterirdischen Weiber // Deutsche Sagen / Hrsg. von den Brüdern Grimm. Bd. I und II. Mit einem Nachwort von Heinz Rölleke. Düsseldorf und Zürich: Artemis &Winkler Verlag, 2002. S. 128.
10. Herrmann von Rosenberg // Deutsche Sagen / Hrsg. von den Brüdern Grimm- Bd. I und II: Mit einem Nachwort von Heinz Rölleke. Düsseldorf und Zürich: Artemis &Winkler Verlag, 2002. S. 66.
11. Johann von Passau // Deutsche Sagen / Hrsg. von den Brüdern Grimm. Bd. I und II. Mit einem Nachwort von Heinz Rölleke. Düsseldorf und Zürich: Artemis &Winkler Verlag, 2002. S. 131–132.
12. Zwerge leihen Brot // Deutsche Sagen / Hrsg. von den Brüdern Grimm. Bd. I und II. Mit einem Nachwort von Heinz Rölleke. Düsseldorf und Zürich: Artemis & Winkler Verlag, 2002. S. 58–59.

References

1. Bondareva L. M. Retrospektiya kak faktor strukturirovaniya diskursa i teksta [Retrospection as a factor in structuring discourse and text]. Kaliningrad, BFU im. I. Kanta, 2019, 295 p. ISBN: 978-5-9971-0563-1 EDN: RFROWF (In Russ.).
2. Bryanik N. V. Vvedenie v sovremennuyu teoriyu poznaniya [Introduction to Modern Epistemology]. Moscow, Akademicheskij proekt. Ekaterinburg, Delovaya kniga, 2003, 288 p. EDN: SHEVBD (In Russ.).
3. Losev A. F. Dialektika mifa [Dialectics of myth]. Moscow, Mysl', Seriya «Filosofskoe nasledie», 2001, 558 p. (In Russ.).
4. Tyumentsev Yu. A. Mif kak forma istoricheskogo poznaniya [Myth as a form of historical knowledge]. *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoy nauki* [Methodological and historiographic issues of historical science]. Editor-in-Chief B. G. Mogil'nitskiy, iss. 27. Tomsk, Tomskiy universitet, 2003, pp. 49-55. (In Russ.).

5. Das Schauen auf die Kinder // Deutsche Sagen / Hrsg. von den Brüdern Grimm. Bd. I und II. Mit einem Nachwort von Heinz Rölleke. Düsseldorf und Zürich: Artemis & Winkler Verlag, 2002. S. 126–127.
6. Der Birnbaum auf dem Walserfeld // Deutsche Sagen / Hrsg. von den Brüdern Grimm. Bd. I und II. Mit einem Nachwort von Heinz Rölleke. Düsseldorf und Zürich: Artemis & Winkler Verlag, 2002. S. 50.
7. Der Jungferstein // Deutsche Sagen / Hrsg. von den Brüdern Grimm. Bd. I und II. Mit einem Nachwort von Heinz Rölleke. Düsseldorf und Zürich: Artemis & Winkler Verlag, 2002. S. 235.
8. Der verzauberte König zu Schildheiß // Deutsche Sagen / Hrsg. von den Brüdern Grimm. Bd. I und II. Mit einem Nachwort von Heinz Rölleke. Düsseldorf und Zürich: Artemis & Winkler Verlag, 2002. S. 51.
9. Die zwei unterirdischen Weiber // Deutsche Sagen / Hrsg. von den Brüdern Grimm. Bd. I und II. Mit einem Nachwort von Heinz Rölleke. Düsseldorf und Zürich: Artemis & Winkler Verlag, 2002. S. 128.
10. Herrmann von Rosenberg // Deutsche Sagen / Hrsg. von den Brüdern Grimm. Bd. I und II: Mit einem Nachwort von Heinz Rölleke. Düsseldorf und Zürich: Artemis & Winkler Verlag, 2002. S. 66.
11. Johann von Passau // Deutsche Sagen / Hrsg. von den Brüdern Grimm. Bd. I und II. Mit einem Nachwort von Heinz Rölleke. Düsseldorf und Zürich: Artemis & Winkler Verlag, 2002. S. 131–132.
12. Zwerge leihen Brot // Deutsche Sagen / Hrsg. von den Brüdern Grimm. Bd. I und II. Mit einem Nachwort von Heinz Rölleke. Düsseldorf und Zürich: Artemis & Winkler Verlag, 2002. S. 58–59.

Информация об авторе

Л. М. Бондарева – доктор филологических наук, профессор,
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта.

Information about author

L. M. Bondareva – Grand Ph. D. (Philology), Professor,
Immanuel Kant Baltic Federal University.

Статья поступила в редакцию 20.11.2024; одобрена после рецензирования 15.12.2024;
принята к публикации 15.01.2025.

The article was submitted 20.11.2024; approved after reviewing 15.12.2024; accepted for
publication 15.01.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 82–90.

Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 1. P. 82-90.

Научная статья

УДК 811.111'42

ПЕРСониФИЦИРУЮЩИЕ МЕТАФОРЫ ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ Э. ДИКИНСОН (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «DEAR MARCH – COME IN»)

Софья Евгеньевна Хорохорина

Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Россия,

sofiakhorokhorina@gmail.com

Аннотация. На примере стихотворения Э. Дикинсон (1830–1886) «Заходи, дорогой Март» (англ. «Dear March – Come in») анализируются особенности художественного отражения субъективно-психологического и природного времени как проявлений естественной изменчивости бытия. Внимание уделяется образно-иносказательному уровню формальной организации поэтического текста. Демонстрируется, что в авторской картине мира Э. Дикинсон к числу ведущих инструментов осмысления сложного феномена времени принадлежит метафора, позволяющая сопрягать абстрактные категории, недоступные для непосредственного восприятия, с конкретными областями опыта. Прибегая к широкому кругу временных метафор, основанных на пространственных, динамических, предметных аналогиях, американская поэтесса особое внимание уделяет олицетворениям. Персонифицирующие метафоры, уподобляющие отдельные проявления темпоральных переживаний межличностным отношениям, отражают антропоцентризм художественного мышления, обусловленный телесной природой человека и его вовлеченностью в общество. В поэзии Э. Дикинсон метафора – не только способ познания мира, но и художественный метод, отличающийся разнообразием дискурсивных проявлений. Делая время центральным героем своих произведений, поэтесса создает сложный узор из соприкасающихся, пересекающихся и взаимодействующих друг с другом метафор. Характерным примером является стихотворение «Заходи, дорогой Март» («Dear March – Come in»), в котором на «фундамент» сюжетобразующих персонифицирующих метафор, введенных в повествование через прямое обращение к темпоральному феномену как к субъекту диалога, накладываются концептуальные проекции суперординантного (ЖИЗНЬ – ЭТО ДОМ) и субординантного (ПРИРОДА – ЭТО ХОЛСТ, КЛЕНЫ – ЭТО ЛЮДИ) уровней. Персонификация служит действенным средством экспликации субъективного переживания происходящих с течением времени перемен в природе.

Ключевые слова: концептуальная метафора, персонифицирующая метафора, метафора времени, темпоральный опыт, Э. Дикинсон.

Для цитирования: Хорохорина С. Е. Персонифицирующие метафоры времени в поэзии Э. Дикинсон (на примере стихотворения «Dear March – Come in») // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 82–90.

Original article

PERSONIFIED TIME IN EMILY DICKINSON'S «DEAR MARCH – COME IN»

Sofia E. Khorokhorina

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia,
sofiakhorokhorina@gmail.com

Abstract. By drawing examples from her poem *Dear March–Come in*, the article examines the ways in which Emily Dickinson (1830-1886) reflects subjective and natural time as means of expressing natural changes. Figurative and allegorical levels of the formal organization of the poetic text are highlighted. The article demonstrates that one of the main devices of conceptualizing the complex phenomenon of time for E. Dickinson is metaphor, which makes it possible to link abstract categories, inaccessible for direct perception, to more tangible areas of experience. Resorting to a wide range of temporal metaphors based on spatial, dynamic, and object analogies, the American poet places emphasis upon personifications. Personifying metaphors, which liken certain manifestations of temporal experiences to interpersonal relations, reflect the anthropocentrism of artistic thinking conditioned by embodiment and human involvement in society. The article notes that in E. Dickinson's poetry metaphor is characterized by a variety of manifestations. Making time the central character of her works, the poet creates a complex pattern of metaphors which intersect and interact with each other. It is exemplified in the selected poem, in which projections of superdynamtic (LIFE IS A HOUSE) and subdynamtic (NATURE IS A CANVAS, MAPLES ARE PEOPLE) levels are superimposed on the "foundation" of plot-forming personifying metaphors, introduced into the narrative through a direct reference to the temporal phenomenon as a subject of dialogue. Personification serves as an effective means of explicating the subjective experience of changes in nature occurring over time.

Keywords: conceptual metaphor, personification, metaphors of time, temporal experience, Emily Dickinson.

For citation: Khorokhorina S. E. Personified time in Emily Dickinson's «Dear March – Come in». Eurasian Humanitarian Journal. 2025;1:82-90. (In Russ.).

Введение

Время, как фундаментальная категория человеческого опыта, является интеллективным концептом – его восприятие происходит не напрямую благодаря специальным органам, а посредством наблюдения изменений в окружающей нас среде: например, смене времен года и суток [Арутюнова 1997: 51; Wittmann 2009: 1955]. Переживания времени напрямую

связаны с нашим эмоциональным опытом познания окружающей действительности, составляющим основу индивидуальной картины мира [Крейдлин 1997: 139]. В сознании человека категория *время* является абстрактной, а ее осмысление и вербализация осуществляются интуитивно, например, посредством концептуальной метафоры.

Концептуальная метафора – это когнитивный механизм, способствующий познанию, структурированию и пониманию мира индивидом. Он представляет собой проекцию знаний из конкретной области (сфера-источник) в абстрактную (сфера-цель). Такие проекции, как правило, фиксируются в нашем сознании механически, то есть являются частью когнитивного бессознательного, в отличие от языковых метафор, которые представляют собой результат их манифестации в языке [Lakoff and Johnson 1980; Lakoff and Gibbs 2008: 24–25].

Одной из конвенциональных форм выражения времени является персонифицирующая метафора, то есть уподобление объекта или сущности неживого мира образу человека. Время представляет собой сферу-цель, а человек выступает в качестве сферы-источника метафорической проекции. Целью данной статьи является анализ особенностей лингвистической манифестации персонифицирующей метафоры времени в творчестве американской поэтессы Э. Дикинсон. Материалом исследования послужило стихотворение «Заходи, дорогой Март» (англ. «Dear March – Come in»).

Основная часть

Некоторые исследователи разделяют понятия метафоры и персонификации, обращая внимание на семантические различия между ними. Метафора подразумевает семантическое преобразование на уровне лексического ядра значения слова, однако при переносе качеств человека на неодушевленный объект или сущность ядро практически не меняется – оно лишь расширяется в рамках нового контекста [Серебрякова 2010: 10]. Тем не менее, многие соглашались с тем, что метафора, как процесс межфреймового проецирования на основе сходства – как предметного, так и беспредметного, неэталонного – является основой персонификации [Воскресенская 2016: 13; Серебрякова 2010: 10].

Персонифицирующая метафора мотивирована эмпирическим опытом, связанным с телесными ощущениями человека. Нередко это отражается напрямую, через метафорические проекции, соотносящие неодушевленный объект с человеческим телом или его частями (например, рука) или органами (например, сердце). Именно поэтому персонифицирующие метафоры принято считать подтипом воплощающих метафор (англ. *embodiment metaphors*). Однако следует отметить, что особенностью персонифицирующих метафор в данной иерархии является их сосредоточенность на психическом и сущностном аспектах человеческой онтологии, а не на ее физической структуре [Araujo Samraio et al. 2020: 186].

В ряде культурологических исследований подчеркивается, что персонифицирующая метафора является способом выражения мифологического мышления: традиция олицетворения природных сущностей прослеживается в язычестве и религии [Воскресенская

2016: 12; Сефербеков 2005: 104]. Отмечается тесная связь персонификации и антропоцентризма – парадигмы, определяющей человека как центр мироздания. [Серебрякова 2010: 9–10].

Концептуальные персонифицирующие метафоры, как правило, имеют номинальную форму выражения, в которой переносимые на неживой объект качества человека конкретизируются (напр. ВРЕМЯ – ЭТО РАЗРУШИТЕЛЬ), а языковая реализация таких метафор характеризуется широким использованием глаголов (например, «Время разрушает») [Dorst 2011: 117; Kövecses 2002; Lakoff and Johnson 1980].

В поэтических текстах персонификация отличается разнообразием дискурсивных проявлений. Оказиональный характер авторских метафор в художественной литературе, в частности – в поэзии, демонстрирует нетрадиционное восприятие мира автором и делает их одним из самых действенных средств раскрытия замысла поэтического произведения, а также инструментом формирования его образной системы. Так, одним из способов создания персонифицирующей метафоры в поэтическом тексте является прямое обращение к неодушевленному предмету как к субъекту диалога. Реализация такой метафоры осуществляется на уровне целого текста [Тихомирова 1988: 39]. Подобный прием не единожды использовался Э. Дикинсон.

Эмили Дикинсон (1830–1886) считается одной из самых важных и влиятельных американских поэтов XIX в. По словам А. Г. Гаврилова, «метафоры для Дикинсон – не украшение стиха, но его суть, суть мышления поэтессы, строй ее мышления» [Гаврилов 2007]. Оказиональные метафоры, характеризующие ее неповторимый художественный стиль, приоткрывают неожиданные грани её картины мира. Конвенциональные, стертые метафоры приобретают новые смыслы и дополнительные контекстуальные семантические приращения.

Несмотря на то, что метафоры Э. Дикинсон довольно часто удивляют читателя, они не выходят за рамки коммуникативных норм: поэтесса использует традиционные механизмы инференции и рассчитывает на способность читателя интерпретировать ее сложные метафорические образы, тем самым демонстрируя, как языковые средства могут быть использованы «для описания неизведанного и непостижимого» [O'Donoghue 2021: 114].

Стихотворение Э. Дикинсон «Заходи, дорогой Март» (англ. «Dear March – Come in»), написанное в 1874 г., отличается структурно-композиционным своеобразием, будучи соткано из реплик автора в диалоге с месяцем мартом:

Dear March – Come in –
 How glad I am –
 I hoped for you before –
 Put down your Hat –
 You must have walked –

How out of Breath you are –
 Dear March, how are you, and the Rest –
 Did you leave Nature well –
 Oh March, Come right upstairs with me –
 I have so much to tell –

I got your Letter, and the Birds –
 The Maples never knew that you were coming –
 I declare – how Red their Faces grew –
 But March, forgive me –
 And all those Hills you left for me to Hue –
 There was no Purple suitable –
 You took it all with you –

Who knocks? That April –
 Lock the Door –
 I will not be pursued –
 He stayed away a Year to call
 When I am occupied –
 But trifles look so trivial
 As soon as you have come

That blame is just as dear as Praise
 And Praise as mere as Blame – [Dickinson 1967: 572–573]

Вежливое обращение, обличающее собеседника в первой строке (*Dear March* – рус. «Дорогой Март»), задает границы персонифицирующей метафоры, на которой основывается весь текст. Говорящий обходителен и гостеприимен в общении с долгожданным гостем (англ. «I hoped for you before»). При помощи императива *Come in* (рус. «Входи») автор обозначает место действия сцены, которая разворачивается перед читателем, а также вводит концептуальную метафору ЖИЗНЬ – ЭТО ДОМ. Олицетворенный образ приобретает бóльшую антропоморфность с упоминанием шляпы (*Put down your Hat* – рус. «Снимай свою шляпу») и наблюдением о физическом состоянии гостя (*How out of Breath you are* – рус. «Как тяжело ты дышишь»). При этом образные элементы имеют эмпирические основания: одышка у Марта-персонажа соотносится с ветряной погодой, которой сопровождается март-месяц. Признание *I have so much to tell* (рус. «Мне так много нужно тебе рассказать») и приглашение подняться наверх, эксплицируемое через императив *Come right upstairs*, говорит о теплых, доверительных отношениях, существующих между участниками диалога.

Упоминание письма в первой строке второго стиха (*I got your Letter* – рус. «Я получила твое письмо»), дополненное обособленным уточнением *and the Birds* (рус. «и птиц») соотносится с приходом вестников весны и указывает на предвкушение перемен. В описании реакции природы на прибытие Марта, Э. Дикинсон снова прибегает к использованию персонифицирующих метафор: так, клены персонифицируются при помощи глагола *knew* (рус. «знали»), который обычно употребляется в контексте одушевленного исполнителя действия, а также лексемы *faces* (рус. «лица»), приписывающей деревьям антропоморфные черты. Фразеологизм *to grow red* (рус. «покраснеть»), использованный в отношении олицетворенных кленов, создает трогательную, умильную картину.

В завершающих строках второго стиха раскрываются новые черты Марта-персонажа. Согласование глагола *hue* (рус. «окрашивать», «придавать оттенок») с дополнением *hills* (рус. «холмы») соотносит сферу-цель ПРИРОДА со сферой-источником ХОЛСТ, создавая образ Марта-художника. Капитализированное слово *Purple* (рус. «пурпур») в данном контексте совмещает метонимическое значение «краска» и метафорическое «закат». Извиняясь за отсутствие пурпура для раскрашивания холмов, Э. Дикинсон подчеркивает, что прибытие Марта характеризуется богатством красок, которое превосходит способность говорящего в полной мере отобразить их.

В третьем стихе появляется новый персонаж – Апрель. Сказуемое *knocks* (рус. «стучит в дверь») позволяет читателю понять, что этот месяц также осмысливается автором как личность. С его появлением в радостном настроении главного героя происходит перемена, о чем свидетельствует лишенный вежливости императив *Lock the Door* (рус. «Заприте дверь»). Причина враждебности говорящего имплицитно указывается в четвертой и пятой строках данного стиха, указывающих на затаенную на Апрель обиду (*He stayed away a Year to call* – рус. «Он пропал на целый год»), а также на желание не торопить события и насладиться временем, которое отведено на встречу с Мартом (*When I am occupied* – рус. «Сейчас, когда я занята»). Второе суждение подталкивает говорящего к тому, что в заключительных строках стиха, вновь адресованных Марту, он решает забыть обиду, которая теперь выражается словом *trifles* (рус. «пустяки»), и подчеркивает ее незначительность созвучным эпитетом *trivial* (рус. «тривиальный»). Так, автор приходит к выводу, что глубина опыта, переживаемого в настоящий момент, имеет первостепенное значение.

Заключение

Исследование образного строя стихотворения Э. Дикинсон «Заходи, дорогой Март» (англ. «Dear March – Come in») свидетельствует о центральной роли персонифицирующих метафор в концептуализации темпорального опыта лирического героя. Сложная ткань поэтической речи, состоящая из множества парадоксальных сближений и неожиданных аналогий, имеет своим организующим началом единый художественный принцип – утверждение одухотворенности всего живого. Это убеждение-знание делает естественным

сопряжение абстрактной бытийной категории времени, как и всего видимого мира, с наиболее близким для автора образом – человека. Концептуальная метафора МАРТ – ЭТО ЛИЧНОСТЬ, структурирующая поэтический нарратив, реализуется в тексте через многочисленные прямые обращения к одушевленному собеседнику – Марту-другу, Марту-знакомому, Марту-гостю. Прибегая для выражения мысли о радостном приходе весны к ярким персонифицирующим метафорам, делающим время живым и осязаемо-конкретным, Э. Дикинсон передает сложную гамму субъективных переживаний, эксплицируя глубину и интенсивность темпорального опыта.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Модели времени // Логический анализ языка. Язык и время / Под ред. Н. Д. Арутюновой и Т. Е. Янко. М. : Индрик, 1997. С. 51–61.
2. Воскресенская С. Ю. Метафора и персонификация: к проблеме взаимоотношений // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. №. 4. С. 11–15. EDN: XAZCCN
3. Гаврилов А. Г. Переводя Эмили Дикинсон (Из дневников) // Эмили Дикинсон. Стихотворения. Письма / Сост. А. Г. Гаврилов, Т. Д. Венедиктова. М. : Наука, 2007. С. 421–447.
4. Крейдлин Г. Е. Время сквозь призму временных предлогов // Логический анализ языка. Язык и время / Под ред. Н. Д. Арутюновой и Т. Е. Янко. М. : Индрик, 1997. С. 139–151. EDN: SYKNAJ
5. Серебрякова Е. В. Персонификация как приём иносказания (на материале немецкоязычного художественного текста) : автореф. ... канд. филол. наук. М., 2010. 26 с. EDN: ZOICLJ
6. Сефербеков Р. И. О персонификации ветра у народов Дагестана // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2005. № 3. С. 102–106. EDN: OQPGXZ
7. Тихомирова Е. А. О некоторых аспектах лингвистической характеристики тропа метафора-олицетворение (на примере русской и белорусской лирики начала XX века) // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. Псіхалогія. 1988. №. 1. С. 39–42. EDN: IAZJXU
8. Araujo Sampaio W. B., Silva Sinha V., Sinha C. Embodiment, personification, identity: Metaphor and world view in a Brazilian Tupian culture and language // Language, culture, and identity: Signs of life. / Ed. V. da Silva Sinha, A. Moreno-Núñez and Zh. Tian. Amsterdam: John Benjamins, 2020. P. 181–202.
9. Dickinson E. The Complete Poems of Emily Dickinson / Ed. Thomas H. Johnson. Toronto: Little, Brown and Co., 1967. 770 p.
10. Dorst A. G. Personification in discourse: Linguistic forms, conceptual structures and communicative functions // Language and literature. 2011. №. 2. P. 113–135. DOI: 10.1177/0963947010395522
11. Kövecses Z. Metaphor: A practical introduction. New York: Oxford university press, 2002. 285 p. DOI: 10.1093/oso/9780195145113.001.0001

12. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
13. Lakoff G., Gibbs Jr., R. *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 566 p. DOI: 10.1017/CBO9780511816802
14. O'Donoghue J. *The Relevance of Metaphor: Emily Dickinson, Elizabeth Bishop and Seamus Heaney*. London: Palgrave Macmillan Cham, 2021. 303 p. DOI: 10.1007/978-3-030-83954-3
15. Wittmann M. The inner experience of time // *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. 2009. № 1525. 364. P. 1955–1967. DOI: 10.1098/rstb.2009.0003

References

1. Arutyunova N. D. Modeli vremeni [Time models]. *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical Analysis of Language. Language and Time]. Edited by N. D. Arutyunova and T. E. Yanko, Moscow, Indrik, 1997, pp. 51-61. (In Russ.).
2. Voskresenskaya S. Yu. Metafora i personifikatsiya: k probleme vzaimootnosheniy [Metaphor and personification: on the problem of relationships]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philology]. 2016, no. 4, pp. 11-15. EDN: XAZCCH (In Russ.).
3. Gavrilov A. G. Perevodya Emili Dikinson (Iz dnevnikov) [Translating Emily Dickinson (From the Diaries)]. *Emili Dikinson. Stikhotvoreniya. Pis'ma* [Emily Dickinson. Poems. Letters]. Moscow, Nauka, 2007, pp. 421-447. (In Russ.).
4. Kreydlin G. E. Vremya skvoz' prizmu vremennykh predlogov [Time through the prism of temporary prepositions]. *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical Analysis of Language. Language and Time]. Edited by N. D. Arutyunovoy i T. E. Yanko, Moscow, Indrik, 1997, pp. 139-151. EDN: SYKNAJ (In Russ.).
5. Serebryakova E. V. Personifikatsiya kak priem inoskazaniya (na materiale nemetskoyazychnogo khudozhestvennogo teksta) [Personification as a device of allegory (based on the material of a German-language literary text)]. PhD dissertation abstract. Moscow, 2010, 26 p. EDN: ZOICLJ (In Russ.).
6. Seferbekov R. I. O personifikatsii vetra u narodov Dagestana [On the personification of the wind among the peoples of Dagestan]. *Vestnik instituta istorii, arkheologii i etnografii* [Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography]. 2005, no. 3, pp. 102-106. EDN: OQPGXZ (In Russ.).
7. Tikhomirova E. A. O nekotorykh aspektakh lingvisticheskoy kharakteristiki tropa metaforolitsetvorenii (na primere russkoy i belorusskoy liriki nachala XX veka) [On some aspects of the linguistic characteristics of the metaphor-personification trope (using the example of Russian and Belarusian lyrics of the early 20th century)]. *Vestnik Belaruskaga dzyarzhaynaga universiteta. Seryya 4: Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika. Psichalogiya* [Vestnik of Belaruskaga Dzyarzhaynaga University. Series 4: Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology]. 1988, no. 1, pp. 39-42. EDN: IAZJXU (In Russ.).

8. Araujo Sampaio W. B., Silva Sinha V., Sinha C. Embodiment, personification, identity: Metaphor and world view in a Brazilian Tupian culture and language // Language, culture, and identity: Signs of life. / Ed. V. da Silva Sinha, A. Moreno-Núñez and Zh. Tian. Amsterdam: John Benjamins, 2020. P. 181–202.
9. Dickinson E. The Complete Poems of Emily Dickinson / Ed. Thomas H. Johnson. Toronto: Little, Brown and Co., 1967. 770 p.
10. Dorst A. G. Personification in discourse: Linguistic forms, conceptual structures and communicative functions // Language and literature. 2011. №. 2. 20. P. 113–135.
DOI: 10.1177/0963947010395522
11. Kövecses Z. Metaphor: A practical introduction. New York: Oxford university press, 2002. 285 p.
DOI: 10.1093/oso/9780195145113.001.0001
12. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
13. Lakoff G., Gibbs Jr., R. The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 566 p. DOI: 10.1017/CBO9780511816802
14. O'Donoghue J. The Relevance of Metaphor: Emily Dickinson, Elizabeth Bishop and Seamus Heaney. London: Palgrave Macmillan Cham, 2021. 303 p. DOI: 10.1007/978-3-030-83954-3
15. Wittmann M. The inner experience of time // Philosophical Transactions of the Royal Society B. 2009. № 1525. 364. P. 1955–1967. DOI: 10.1098/rstb.2009.0003

Информация об авторе

С. Е. Хорохорина – аспирант, ассистент образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук», Балтийский федеральный университет имени И. Канта.

Information about the author

S. Ye. Khorokhorina – Ph. D. Student, Assistant Teacher of Educational and Scientific Cluster «Institute of Education and The Humanities», Immanuel Kant Baltic Federal University.

Статья поступила в редакцию 20.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 10.02.2025.

The article was submitted 20.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 10.02.2025.

Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 91–98.

Eurasian Humanitarian Journal. 2025. No. 1. P. 91-98.

Научная статья

УДК 81'38

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

Екатерина Андреевна Тудакова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,

tudakovae@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрено понятие дискурса международных договоров. Отмечается его двойственная природа – он относится к юридической и дипломатической сфере деятельности государств. Международный договор относится к текстовому этапу речевого взаимодействия в дипломатическом дискурсе и является юридическим документом. Рассмотрены особенности структуры текстов международных договоров. Отмечается, что вид дискурса, который реализуется в тексте международных договоров, сочетает черты юридического и дипломатического дискурсов. На примере двух международных договоров, Венской конвенции о праве международных договоров, принятой 23 мая 1969 г., и Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (1996 год) с дополнительной статьей 5 bis, принятой в 1998 г., проанализировано, какие черты в указанном виде дискурса характерны для юридического и дипломатического видов дискурса. К дипломатическому дискурсу относятся международная дипломатическая терминология и терминология международного права. Это лексика, связанная с установлением дипломатических отношений, заключением международных договоров. Также дипломатический дискурс реализуется в такой структурной части международного договора как преамбула. Юридический дискурс выражается в насыщенности когнитивной информацией, в частности, в таких характеристиках текста как терминологичность, атемпоральность, применение пассивных конструкций, средств компрессии, номинативность. Также присутствует оперативная информация, которая выражается при помощи глагольных конструкций со значением возможности и необходимости, модальных глаголов, интенсификаторов. Сделан вывод о том, что дискурс международных договоров является жанровой разновидностью дипломатического и юридического дискурса, а международный договор – жанром письменных текстов, характерных для дипломатического и юридического дискурса.

Ключевые слова: дискурс, юридический дискурс, дипломатический дискурс, международный договор, дискурс международных договоров.

Для цитирования: Тудакова Е. А. Международные соглашения как средства реализации дискурса международных договоров // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 91–98.

Original article

INTERNATIONAL TREATIES AS MEANS OF REALIZATION OF THE INTERNATIONAL TREATIES DISCOURSE

Ekaterina A. Tudakova

Perm State University, Perm, Russia, tudakovae@yandex.ru

Abstract. The article considers the concept of international treaty discourse. It is noted that it has a dual nature – it refers to the legal and diplomatic sphere of state activity. An international treaty refers to the textual stage of speech interaction in diplomatic discourse and is a legal document. The article also considers the peculiarities of the structure of the texts of international treaties. It is noted that the type of discourse that is realized in the text of international treaties combines the features of legal and diplomatic discourse. On the example of two international treaties, the Vienna Convention on the Law of Treaties, adopted on May 23, 1969, and the UNCITRAL Model Law on Electronic Commerce (1996) with additional article 5 bis as adopted in 1998, was examined which features of this type of discourse are characteristic of legal and diplomatic discourse. Diplomatic discourse includes international diplomatic terminology and terminology of international law. This is the vocabulary associated with the establishment of diplomatic relations and the conclusion of international treaties. Also, diplomatic discourse is realized in such a structural part of an international treaty as the preamble. Legal discourse is expressed in the amount of cognitive information, in particular, in such characteristics of the text as terminology, atemporality, use of passive constructions, means of compression, and nominativity. There is also operational information, which is expressed with the help of verb constructions with the meaning of possibility and necessity, modal verbs, and intensifiers. It is concluded that international treaty discourse is a genre variety of diplomatic and legal discourse, and an international treaty is a genre of written texts characteristic of diplomatic and legal discourse.

Keywords: discourse, legal discourse, diplomatic discourse, international treaty, international treaty discourse.

For citation: Tudakova E. A. International treaties as means of realization of the international treaties discourse. Eurasian Humanitarian Journal. 2025;1:91-98. (In Russ.).

Введение

Международный договор относится к двум сферам деятельности: дипломатия и международное право. Международный договор относится к сфере дипломатии, поскольку представляет собой результат переговоров между государствами или другими субъектами. Отмечается, что к тематике дипломатического дискурса относятся двусторонние и многосторонние отношения государств, сотрудничество государств, вопросы деятельности международных организаций, представительств государств за рубежом [Волкова 2011: 19].

Международный договор относится к текстовому этапу речевого взаимодействия в дипломатическом дискурсе и является юридическим документом. Его положения имеют юридическую силу и должны соответствовать принципам международного права. Также международные договоры являются источниками международного права.

Некоторые двусторонние международные соглашения могут не иметь общепринятой структуры юридического текста, а состоять из нескольких дипломатических документов. Некоторые соглашения заключены в форме обмена письмами. Например, соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индонезии об учреждении генерального консульства Российской Федерации в г. Денпасаре.

Договоры могут быть заключены в форме обмена нотами. К таким договорам относится, например, соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об учреждении генерального консульства Российской Федерации в г. Самарканде. Таким образом, дискурс международных договоров включает черты дипломатического и юридического дискурсов.

Одной из первых работ, в которой представлен лингвистический анализ текстов международных договоров, является исследование С. П. Обнорского. В работе ученого впервые исследуются лексические, грамматические, синтаксические особенности текстов международного соглашения [Теркулов 2017: 182; см. также Тудакова 2024].

В некоторых случаях при заключении международных договоров Российской Федерации требуется перевод договора на русский язык с одного из иностранных языков, как правило, с английского или французского [Рекомендации о порядке подготовки материалов, относящихся к заключению и прекращению международных договоров Российской Федерации (письма МИД России от 1 апреля 2009 г. N 4529/дп и N 4530/дп)].

Отмечается, что в таком случае могут возникнуть лингвистические трудности [Multilingual Texts and Interpretation of Tax Treaties and EC Tax Law 2005: 21]. Перевод юридических документов является одним из интенсивно развивающихся направлений переводческой деятельности, что связано с ростом международной активности [Defeng, Junfeng 2023: 1]. Отмечается, что при выполнении юридического перевода необходим междисциплинарный подход [Хижняк 2022: 23].

Основная часть

Рассмотрим особенности дипломатического и юридического дискурсов на примере Венской конвенции о праве международных договоров, принятой 23 мая 1969 года, и Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (1996 год) с дополнительной статьей 5 bis, принятой в 1998 г. Указанные международные соглашения были выбраны по следующим причинам: Венская конвенция о праве международных договоров – один из основополагающих международных документов в области международного права. В ней устанавливаются правила заключения и применения всех международных

договоров. Венская конвенция является, с одной стороны, источником международного права, а с другой представляет собой результат договоренности государств между собой.

Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле устанавливает нормы в отношении составления и действительности контрактов, заключаемых с помощью электронных средств. Речь идет о договорах, заключаемых между частными лицами. Это международное соглашение было выбрано, поскольку сфера электронной торговли становится все более широко распространенной.

К дипломатическому языку относится международная дипломатическая терминология и терминология международного права, в основном латинского и французского происхождения. К таким терминам относится лексика, связанная с установлением дипломатических отношений, заключением международных договоров [Демидова, Соловьева 2017: 429, 430].

К дипломатической терминологии, используемой в тексте Венской конвенции, относятся следующие термины: *государства-участники (party)*, *ратификация (ratification)*, *оговорка (reservation)*, *договаривающееся государство (contracting State)*, *участвующее в переговорах государство (negotiating State)*, *полномочия (full powers)*, *аутентичный текст (authentic text)*.

Также к дипломатическим терминам относятся названия международных организаций и их документов и органов: *Организация Объединенных Наций (United Nations)*, *Устав ООН (the Charter of the United Nations)*, *Секретариат Организации Объединенных Наций (the Secretariat of the United Nations)*. Помимо этого, в Венской конвенции используется термин *pacta sunt servanda* (лат. – договоры должны соблюдаться). В тексте Типового закона используется термин *государства*, который подразумевает *государства-участники*.

Помимо этого, по нашему мнению, характеристиками дипломатических текстов обладает такая структурная часть международного договора как преамбула. В ней выражаются цели принятия правового акта. Преамбула характеризуется эмоциональной окраской и соответствием высокому стилю. Помимо языковых средств, последний передается также с помощью синтаксических и графических средств (расположение текста на странице) [Алексеева 2001: 218]. В Типовом законе роль преамбулы выполняется резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 51/162 от 16 декабря 1996 г.

Особенностями юридических текстов, значимыми при переводе, являются использование клише, речевых штампов и аббревиатур; наличие терминов, отражающих культурно-специфические особенности правовой системы государства [Konobayeva 2017: 53].

Юридические тексты имеют общепринятую структуру – разделение на блоки (вводный, основной, заключительные положения), что справедливо и для текстов рассматриваемых договоров. Вводной частью является преамбула, затем следует

основная часть, в заключительной части содержатся заключительные и переходные положения (правила принятия международного договора). Как и другие юридические тексты, тексты рассматриваемых международных договоров характеризуются нейтральной тональностью.

Юридические тексты включают в себя следующие виды информации: когнитивная, оперативная. Когнитивная информация представлена юридическими терминами, преобладанием абсолютного настоящего времени глагола и пассивными конструкциями. Оперативная информация передается с помощью глагольных структур со значением модальности необходимости и модальности возможности.

Синтаксис характеризуется полнотой структуры, разнообразием средств, оформляющих логические связи, обилием однородных членов предложения. Также преобладает тавтологическая когезия, то есть повторение в каждой следующей фразе одного и того же существительного [Алексеева 2001: 217–218]. Это необходимо для того, чтобы избежать неоднозначных толкований и передать информацию максимально точно.

В тексте типового закона впервые вводятся специальные термины для обозначения существующих явлений. Термины используются на протяжении всего текста, например, *Data message (сообщение данных)*, *Electronic data interchange (электронный обмен данными)*, *Originator (составитель)*, *Addressee (адресат)*, *Intermediary (посредник)*, *Information system (информационная система)*. Также в статье 1 используется термин *commercial*, пояснение к которому приводится в сноске к статье. Используются и общепринятые юридические термины, например: *Paragraph (1) does not affect any right that may exist to modify by agreement any rule of law referred to in chapter II.*

В статье 2 Венской конвенции аналогичным образом приведены термины, используемые в тексте конвенции: *treaty (договор)*, *ratification (ратификация)*, *full powers (полномочия)*, *reservation (оговорка)*, *negotiating State (участвующее в переговорах государство)*, *contracting State (договаривающееся государство)*, *party (участник)*, *third State (третье государство)*, *international organization (международная организация)*. Помимо этого, при выражении когнитивной информации используется атемпоральность (использование абсолютного настоящего времени). Применяются пассивные конструкции.

В синтаксисе используются различные виды сочинительной и подчинительной связи, причастные обороты. Когнитивная информация также выражается через номинативность (выражение процесса через имя существительное и десемантизация глагольных компонентов): *interchange, transfer, generating*. Кроме того, когнитивная информация выражена с помощью различных средств компрессии: аббревиатуры, компрессирующие знаки пунктуации – скобки и двоеточие; использование при оформлении текста компонентов других знаковых систем.

В тексте документов присутствует и оперативная информация, характерная для юридических текстов. Она выражается при помощи глагольных конструкции со значением возможности и необходимости (*is to be had, applies, are to be settled, is to be presented*), модальных глаголов (*may, shall not*), интенсификаторов (*any, solely*).

Заключение

Эмоциональная и эстетическая информация в текстах международных договоров отсутствует. Исключением является преамбула.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что дискурс международных договоров сочетает черты дипломатического и юридического дискурсов. Дискурс международных договоров является жанровой разновидностью дипломатического и юридического дискурса, а международный договор – жанром письменных текстов, характерных для дипломатического и юридического дискурса.

Список литературы

1. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика : учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб. : Союз, 2001. 288 с.
2. Волкова Т. А. Методика анализа дискурса в моделировании перевода дипломатических текстов // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 17–24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-analiza-diskursa-v-modelirovanii-perevoda-diplomaticeskikh-tekstov> (дата обращения: декабрь 2023). EDN: OHIEIN
3. Демидова Т. В., Соловьева Т. М. Лексические особенности дипломатического дискурса китайского языка // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 1А. С. 428–436. EDN: YUQJAF
4. Теркулов Т. Т. Отражение особенностей внешней политики государств в названии и преамбуле российско-китайских договоров 1950 и 2001 гг. // Один пояс – один путь. Лингвистика взаимодействия : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 16–21 окт. 2017 г.) / отв. ред.: А. П. Чудинов, Сунь Юйхуа. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет. 2017. С. 181–187. EDN: YSETLB
5. Тудакова Е. А. Дискурс международных договоров: структура и специфика // Филологическая наука и образование: тенденции и инновации : сборник конкурсных научно-исследовательских работ студентов. Пермь : Пермский государственный университет, 2024. С. 87–94. EDN: PMAСFA
6. Хижняк С. П. Юридический перевод как вид специального перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-perevod-kak-vid-spetsialnogo-perevoda> (дата обращения: апрель 2024). DOI: 10.15593/2224-9389/2022.3.2 EDN: CBVQRJ

7. Defeng Li, Junfeng Zhao, Victoria Lai Cheng Lei. *New. Advances in Legal Translation and Interpreting*. Singapore: Springer Nature Singapore, 2023. 264 p. URL: https://www.google.ru/books/edition/New_Advances_in_Legal_Translation_and_In/Pr6xEAAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: май 2024).
8. *Multilingual Texts and Interpretation of Tax Treaties and EC Tax Law*. Нидерланды: IBFD Publications. 2005. 344 с. URL: https://www.google.ru/books/edition/Multilingual_Texts_and_Interpretation_of/LcgJnOHJUUC?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: май 2024).

References

1. Alekseeva I. S. Professional'noe obuchenie perevodchika [Professional training of translators]. Saint Petersburg, Soyuz, 2001, 288 p. (In Russ.).
2. Volkova T. A. Metodika analiza diskursa v modelirovanii perevoda diplomaticheskikh tekstov [Methodology of discourse analysis in modeling the translation of diplomatic texts]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2011, no. 3, pp. 17-24. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-analiza-diskursa-v-modelirovanii-perevoda-diplomaticheskikh-tekstov> (accessed: December 2023). EDN: OHIEIN
3. Demidova T. V., Solov'eva T. M. Leksicheskie osobennosti diplomaticheskogo diskursa kitayskogo yazyka [Lexical features of diplomatic discourse in Chinese]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization]. 2017, vol. 7, no. 1A, pp. 428-436. EDN: YUQJAF (In Russ.).
4. Terkulov T. T. Otrazhenie osobennostey vneshney politiki gosudarstv v nazvanii i preambule rossiysko-kitayskikh dogovorov 1950 i 2001 gg. [Reflection of the peculiarities of the foreign policy of states in the title and preamble of the Russian-Chinese treaties of 1950 and 2001.]. *Odin poyas – odin put'*. *Lingvistika vzaimodeystviya* [One Belt One Road: Linguistics of Interaction]. Responsible editors: A. P. Chudinov, Sun' Yuykhua, Ekaterinburg, Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2017, pp. 181-187. EDN: YSETLB (In Russ.).
5. Tudakova E. A. Diskurs mezhdunarodnykh dogovorov: struktura i spetsifika [Discourse of international treaties: structure and specificity]. *Filologicheskaya nauka i obrazovanie: tendentsii i innovatsii* [Philological science and education: trends and innovations]. Perm, Permskiy gosudarstvennyy universitet, 2024, pp. 87-94. EDN: PMACFA (In Russ.).
6. Khizhnyak S. P. Yuridicheskiy perevod kak vid spetsial'nogo perevoda [Legal translation as a type of special translation]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki* [Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Problems of Linguistics and Teachers]. 2022, no. 3. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-perevod-kak-vid-spetsialnogo-perevoda> (accessed: April 2024). DOI: 10.15593/2224-9389/2022.3.2 EDN: CBVQRJ

7. Defeng Li, Junfeng Zhao, Victoria Lai Cheng Lei. New. Advances in Legal Translation and Interpreting. Singapore: Springer Nature Singapore, 2023. 264 p. URL: https://www.google.ru/books/edition/New_Advances_in_Legal_Translation_and_In/Pr6xEAAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: май 2024).
8. Multilingual Texts and Interpretation of Tax Treaties and EC Tax Law. Нидерланды: IBFD Publications. 2005. 344 с. URL: https://www.google.ru/books/edition/Multilingual_Texts_and_Interpretation_of/LcgJnOHJUsUC?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: май 2024).

Информация об авторе

*Е. А. Тудакова – аспирант, кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.*

Information about the author

*E. A. Tudakova – Postgraduate Student, Department of Linguistics and Translation,
Perm State University.*

Статья поступила в редакцию 20.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 25.02.2025.

The article was submitted 20.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 25.02.2025.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Вы направляете нам статью, оформленную в соответствии с требованиями на электронный адрес редакции (lanaschust@mail.ru).
2. Редакционный совет рассматривает Вашу статью (60 дней).
3. При успешном рецензировании редакция высылает Вам ответ о приеме статьи.
4. Журнал выходит в соответствии с графиком.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Сайт журнала: <https://press.psu.ru/index.php/ej>

Научное издание

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

2025. № 1.

Редактор: С. В. Шустова
Компьютерная верстка: Л. Н. Голубцова
Переводчик: Н. Н. Меньшакова
Секретарь: Н. П. Сюткина

Подписано в печать 13.03.2025. Дата выхода в свет 14.03.2025.
Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 11,62. Тираж 500 экз. Заказ № 627.

Адрес учредителя и издателя: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Адрес редакции: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
ФГАОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет».
Факультет современных иностранных языков и литератур.

Отпечатано с готового оригинала-макета в ООО «Типограф»
Адрес: 618554, Пермский край, г. Соликамск, Соликамское шоссе, 17.

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Подписка на журнал осуществляется на сайте «УРАЛ-ПРЕСС»:
<https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8754715/>
Подписной индекс: 015009

Распространяется бесплатно.
Перепечатка материалов из журнала допускается
только по согласованию с редколлегией.